

Лариса Петровна

АКАДЕМИЯ ПОД УДАРОМ

Глава 1. Тайна Элизы Леклер

В дом пришла беда.

Оберон в этом убедился, когда заплаканная служанка приняла у него пальто и предложила пройти в гостиную.

— Миледи Элиза сейчас спустится, — всхлипнула она, отерла лицо ладонью. Оберон понимающе кивнул.

Когда девушка из благородной семьи выставляет на окно горшок с цветущим сластолистом, это значит лишь одно: семья разорена, и девушка готова пойти в содержанки. Неудивительно, что в доме плачут.

Оберон прошел в гостиную, сел на диван, обтянутый дорогим цветастым шелком, поворошил журнал, оставленный на столике. Подумал, не достать ли сигару, но решил, что это будет дерзостью.

Люди и без этого переживают, не стоит их задевать лишний раз.

Генерал Леклер угрюмо смотрел на него с портрета. Из газет Оберон знал, что месяц назад генерал проиграл в карты и свое, и чужое имущество и застрелился. Единственная дочь осталась одна, и дела ее были плохи.

Деньги, деньги, проклятые деньги! Все снова упирается в них! Сколько банковских стервятников уже успели вцепиться в юную Леклер? Сколько кредиторов ломаются в эти двери?

Элиза не торопилась. Оберон расслабленно откинулся на спинку дивана и подумал, что страшно устал. Два часа назад он вернулся из поездки в Заболотье, заехал в министерство магии и сдал добычу и собирался потом вернуться домой и спать, стреляя в тех, кто вознамерится его разбудить.

Но дом генерала Леклера был по соседству с министерством, Оберон увидел в окне горшок со сластолистом, и ноги сами повели его к парадному подъезду.

— Милорд.

Он встрепенулся, обернулся. Элиза Леклер в простеньком светлом платье спустилась со второго этажа, стояла у лестницы, испытующе глядя на Оберона. «Вот он, тот человек, который меня купит, который решит все мои проблемы» — Оберон не умел читать мысли, но не нужно было магии, чтобы понять, о чем сейчас думает Элиза.

Он поднялся с дивана, поклонился, представился:

— Оберон Ренар, к вашим услугам.

— Я знаю, кто вы, — едва слышно прошелестела Элиза. Прошла к креслу, села — тоненькая, прямая, как натянутая струнка. Коснись пальцем — будет звон.

Но за этой хрупкостью Оберон почувствовал силу и независимость, такую странную в нынешней ситуации. Юная Леклер была не так проста, как могло показаться с первого взгляда.

«Хорошенькая, — подумал Оберон. — Даже нет, красавица». Пышные каштановые волосы падали на плечи и спину кудрявыми волнами, маленькое светлокочее лицо с изящными чертами было бледным и усталым, большие каре-зеленые глаза смотрели со страхом и надеждой. Пуховка с пудрой убрала следы слез, но Оберон знал, что девушка плакала.

На мгновение его кольнуло жалостью.

Элиза Леклер сражалась за свою жизнь и честь. Потерпела поражение.

Оберон был победителем, на милость которого она сдавалась.

— Я увидел сластолист в окне, — начал Оберон и понял, что не знает, как дальше вести беседу. Ему еще не приходилось покупать невинных девушек из разорившихся благородных семейств. Элиза кивнула и заговорила быстро-быстро, словно боялась, что ее перебьют или она забудет заученный текст:

— Мой отец покончил с собой, проиграв все имущество. Я полностью разорена, я на грани отчаяния. Этот дом уже не мой, по большому счету, через неделю его заберут. Я нахожусь в самых пугающих обстоятельствах. Этот месяц я бьюсь, пытаюсь найти работу, пока устроилась лишь переводчицей в журнал, но этого ничтожно мало, чтобы хоть как-то жить. И я... я действительно

ищу мужчину, который... — она сделала паузу, пытаясь обуздать волнение, и закончила шепотом: — решит мои проблемы.

Оберон понимающе кивнул. Идти в содержанки — давняя традиция среди благородных, но обедневших барышень, которая позволяет сладко жить, крепко спать и не беспокоиться о том, что завтра ты окажешься в съемной каморке на чердаке под одним одеялом с крысами. И это Элиза еще пробовала где-то работать, взялась за переводы! Обычно девушки из благородных семей сразу идут по простому пути.

Он невольно почувствовал уважение.

— Хорошо, — кивнул Оберон. — Я готов решить ваши проблемы. Дам денег столько, что заткну рот всей столице. Согласны?

Элиза испуганно посмотрела на него. Кивнула. Подумала, что расплатиться за доброту придется уже сегодня, и эта мысль внушила ей ужас.

Оберон не обольщался на собственный счет — он, в конце концов, видел себя в зеркале. Тяжелое скуластое лицо с острым носом, ожог от плевка болотницы на шее — да, не красавец. Зато у него есть деньги, и много. Декану факультета темной магии их, в общем-то, некуда тратить, он живет на полном государственном обеспечении.

— Согласна, — прошептала она. Оберон улыбнулся и сказал:

— Вот и замечательно. Тогда раздевайтесь.

Элиза посмотрела на него так, словно он ее ударил. К щекам прилил румянец, в глазах засверкали слезы, и за удивлением мелькнуло презрение и ненависть. Оберон подумал, что это именно то, что нужно.

Она дала бы ему пощечину, если бы могла.

— Как вы смеете? — голос тотчас же сделался звонким, дрожащим. — Как вы...

Оберон устало вздохнул.

— Будем называть вещи своими именами, миледи Элиза, — ответил он. — Выставив горшок со сладостями, вы стали товаром. Я этот товар купил и теперь хочу осмотреть то, за что заплатил серьезные деньги. Триста тысяч золотых крон, если быть точным.

Элиза побледнела. За триста тысяч золотых крон можно было купить два таких дома и дюжину таких девушек.

— Раздевайтесь, — повторил Оберон. Лицо Элизы дрогнуло, девушка сделалась слабой и жалкой.

— Здесь? — прошептала она. Оберон кивнул, чувствуя, что в эту минуту она сдалась окончательно. Просто устала бороться с судьбой и опустила руки.

Элиза шмыгнула носом. «Почему твой папаша, хренов игрок, оказался настолько глуп, что не подумал о том, что с тобой случится?» — подумал Оберон. Он отвел взгляд — лишь видел краем глаза, как Элиза начала раздеваться: медленно-медленно, словно ее тянули за веревочки.

— Подойдите, миледи, — с максимальным уважением произнес Оберон, когда девушка осталась в сорочке и коротких панталонах. Элиза едва слышно вздохнула, послушно подошла к нему — идеальная фарфоровая куклолка, которая будет такой же кукольно послушной, у которой нет другого выхода. От девушки пахло легкими духами — дорогими, насколько мог судить Оберон — мылом, а сильнее всего страхом.

Оберон дотронулся до ее колена — белого, ледяного — и медленно повел ладонью вверх по внутренней стороне бедра, чувствуя, как по пальцам щелкает ток. Элиза вздрогнула и застыла, как крошечное испуганное животное, которое надеется, что охотник уйдет, если оно не будет двигаться.

Бей или беги. Если ты не можешь сделать ни того, ни другого, то с тобой все кончено.

Как она вообще собиралась продавать себя, с такими хрупкими нервами? Пришел бы какой-нибудь престарелый сладостолобец вроде Моргана Фрили, и ничем хорошим это бы не кончилось. Обычно потом такие девушки прыгают в реку.

Конечно, среди содержанок были такие девицы, которые ходили с гордо поднятой головой и плевали на все сплетни и разговоры, но Элиза Леклер была не из их числа. Для такого равнодушия она была слишком брезглива.

— Говорите, занялись переводами? — спросил Оберон. Ладонь двинулась еще выше. На мгновение им овладело густое властное желание вмять эту точеную живую статуэтку в шелк дивана, разъять, присвоить — или просто запустить пальцы в разрез панталон, прикоснуться к ней там, где сейчас пульсирует живое влажное тепло, где загорается золотой огонек магии. Даже в глазах потемнело — но Оберон сразу же опомнился, стряхивая наваждение.

Незачем. Он и так узнал все, что нужно. За похотью пришло то чувство, которое охватывало хищника за мгновение до того, как зубы вгрызались в горло жертвы.

— Да, — прошептала Элиза. Слеза прочертила дорожку по щеке. — Я знаю старовернский, наречие Малой Вольты и авесинский...

Он отвел руку, поднялся с дивана и мягко опустил ладони на плечи Элизы. Она подняла голову и посмотрела на него с невыносимой болью и надеждой.

— Умница, — улыбнулся Оберон. — Что еще ты умеешь, лисичка?

Девушка шарахнулась от него так, словно Оберон ее ударил. Почти вырвалась: он сумел ухватить ее за запястья, удержал, набросил тонкую сеточку заклинания, которое усмиряло оборотней. Глаза Элизы сверкнули нервным больным блеском, а потом заклинание сработало, и она опустила голову.

— Что теперь? — услышал Оберон едва различимый шепот. — Убьете меня?

Он не удивился. Чего еще ждать лисице-оборотню от декана факультета темной магии, которому по долгу службы полагается уничтожать таких, как она, и учить этому своих студентов. Оберон всмотрелся в серебристую дымку чужой ауры: не оборачивалась ни разу — вот и замечательно. Папаша-генерал был, конечно, дурак, но вживил в дочку нитку заклинания, которая удерживает ее в человеческом виде даже в полнолуние.

Вон она, эта нитка. Змеится по самому краю ауры, почти незаметно.

— Нет, — ласково сказал Оберон. Он позволил себе еще минуту насладиться теплом девичьего тела, цветочным запахом, что поднимался от волос, тонкими очертаниями белых плеч — позволил и отстранил Элизу, сел обратно на диван. — Одевайтесь, миледи, у вас тут не очень-то тепло.

Снова зашуршало платье. Оберон откинулся на спинку дивана и устало закрыл глаза.

Девушка-оборотень из благородного семейства, которую он, судя по всему, не сможет не купить. Прекрасное завершение каникул.

— Оpoznать оборотня можно двумя способами, — произнес Оберон. Его немилосердно клонило в сон от усталости: последние дни лета были полны забот и трудов. — Внутренняя сторона правого бедра всегда отзывается легким ударом тока на прикосновение с заклинанием. Именно поэтому я велел вам раздеться, миледи. Не потому, что хотел облапать поскорее.

Оберон машинально задал себе вопрос, сколько лет у него не было женщины. Кажется, четыре года. Нет, все-таки три — он вспомнил один случай и ухмыльнулся.

— А второй способ? — он услышал шаги, легкий скрип кресла: Элиза переоделась и села.

— А второй способ — это посыпать оборотня специальной серебряной стружкой, — Оберон открыл глаза, улыбнулся. — Но у меня ее сейчас нет, всю истратил на болотах. Да не смотрите вы на меня так, я не сделаю вам ничего плохого.

Лицо Элизы нервно дрогнуло, словно девушка с трудом сдерживала слезы.

— Хотите сказать, что я могу вам верить? — спросила она, вложив в вопрос всю свою язвительность. Оберон улыбнулся.

— Можете. Я не обижу вас, Элиза. Вы ведь не оборачивались, правда?

Девушка медленно кивнула. Поднесла руку к лицу, опустила. Оберон понимал, насколько ей сейчас не по себе — понимал и искренне сочувствовал.

Хотя, конечно, сочувствие — это не то, что оборотень может получить от таких, как он.

Но долг службы у Оберона всегда подчинялся здравому смыслу. Как сейчас.

— Нет. Я не оборачивалась, — сказала Элиза. — Когда я была маленькой, отец водил меня к врачу, мне вшили нить... она не дает оборачиваться. У мамы была такая же.

Оберон понимающе кивнул. Интересный человек был генерал Леклер. Очень интересный. Женился

на лисице-оборотне. Обычно такие живут в одиночестве, и люди видят в них лишь старых дев или угрюмых холостяков, даже не догадываясь, что именно эти люди скрывают под масками.

— Вот и хорошо, — произнес Оберон. — Итак. Убирайте сластолист, пока сюда не пришел еще кто-нибудь. Я выплачу долги генерала, и вам не придется больше переживать за свое будущее.

«Но мне придется с тобой спать», — это было написано на лице Элизы. Огромными буквами. Наверно, она до сих пор чувствовала его прикосновение на коже и сгорала от стыда и другого чувства, незнакомого, но влекущего.

Оберон видел его следы в серебре чужой ауры.

Но Элиза ничего не сказала. Лишь кивнула. Сделка есть сделка, она сама предложила себя, когда поставила на подоконник горшок с цветком. Разговоры уже не нужны.

— Завтра я поеду в академию, — продолжал Оберон. — Скоро начнется учебный год, и меня ждут три курса оболтусов. Скажите служанке, чтобы собирала ваши вещи, вы поедете со мной.

Элиза вздохнула. Прикрыла глаза.

— Все правильно, — ее голос был спокойным и ровным, она смирилась с тем, что ее тайна раскрыта, и решила, что единственный правильный путь — быть милой, послушной и ласковой. И не спорить с человеком, который выплатит все долги ее отца: он ведь может и передумать, если юная леди будет строптивой. — Вы должны взять с собой наложницу.

Оберон понимающе кивнул.

— Вы удивитесь, миледи Элиза, но я не собираюсь с вами спать, — произнес он. Элиза вздрогнула всем телом, посмотрела на Оберона так, словно он ее ударил. — Я не беру женщин против их воли и не использую чужую беду в гнусных целях. Чем быстрее вы в это поверите, тем будет лучше.

Элиза поднялась. Медленно прошла к окну, сняла проклятый горшок со сластолистом и поставила его на пол.

— Почему? — негромко спросила она. — Триста тысяч золотых крон это огромные деньги. Никто не отдаст их просто так, незнакомке. Особенно если я оборотень, а вы охотник на оборотней.

— И мне полагается вас душить просто потому, что вы живете на свете, — Оберон тоже поднялся, подошел к Элизе и мягко, по-дружески сжал ее руку. Она вздрогнула, опустила голову, но руку не отняла. — Бросьте, Элиза! Я хочу вам помочь. Просто потому, что могу. Потому, что однажды дал клятву защищать несчастных. Потому, что мне вас искренне жаль, в конце концов.

— Я... — Элиза провела ладонью по лицу и наконец-то посмотрела Оберону в глаза. — Я этого не ожидала, милорд. Это...

— Сластолист видел не только я, — произнес Оберон. — Вся столица сейчас говорит о том, что дочь генерала Леклера стала шлюхой. Если вы останетесь в городе, то это мнение станет крепнуть с каждым днем.

— А если я уеду, то все обо всем забудут, — промолвила Элиза. Оберон кивнул.

— Верно. Ну что, лисичка, переставайте плакать. Собирайте вещи, завтра нас ждет поезд и дорога в академию. И вот еще что.

Элиза напряглась — от нее так и брызнуло рыжими искрами страха.

— Я вымотался и засыпаю на ходу, — признался Оберон. — Устройте меня в вашей гостевой?

Губы девушки дрогнули в улыбке.

— Разумеется, милорд, — ответила она. — Это ведь теперь ваш дом.

Ей никогда не было так плохо, как в тот момент, когда горшок со сластолистом встал на подоконник — и еще никогда в жизни Элиза не испытывала настолько яркого облегчения, когда сняла его.

Это было освобождением и надеждой. Рядом с этим даже необходимость отправиться с Ренаром в академию казалась Элизе пустяком. Она, конечно, понятия не имела, что будет там делать, но глубинное оборотническое чутье подсказывало, что Элиза обязательно найдет себе занятие.

Все будет хорошо. Она никогда не сидела у окошка, сложив руки и мечтая о принце. И отцу это нравилось: он разрешил ей получить то образование, которое потрясло всех знакомых — Элиза, которая с детства знала несколько иностранных языков, прошла курсы переводчиков при столичной

академии. Знакомые кумушки недоумевали, а Элиза радовалась.

Учеба казалась ей дорогой в новый мир. Учеба спасла ее после смерти отца, когда Элиза бросилась искать работу, чтобы хоть как-то выкарабкаться — она нашла место переводчицы в журнале гораздо быстрее, чем ожидали все ее знакомые. Теперь Элиза жалела лишь об одном: что не стала работать раньше, когда отец еще был жив. У нее было бы больше опыта и личных денег.

Ренаром занялась домоправительница: госпожа Анжени, разумеется, подслушивала их беседу и теперь смотрела на спасителя и избавителя с искренней признательностью. Когда Элиза позвонила в колокольчик, она вошла в гостиную, поклонилась новому хозяину дома и предложила легкий ужин и сигару. Декан отказался. Быстрым шагом идя к лестнице, Элиза услышала, как он говорит:

— Благодарю вас, но нет. Только спать, я страшно вымотался.

— Понимаю, милорд, — госпожа Анжени чопорно кивнула седой головой, как всегда кивала, когда с ней говорил отец. — Тогда прошу вас, гостевая комната на первом этаже.

На мгновение Элизе стало страшно. Ренар мог и обмануть ее. Прикинулся понимающим добрячком — а ночью придет в ее спальню и перережет горло серебряным ножом. Ведь с оборотнями положено поступать именно так — особенно тому человеку, который посвятил свою жизнь войне с порождениями тьмы.

Элиза сказала себе, что он давно убил бы ее, если бы действительно хотел убивать.

Скользнув в свою спальню, Элиза привалилась к закрытой двери и дотронулась до ноги, там, где еще пульсировал огненный отпечаток чужой ладони. Ей казалось, что рука Ренара все еще там, и это ощущение делало Элизу маленькой и слабой. Ноги подкашивались, а в ушах поднимался и нарастал звон.

Ставя сластелист на подоконник, Элиза понимала, на что идет. В этом доме появится человек, который сделает ее своей вещью — сначала мысль об этом пугала Элизу, но потом она поняла, что в этом, собственно, нет ничего нового. Сначала девушка будет собственностью отца и матери, а потом мужа, которого для нее выберут по должности и недрам кошелька. А любовь и чувства пусть остаются в романах. Элиза прекрасно понимала, что написанное в книгах очень редко имеет отношение к настоящей жизни.

И Ренар дотронулся до нее, потому что имел на это все права.

Не чувствуя под собой пола, Элиза прошла к кровати и упала на покрывало. Прикосновение Ренара пробудило в ней что-то далекое, древнее, спавшее глубоко-глубоко. Элиза иногда ловила оттенки этого ощущения и удивлялась тому, насколько оно было сладким и влекущим.

Может, именно его и заковыывают в оборотнях, не давая им превращаться в зверей и терять рассудок?

Интересно, будет ли у нее своя комната в академии? Или все-таки ей предстоит жить с Ренаром, делить с ним ложе и понимать, что она не жена, не порядочная женщина, а простая шлюха, которую он купил...

Элизе стало грустно. Она села на кровати, сняла туфли и подумала: что ж, Ренар хотя бы не промотает ее приданое — нечего тут проматывать.

Может, взять в академию те переводы, которые она получила у редактора? Элиза может быть вещь господина декана, но у нее хотя бы будут собственные деньги. Не станет же он отнимать у нее эти скудные крохи? Элиза представила, сколько ей придется работать, чтобы купить хотя бы комнатку, и это было настолько тоскливо, что она невольно всхлипнула.

«Как вы вообще собирались продавать себя, с такими-то нервами?» — прозвучал в ее голове насмешливый голос Ренара. Элиза переоделась и, глядя на свое платье, подумала, что сожжет его. Этот Ренар дрянь, которая хочет казаться добрячком и защитником слабых. Заставил ее раздеться и облапал вместо того, чтобы сказать: «Элиза, мне кажется, вы оборотень, и я просто должен в этом убедиться».

Но нет! Ему надо было показать свою власть. И страх Элизы пришелся ему по душе.

Элиза свернулась калачиком под одеялом и сделала несколько глубоких и медленных вдохов и выдохов, стараясь успокоиться. Сейчас Ренар мог бы быть с ней в этой постели — а он сказал, что не берет женщин против воли. Возможно, ему стоит верить. Элиза подумала, что у нее просто нет другого выхода.

Этот человек выплатит долги ее отца. Он позаботился о ее чести, хотя мог бы не делать этого. Как

минимум, следует быть благодарной.

Элиза всегда была честной с собой — и признала, что Ренар ей понравился. В нем было что-то очень спокойное и надежное, и это одновременно пугало и радовало.

В шкафу едва слышно зашелестело, словно кто-то маленький пробирался среди платьев. Элиза села, прислушалась: вроде бы никого. Может, мышь в стене? Хотя в доме никогда не было мышей, Элиза знала, что рано или поздно они появятся.

Тишина. Дом постепенно погружался в сон. Слуги заканчивали дела и расходились по своим комнаткам, Ренар, должно быть, уже видел третий сон. Когда Элиза окончательно решила, что ей показалось, шелест послышался снова.

Нет, это не мышь. Это было что-то намного крупнее мыши.

Элиза бесшумно поднялась с кровати и, шагнув к туалетному столику, взяла бутылку ароматической воды для умывания. Если что — плеснет душистой жидкостью или ударит чудовище по голове.

«Там никого нет», — сказала себе Элиза, и в этот миг дверь шкафа тихонько отворилась. На ковер упала густая тень, заклубилась, обретая очертания.

Элиза всмотрелась в то, что вышло к ней из тьмы, и закричала.

Услышав сквозь сон девичий вопль, Оберон слетел с кровати и бросился из комнаты, подхватив с собой лишь маленький кинжал, с которым никогда не расставался. Дом был темен и тих, слуги совсем недавно отправились спать, и сейчас Оберон слышал, как в особняке начинается возня. Люди вскакивали с кроватей и высовывались из комнат, пытаясь понять, что случилось.

Он взлетел по лестнице на второй этаж, и крик повторился. Элиза кричала так, словно ее убивают — и это так и было. Практически выбив дверь ее спальни, Оберон почувствовал тяжкий дух сгибельника — вонь мертвечины, прибывавшую к земле.

Потом Оберон его увидел и отчетливо выругался. Если обычно сгибельников делают из носовых платков, то этого скрутили из грязной простыни с кровавыми пятнами. На ней кого-то изнасиловали или убили, или сделали и то, и другое — Оберон чувствовал, как от ткани веет смертью и предсмертной мукой. Сгибельник танцевал и вертелся на ковре, и под его тряпочными руками и ногами билось девичье тело.

«Хреново», — подумал Оберон. Тело сработало само, швырнув в сгибельника огненный шар заклинания, которое должно было отбросить тряпье в сторону и спасти Элизу. Ткань простыни задымилась, задергалась, сгибельник издал болезненный стон и стал закручиваться еще быстрее. Оберону послышался хруст.

Девушка уже не кричала. Сгибельник лишил ее воздуха, и она потеряла сознание.

У Оберона было меньше минуты. Хуже всего было то, что он не мог бросить более мощных заклинаний, не задев Элизу.

Кому вообще понадобилось насыпать на нее настолько заковыристую дрянь? Кому успела так навредить эта несчастная девчонка, кому она вообще была нужна?

«Возможно, тому, кто убил ее отца», — подумал Оберон и закрыл глаза.

В голове зацокала секундная стрелка на невидимых часах. Заклинание Отторжения было древним и запретным, Оберон прибежал к нему лишь в исключительных случаях и потом расплачивался несколькими днями слабости и тошноты, но только оно могло бы спасти девушку.

Сейчас снова был исключительный случай. Оберон сделал глубокий вдох и швырнул заклинание в сгибельника.

Особняк сотрясло ревом умирающего чудовища. Тот, кто создавал сгибельника и запускал его в дом Элизы Леклер, знал толк в черной магии и порождениях тьмы. Оберон не успел об этом подумать: его ударило в грудь, швырнуло в сторону и приложило головой о столбик кровати.

Рот наполнился кровью. Издалека доносились взволнованные крики, ругань, плач, потянуло горелым, и Оберон вздохнул с облегчением. Со сгибельником было покончено.

Он открыл глаза и увидел, как слуги поднимают Элизу и кладут на кровать. Девушка была жива — без сознания, но жива. Домоправительница хлопотала рядом, бросая на Оберона очень выразительные взгляды.

«Да, спасителю юной красавицы не полагается быть в исподнем», — подумал Оберон, попробовал подняться с пола и предсказуемо не смог этого сделать. Тошнотворная слабость обняла его и заставила обмякнуть на ковре.

От сгибельника остался лишь ком грязного тряпья размером с кулак. Он больше никому не мог причинить вреда. Оберон дунул в его сторону, и сгибельник рассыпался пеплом.

— Милорд? — один из слуг бросился к Оберону, помог ему подняться, и Оберон невольно обрадовался тому, что ничего не ел, такой вязкой и могущественной была тошнота. Он весь покрылся ледяным липким потом, ковер под босыми ногами заскользил куда-то в сторону.

— Немедленно... — прошептал Оберон, глядя, как Элиза открывает глаза, и домоправительница гладит ее по руке, не сдерживая слез. — Отправьте человека в министерство магии... Нам... нужен врач. И маг высшего уровня.

— Сию секунду, милорд! — кто-то из слуг бросился из спальни выполнять приказ. Рыжий здоровяк подошел к Оберону, поддержал, не давая распластаться на ковре. Оберон уткнулся виском в его ручищу, и слуги подхватили его и понесли из комнаты.

Они с Элизой закричали хором. Боль, пронзившая Оберона, была такой, что на мгновение вытряхнула его из жизни. Когда тьма развеялась, то ушла и тошнота со слабостью — какое-то время Оберон наблюдал за суетой, пытаясь понять, что происходит, а затем хриплым шепотом приказал:

— Назад, назад!

Слуги проворно внесли его в комнату Элизы. Девушка уже успела прийти в себя, она плакала от боли, прижимая руки к груди, и Оберон удивленно обнаружил, что чем ближе они друг к другу, тем слабее становится боль.

— На кровать! — распорядился он. Домоправительница ахнула с каким-то забавным возмущением, словно уже успела забыть о сластолисте. Оберона опустили на прохладную хрустящую простыню, он сжал ледяные мокрые пальцы Элизы, и боль отступила.

Несколько мгновений он просто дышал, наслаждаясь тем, что жив. Рядом тихо дышала Элиза, и ее пальцы постепенно наполнялись теплом. Боль выпускала девушку из объятий.

— В министерство уже послали? — спросил Оберон.

— Да, м'лорд! — отрапортовал один из слуг. — Жан убежал только что!

— Что случилось, милорд? — с искренней болью и трепетом спросила домоправительница. — Что это было?

Кажется, только сейчас она окончательно поняла, что Элиза могла умереть этой ночью — страшной мучительной смертью в тряпочных объятиях порождения тьмы.

— Кто-то отправил сюда сгибельника, чтобы убить миледи Леклер, — ответил Оберон. Волосы Элизы рассыпались по подушке, зависли влажными темными кольцами. От них мягко веяло зеленым яблоком — таким живым, свежим запахом. — Откройте окно, дышать нечем.

Оберон закрыл глаза. Услышал, как стукнула оконная рама, и в комнату ворвался ночной воздух — прохладный, уже осенний. Сразу же стало легче дышать.

— Убить меня? — прошелестел голос Элизы. — Бог с вами! Кому я нужна?

Оберон улыбнулся.

— Ненужным людям не подсылают такую дрянь, — произнес он и приказал: — Оставьте нас.

Слуги послушно вышли из комнаты и столпились в коридоре. Последней комнату покинула домоправительница, смотревшая на Оберона с ужасом и надеждой.

Какое-то время они лежали молча. Потом девичьи пальцы дрогнули в Обероновой руке, и он услышал едва уловимый шепот:

— Это было... ужасно. Он выскочил на меня из шкафа, я... Я ничего не успела сделать.

Что-то запульсировало в груди. Кажется, Оберон понимал, что это — и ему хотелось выругаться, да погрязнее, чтобы выплеснуть из себя нарастающую горькую досаду.

— Вы успели закричать, — сказал Оберон. — Как ваша боль в груди?

Элиза удивленно повернула голову в его сторону и тотчас же смущенно отвернулась. Должно быть, тоже считала, что спаситель прекрасной леди не должен лежать в кальсонах.

— Откуда вы знаете? — спросила она. Оберон усмехнулся.

— Потому что у меня тоже болит. Нас сковало заклинанием, Элиза. Простите.

— Да, это именно Двойная цепь. Я такую видел в юности. Редкостная мерзость!

Из всего огромного количества магов и врачей министерства в дом Леклер смогли прийти как раз те, кого Оберон искренне терпеть не мог: Шато, который к сорока годам так и был ассистентом врача, и Вернетт — старый, цепкий и опытный волшебник, который считал Оберона дерзким и наглым выскочкой и никогда не скрывал своего отношения. Оберон отвечал ему взаимностью, и его назначение на должность декана окончательно разорвало любую возможность мирных отношений.

— Да, — согласился Шато. — Именно она. Неизбежное зло, скажем так. Лучше уж Двойная цепь, чем двойные похороны.

Оберон был с ним полностью согласен. Элиза пряталась под одеялом и едва слышно всхлипывала. Присутствие незнакомцев в ее спальне причиняло ей почти физическую боль — к тому же взгляды этих незнакомцев были очень красноречивыми. Вернетт снова навел на Оберона проявляющее стекло в золотой оправе, и, почувствовав легкий укол в висок, Оберон в очередной раз подавил в себе жгучее чувство стыда.

Лежать перед этими коновалами вот так, без штанов, мухой под микроскопом, было на удивление мучительно. Он вполне разделял чувства Элизы.

— И каковы ваши прогнозы, господин Вернетт? — хмуро поинтересовался Оберон. Они могли не любить друг друга, но свою работу Вернетт всегда делал до конца и самым лучшим образом. Ему можно было верить.

— Она обязательно растянется и ослабнет, — ответил Вернетт и протянул Шато свое стекло: — Взгляните, друг мой! Колечки — хоть сейчас в учебник. Да, она исчезнет через три недели, максимум через месяц. Такое случается, главное, что вы оба живы. Завтра сможете выйти из комнаты поодиночке, вот...

Он запустил пальцы в поясную сумку и извлек несколько пузырьков с золотистым содержимым.

— Три капли на стакан вам и миледи Элизе. Постепенно сможете отходить все дальше друг от друга, хотя ночевать все-таки придется вместе. Да и вообще советую особо не отдаляться друг от друга. Чем вы ближе, тем лучше ваши магические поля сладят с этой проблемой. А потом не будет побочных гадостей вроде тошноты или склонности к легочному жабсу, — в глазах Вернетта поплыли отвратительные масляные огоньки, и он с улыбкой заметил: — Впрочем, не думаю, что это причинит вам какие-то неудобства.

Элиза снова всхлинула. Оберон с трудом сдержал желание подняться, сгрести в охапку этого тощего хмыря Вернетта и посоветовать ему ухмыляться так где-нибудь в другом месте. В груди снова заняло, и он спросил:

— Может, есть еще что-то по делу? Советы, рекомендации?

Вернетт и Шато ухмыльнулись одинаково цинично.

— Думаю, вы достаточно опытны, друг мой, чтобы обойтись без моих рекомендаций во время сна с юной прелестницей, — заметил Вернетт, и Шато закивал.

— Джентльмены не ведут себя так, как вы, — гневно воскликнула Элиза из-под одеяла. Вернетт снова осклабился.

— Так и вы уже не очень-то благородная дама, моя дорогая, — произнес он. — Вся столица видела сластолист на вашем окошке. Я хотел зайти, да понял, что денег не хватит.

Элиза шевельнулась под одеялом, пытаясь встать; Оберон придержал ее и, сев в кровати, осведомился, не сводя пронизывающего взгляда с Вернетта:

— Что выбираете, шпаги или пистолет? Я отлично работаю и тем, и другим. Да вы, впрочем, в курсе.

Вернетт побледнел и даже сделал шаг назад, словно подумал, что Оберон бросится на него прямо сейчас. Шато, который мгновение назад похихикивал в стороне — ну а что ему не хихикать, людей всегда забавляет позор и падение ближних — умолк и предусмотрительно отступил к дверям.

— Будет вам, друг мой, какие между нами могут быть дуэли? — примирительно заговорил

Вернетт. — Приношу свои извинения вам обоим.

Он выставил свои пузырьки на прикроватный столик Элизы и посоветовал:

— Постарайтесь уснуть. Во сне магические процессы ускоряются, так что утром вам уже станет легче.

— Сгинь, — прошипел Оберон, и Вернетт с Шато выскочили за двери так проворно, словно им напододали знатного пинка.

Из-под одеяла донесся плач. Оберон вздохнул, откинул одеяло и дотронулся до плеча Элизы — белого, влажного, ледяного. Она вся сейчас была как статуя.

— Вот поэтому вам надо поехать со мной в академию, — негромко сказал Оберон. — Там никто не скажет вам ни единого дурного слова.

Элиза не ответила. Просто плакала, слепо глядя куда-то в сторону. Оберона кольнуло жалостью. Несчастливая растрепанная девчонка, которая никому не сделала ничего плохого, которая переступила через себя, чтобы спастись.

Видимо, ей лучше было бы умереть от голода где-нибудь на чердаке. Тогда все были бы ею довольны. Пусть умерла, зато порядочная.

Оберон погладил девушку по плечу — дьявольщина, он представления не имел, как утешать плачущих барышень! Она снова всхлипнула, но не отстранилась.

— Элиза, — окликнул Оберон. — Не плачьте. Все будет хорошо, я вам обещаю. Ну правда же! Приедем в академию, начнется учебный год. Я вас устрою ассистенткой на кафедре, Ламер постоянно требует помощника...

— Я ничего не умею, — едва слышно откликнулась Элиза. — Только переводы.

Оберон улыбнулся.

— Вы же сможете взять коробку со стула и поставить на стол, правда? — спросил он. — А большего там и не требуется. Ну не плачьте, Элиза. Пожалуйста.

Да, Оберон мог бежать по болоту за скелетами Гнилых гончих, мог выцепить призрака из зазеркалья, мог подняться в небо за туманными змеями, но вот в утешении плачущих девушек он был полным профаном. Элиза снова всхлипнула, провела по лицу ладонью и сказала:

— Вы спасли мне жизнь, милорд... Спасибо вам.

Оберон усмехнулся.

— Право же, я не сделал ничего особенного, — ответил он. Элиза шмыгнула носом, села в кровати, стараясь не смотреть в его сторону.

— Неужели кто-то хочет меня убить? — спросила она. — Это невозможно.

— Сгибельники не появляются просто так, ниоткуда, — ответил Оберон, с омерзением вспомнив грязную простыню с кровавыми пятнами. — Сделать их может только маг, и это требует значительных усилий. Скажите, Элиза... ваш отец любил вас?

Элиза посмотрела на него так, словно искала в его словах какой-то грязный намек. Конечно, за этот месяц она чего только не услышала о своем отце — и теперь готова была броситься в бой.

— Да, — ответила она с вызовом. — Да, он любил меня.

Оберон кивнул. Подумал, что во всей этой ситуации есть что-то книжное. Такое могло бы случиться только в романе: мужчина и девушка связаны заклинанием и не могут расстаться.

Какая пошлость, Господи Боже ты мой.

— Я сегодня думал об этом, — спокойно произнес Оберон. — Он любил вас, заботился, дал образование. Вы были для него не просто ресурсом. Уж поверьте, я знаю, как ведут себя отцы. У меня четыре сестры. Дочь надо выгодно выдать замуж, больше она ни для чего не нужна.

Элиза нахмурилась. Кивнула.

— Да. Да, все так.

— Он не оставил бы вас расхлебывать свои грехи, — уверенно сказал Оберон. — Да, генерал был

разорен, но он нашел бы выход и не свалил все на плечи дочери. Любимой дочери! — Оберон сделал паузу и добавил: — Я готов поклясться, что вашего отца убили. И это сделал именно тот, кто сегодня послал к вам сгибельника.

До этого он не спешил. То ли копил силы, то ли просто наслаждался тем, как Элиза барахтается, пытаясь выбраться из того болота, в которое превратилась ее жизнь. Но потом Элиза выставила сластолист на окно, и ее враг понял, что нужно спешить.

Птичка могла выпорхнуть из клетки. Она почти выпорхнула.

— Господи... — прошептала Элиза. Посмотрела на Оберона темным испуганным взглядом. — Не верится...

— Это еще одна причина для поездки в академию, — Оберон ободряюще улыбнулся и мягко сжал ее руку. — Я знаю там всех. Любой новый человек неминуемо вызовет вопросы. Вы там будете в безопасности, Элиза.

Тонкие пальцы дрогнули в его руке. Элиза улыбнулась в ответ — едва-едва, но все же улыбнулась.

— Спасибо вам, — промолвила она. — Я очень вам благодарна... Оберон.

— Попробуйте уснуть, — доброжелательно посоветовал Оберон. — Завтра все будет по-другому.

Густая тьма в большом зеркале на стене обрела насыщенную синеву, и что-то шевельнулось в ее глубине. «Ты уже это обещал, — услышал Оберон далекий ледяной шелест. — Однажды ты уже говорил, что спасешь и защитишь».

Зеркало дрогнуло. Покрылось изнутри морозным узором.

«И ты обманул, — рассмеялась тьма. — И сейчас ты тоже обманешь».

Элиза была уверена, что не сможет заснуть. Слишком многое случилось с ней за день — нервы звенели, как натянутые струнки, и от мыслей начинала болеть голова. Но после того, как госпожа Анжени подала ей стакан воды с каплями, Элизе стало легче. Намного легче.

— Поспите, — повторил Оберон. Он лежал на краю кровати так, чтобы не дотрагиваться до Элизы, и она с каким-то смешанным чувством подумала, что теперь ей придется спать с ним в одной постели.

Это не пугало. Это было странным и непривычным, только и всего. Элиза думала, что после смрадных объятий сгибельника ее уже ничего не напугает.

— Попробую, — вздохнула Элиза, свернувшись калачиком под одеялом. Отец всегда говорил, что надо быть честной с людьми и собой, и сейчас она признала, что этот человек ей нравится. То, каким тоном он заговорил о дуэли, осадив этих хамов из министерства магии, не могло не вызывать уважения.

— Вы два раза спасли мою честь, — негромко сказала Элиза. — И один раз мою жизнь.

Оберон негромко рассмеялся.

— Я не сделал ничего особенного, уж поверьте. Любой порядочный человек поступил бы так на моем месте.

Теперь уже Элиза рассмеялась.

— Нет... Все наши знакомые знали, в каком я положении. Никто не помог. А Морис вообще расторг нашу помолвку...

Выставляя сластолист на подоконник, она вдруг подумала, что Морис увидит цветок, придет и все исправит. В конце концов, так ведь положено поступать джентльменам?

Но Морис не пришел. Зачем ему бесприданница с проблемами?

В этом разговоре было что-то умиротворяющее. Огонек в лампе медленно гас, давно наступила ночь — густая, темная, уже осенняя. Скоро зарядят дожди, смоят краску с листьев, а потом пойдет снег.

Элизе сделалось тоскливо.

Зачем вообще рассказывать о своих бедах? О расторгнутой помолвке? Впрочем, о чем еще можно говорить в такой ситуации, особенно с человеком, к которому она теперь привязана заклинанием.

— Да и дьявол с ним, с этим вашим Морисом, — заметил Оберон. — Зачем нужен мужчина, который

убегает при первой же проблеме?

Элиза не знала. Девушке положено выходить замуж, быть женой и матерью. Так принято. Муж, конечно, может проиграть в карты приданое своей жены, может ходить к шлюхам, может даже бить — но без него ты все равно не человек. Так, недоразумение.

— Вы ведь не убегаете, — сказала Элиза. Оберон усмехнулся.

— Нет. Я дерусь.

— У вас есть жена? — спросила Элиза и сразу же пожалела об этом. Стал бы Оберон заходить в дом со сластолистом на окне, если бы был женат?

Может, и стал бы. Элиза давно убедилась в том, что благородные люди и поступки есть только в книгах. А в жизни бывает по-разному.

— Нет, — ответил Оберон, и Элизе почему-то показалось, что он смущен.

— Кто мог желать смерти моему отцу? — задумчиво спросила она. — Он был хорошим человеком. У него не было врагов.

Оберон усмехнулся.

— Обычно у хороших людей намного больше врагов, чем можно предположить, — произнес он. — Вашего отца убили. Опозорили. Довели вас до отчаяния, а потом натравили сгибельника. Вашу семью ненавидят, Элиза.

Он шевельнулся, устраиваясь поудобнее. Элиза вдруг подумала, что сейчас он снова возьмет ее за руку — но он не взял.

— Я рада, что вы здесь, — призналась Элиза. — Правда рада.

Оберон негромко рассмеялся.

— Вы милая, — сказал он. Лампа погасла, и во тьме Элиза не видела его лица, но чувствовала, что он улыбается. — Честно говоря, я не думал, что вы вот так взяли и пошли работать. Любая другая барышня давно бы выставила сластолиста. Простой и легкий способ.

Глаза снова защипало. Ставя горшок на подоконник, Элиза переступала через себя. Зачеркивала всю свою жизнь. Выбрасывала прочь свои мечты и надежды, почти видела, как они летят по мостовой опавшими листьями.

— Я думала, что выйду замуж, — промолвила она. — Что буду жить тихо и спокойно, переводить сонеты Кефелли... А оказалось... вот так.

— Еще выйдете, — с непробиваемо спокойной уверенностью сказал Оберон. — Все еще будет, Элиза, можете мне поверить. В таких вещах я никогда не ошибаюсь.

Теперь уже Элиза рассмеялась. Тихий ночной разговор сворачивал в совершенно непредсказуемую область.

— За кого? Вся столица видела сластолиста. А эти господа из министерства расскажут всем и каждому, что мы спим в одной постели, — лицо стало жечь, и Элиза поняла, что готова расплакаться. Интересная штука жизнь, в ней можно пасть, не утратив достоинства.

Все эти дни она готовила себя к тому, что потеряет. И так и не смогла до конца вооружиться здравым смыслом и успокоиться.

— Да хоть бы и за меня, — с прежним спокойствием ответил Оберон. — Человек я обеспеченный, со стабильным положением. Смелый, опять же. И добрый. Ничем и никогда вас не обижу.

Элиза снова поняла, что он улыбается, но не шутит. «Соглашайся! — заорал внутренний голос. — Не в твоём положении ломаться и перебирать такими предложениями!»

— Вы не шутите? — спросила она. — Не говорите так, чтобы меня подбодрить?

— Я совершенно серьезен, — произнес Оберон.

— Это как в романе. Герой пришел и спас девушку в беде.

— Вы так говорите, словно это плохо, — теплые сухие пальцы дотронулись до ее руки, мягко сжали, и у Элизы снова зазвенело в груди. Это была не боль, которая пронзила ее, как булавка бабочку,

когда слуги понесли Оберона из комнаты. Это было нечто, похожее на осеннюю тоску, когда понимаешь, что впереди нет ничего, кроме зимы.

— Это неожиданно, — призналась Элиза. — Оберон... не поймите меня неправильно. Но пусть это будет чуть позже. Мне надо привыкнуть ко всему, что случилось. Да и вам лучше слушать разум, а не порыв доброго сердца.

— Почему же не порыв? — с прежней улыбкой поинтересовался Оберон.

— Потому что о таких порывах жалеют. А я не хочу, чтобы вы жалели о сделанном.

«Потому что это сделает несчастными нас обоих», — подумала Элиза. Могла ли она представить сегодня утром, что ночью будет спать в одной постели с мужчиной, который спасет ее от мучительной гибели?

Жизнь интереснее любого романа, это уж точно.

Некоторое время они молчали. Потом Оберон еще раз сжал ее пальцы и выпустил.

— Хорошо, — сказал он. — Я повторю свое предложение позже. А пока давайте спать.

Ставя сластолист на окно, Элиза понимала, что тот, кто придет покупать, обязательно сломает ее. Но Оберон этого не делал — и этим нравился Элизе все больше и больше.

— Спокойной ночи, — прошептала она. Оберон негромко усмехнулся и повторил:

— Спокойной ночи.

Глава 2. Дорога в академию

Часы пробили семь.

Оберон открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где находится, и почему угрюмая обстановка его холостяцкой спальни вдруг превратилась в воздушную девичью горницу с розовыми букетами, зеркалами и кремовыми обоями.

Потом он вспомнил.

Элиза едва слышно вздохнула во сне. Какое-то время Оберон смотрел на нее — кожа, кремово-жемчужная в утреннем свете, темные завитки кудрявых волос, рассыпанные по подушке, тонкий абрис плеча и руки — и чувство, которое наполняло его, было давним и забытым.

Надо ли было оживлять его? Надо ли было надеяться?

Усилием воли Оберон отогнал ненужные размышления, вернувшись в привычное спокойное расположение духа. Вчера он поступил правильно, в очередной раз доказав верность давней клятве защищать людей от порождений тьмы. В старые времена охотник на оборотней просто стоял и смотрел бы, как сгибельник делает его работу — и Оберон обрадовался, что времена изменились.

Запах, что поднимался от волос и кожи Элизы, был легким и свежим. Оберон прикрыл глаза, усмехнулся. Он просто дышал, и сердце начинало биться быстрее, и волосы шевелились, и что-то стучало в висках: возьми ее. Присвой. Она и так твоя. Ведь победитель чудовищ имеет право на награду — так возьми ее сейчас: теплую, спящую, живую.

Пусть она станет твоей, ты заслужил это Неужели ты не хочешь счастья? Пусть даже такого, отравленного?

Оберон машинально дотронулся до груди и бесшумно поднялся с кровати и двинулся в сторону белой двери в ванную. Стоило ему дотронуться до ручки, как в груди заныло, задергалось, и Элиза села в кровати, разбуженная болью.

— Что вы здесь делаете? — испуганно спросила она, словно не поняла, откуда Оберон тут взялся. Потом Элиза провела ладонями по лицу и вспомнила все, что случилось вчера. — Ах, да... Доброе утро, Оберон.

Оберон сделал шаг назад, и боль унялась. Судя по румянцу, который зарозовел на щеках девушки, ей тоже стало легче.

— Доброе утро, Элиза, — ободряюще улыбнулся Оберон. — Как вы?

Сонная мягкость утекала из девичьих черт. Элиза дотронулась до груди под яремной ямкой, и в ее лице появилось нечто, похожее на интерес исследователя.

— Между нами примерно десять шагов, — сказала она и, усмехнувшись, добавила: — Слава богу, мы можем...

Оберон кивнул. Справлять нужду на глазах у девушки — это было бы невыносимо, и Элиза вполне разделяла его чувства.

— Сделаете эти десять шагов? — спросил он, и Элиза кивнула и выскользнула из-под одеяла. Вот ситуация, о которой они лет через пятнадцать будут говорить со смехом. «Представляете, мы были вынуждены спать в одной постели из-за заклинания! Хорошо, хоть в уборную ходили по отдельности».

Сейчас было не смешно. Оберон был для Элизы посторонним человеком, и если вчера она была ему благодарна за свое спасение, то сегодня в ней пробудилась растерянность и неловкость.

Да и с чего он вообще решил, что у них будет что-то общее через эти пятнадцать лет?

Взяв со стула платье и чулки, Элиза подошла к нему, Оберон открыл перед ней дверь и произнес:

— Десять шагов. Помните.

— Я помню, — кивнула Элиза и нырнула в ванную. Оберон закрыл дверь и устало привалился к стене.

У судьбы дурное чувство юмора. Если уж ей так хотелось, чтобы Оберон завел с кем-то отношения, все же не следовало пришивать его к девушке заклинанием. Из ванны послышался плеск воды, негромкое пение, и все это было таким спокойным и домашним, что Оберон невольно напрягся.

Незнакомые или забытые чувства приводили его в некоторое замешательство. Он прикрыл глаза, падая в прошлое, в солнечное летнее утро, где Женевьев выскальзывала из пенной ванны, как богиня, и весь мир был открыт перед ними и их любовью.

Когда-то он был счастлив. А потом сам все закончил — потому что другого выхода у него не было.

Кто на его месте поступил бы иначе? Какой безумец?

«Ты обещал, — шевельнулась тьма в зеркале. — И ты снова обманешь».

— Шел бы ты... — посоветовал Оберон. — Большими шагами и не оглядываясь. Понял?

Тьма рассмеялась. Она знала Оберона лучше, чем он знал себя.

«Лже-ец, — протянула тьма, рассыпалась шелестящим смехом, похожим на зимний ветер над могилами. — Лжец, который прикрывает свою ложь давними клятвами».

Плеск воды оборвался. Через несколько минут Элиза, умытая, причесанная, полностью одетая, вышла из ванны и спросила:

— Кто-то заглядывал? Вы с кем-то говорили.

Оберон улыбнулся, и тьма в зеркале рассеялась.

— Сам с собой, — ответил он. — Давняя привычка, которую я никак не могу побороть.

Элиза сделала шаг в сторону, давая ему дорогу.

— Десять шагов, — сказала она. — Я помню.

Когда они вышли из комнаты и направились в столовую, откуда уже веяло аппетитным запахом омлета с беконом и грибами, то Оберон не удержался и заметил:

— Такое чувство, Элиза, что мы все-таки женаты.

Элиза хмуро посмотрела на него и сказала:

— Давайте не будем об этом. Потому что у меня чувство, будто мы два каторжника в колодцах.

— Вижу, вы окончательно освоились в моем обществе, — улыбнулся Оберон. — Не бойтесь говорить правду. Но вообще вы думаете о моем ночном предложении. И не знаете, как к нему относиться.

— Читаете мои мысли? — предположила Элиза. Они сели за стол, слуга поставил перед Обероном тарелку с омлетом, и только теперь он понял, как сильно проголодался.

— Нет, — беспечно ответил он. — Просто знаю людей и понимаю, о чем может думать такая девушка, как вы. Мое предложение в силе, Элиза. И в нем нет подвоха, можете не бояться.

Элиза посмотрела на Оберона так, словно сомневалась в его душевном здоровье.

— Вы настойчивы, — заметила она, взяла вилку, но есть так и не начала. — Оберон... я могу говорить с вами откровенно?

В эту минуту она была невероятно мила. Хрупкая статуэтка, но эта хрупкость лишь маска, и за ней Оберону виделся сильный, несгибаемый характер.

И это было только начало ее пути. Какой станет Элиза, когда пройдет свой путь до конца?

«Она мне нравится, — признал Оберон. — Она мне по-настоящему нравится».

— Вы порядочный человек, — сказала Элиза, крутя в пальцах вилку. На щеках выступил румянец, делая девушку по-настоящему живой. Оберон вспомнил, как вчера заставил ее раздеться, и почувствовал укол стыда.

Декан факультета темной магии по определению дрянь. Когда возишься с порождениями мрака, то невольно заимствуешь у них некоторые черты. С кем поведешься, от того и наберешься — идеально сказано. И Оберон невольно обрадовался тому, что Элиза смотрела глубже и видела лучше.

— Вы мне льстите, — привычная улыбка скользнула по губам. Оберон привык улыбаться — так было проще. Человечнее. Элиза посмотрела на него так, что он осекся, поднес палец к губам: молчу, молчу.

— Про факультет темной магии говорят, что там нет хороших людей, — продолжала Элиза. — Что

там учатся убивать и получать от этого удовольствие. Но вы другой, вы... — она отложила вилку и едва слышно промолвила: — Если бы вы были мерзавцем, то надругались бы надо мной этой ночью. Вас никто бы не остановил, вы в своем праве. Но вы этого не сделали, и я... я очень благодарна вам, Оберон.

Оберон понимающе кивнул. Она была права. Любой из его коллег не упустил бы случая и полакомился сладеньким.

А Оберон Ренар просто заснул. Потому что клятвы, которые он принес много лет назад, были для него не просто словами.

Он ведь все еще мог пойти на поводу у того, что заталкивал в глубину души. Мог бы сейчас разложить эту кудрявую девчонку на столе и взять — рваными грубыми движениями, просто ради того, чтобы успокоиться. Кажется, его взгляд изменился: Элиза вздрогнула, опустила глаза и вновь взялась за вилку.

Серебро мягкий металл. Она не убьет и не особо сильно ранит, даже если будет очень стараться.

— Продолжайте, — Оберон вдруг поймал себя на том, что быстрыми движениями крошит хлеб на скатерть: когда-то мать ругала его за эту привычку так, что по всему дому отдавалось. — Я хороший человек. Вы мне благодарны.

— Вы смотрите на меня. Говорите со мной, — в голосе Элизы пульсировал страх и надежда. — Но вы видите не меня, а кого-то другого. И говорите — с ней. И защищаете — ее, а не меня. Оберон, я все понимаю. Я вам очень признательна. Но если ваши намерения все же больше похоти или самолюбиа, то... — она подняла глаза от тарелки и посмотрела на Оберона так, словно пыталась прочесть его мысли. — То повторите ваше предложение тогда, когда будете видеть во мне меня, а не кого-то еще.

Несколько долгих минут они молчали, глядя друг на друга. Оберон чувствовал себя мухой, увязшей в меду.

— Я убил свою жену через три дня после свадьбы, — произнес Оберон. Признание получилось неожиданно легким и спокойным, будто он говорил о том, что выкурил сигару. Он даже подумать не мог, что однажды будет говорить о смерти Женеваев вот так. — В ней проснулись ведьминские способности, неукротимые, к сожалению. Они лишили ее разума и превратили в чудовище. Я был вынужден убить ту, которую обещал любить и защищать — иначе она уничтожила бы не только меня, но еще многих людей. С этим ничего нельзя было сделать.

На мгновение он увидел: нестерпимо яркое солнечное утро, смятая постель, кровавые пятна на белоснежных простынях. Лицо Женеваев, серое, мертвое, было запрокинуто к потолку. Пальцы сжались и разжались — Паучья ведьма умерла. Заклинание, брошенное Обероном, выжгло ей мозг.

Не из той ли простыни скрутили сгибельника для Элизы Леклер?

«Лжец», — прошелестела тьма. Вроде бы Оберон привык к ее голосу, но теперь покрылся ледяным потом.

Элиза поднесла пальцы к губам, словно хотела удержать рвущиеся слова. Глаза влажно заблестели.

— И я смотрю на вас и вижу Женеваев, — закончил Оберон. — Ту, которую клялся любить и оберегать перед алтарем, перед лицом Господа. Ту, которую потом обязан был убить. Вы правы.

— Боже мой... — прошептала Элиза. Оберон видел пульсирующие нити страха в ее ауре, но, кроме страха, там было еще что-то. — Боже мой, Оберон... это...

Ей не хватило слов. Она зажала рот ладонями, зажмурилась, сокрушенно покачала головой.

— Это ужасно, согласен, — кивнул Оберон, стараясь говорить с прежним спокойствием. — Самое забавное, что меня даже наградили за это. Убитая Паучья ведьма — это орден святого Горго первой степени. Плюс деньги, его величество был очень щедр. Я согрешил, а мой грех назвали подвигом. Потому что Паучью ведьму почти невозможно уничтожить, а я вот справился. Выжег мозги своей жене. Той, которую тогда любил больше жизни.

Ему вдруг захотелось говорить. Рассказать этой испуганной побледневшей девчонке о своих бессонных ночах, о живой тьме, что ползет за ним сквозь все зеркала мира, об осенней тоске, которая не разжимает пальцы даже в зной на макушке лета. Но Оберон прекрасно понимал, что после этого между ними может быть только холод и ночь.

Он убьет саму возможность душевного тепла и понимания. Раздавит птенца в яйце.

Элиза убрала салфетку с коленей и встала. Помедлила, закусив губу, а потом протянула Оберону руку.

Это было настолько неожиданно, что он послушно поднялся из-за стола и не сразу понял, что Элиза обняла его. На мгновение боль в груди ожила и растаяла; Оберон сжал зубы, чтобы унять нервную дрожь.

— Мне так жаль, Оберон, — услышал он. — Мне правда очень-очень жаль. Это страшный выбор и страшная ноша. Но... но если ваша жена стала Паучьей ведьмой, то это была уже не та женщина, которую вы полюбили. Ваша Женевьев умерла раньше. Мне очень жаль, Оберон.

Оберону захотелось рассмеяться — и завывать.

— Жалеете меня? — спросил он. Элиза была такой тоненькой и легкой, что он испугался — не сломать бы неловким прикосновением — и все же обнял, нырнул лицом в каштановые кудри и вдруг почувствовал себя живым.

В этот миг прошлое не имело над ним власти. Ничего не было — только эта девочка в его объятиях, которая открыла свою душу и приняла его.

— Нет, — услышал Оберон. — Вам не нужна моя жалость. Я просто разделяю вашу боль.

Где-то далеко рассмеялась тьма в зеркалах: тихо, почти неслышно.

Вещей оказалось неожиданно много. Элиза собиралась взять только самое необходимое, но этого необходимого было столько, что набралось уже три чемодана. Оберон сидел на стуле, смотрел, как служанки со всеми осторожностями упаковывают пушистую песцовую шубу — ну а как же без нее зимой на севере, и Элиза бросала осторожные взгляды в его сторону, делала вид, что все в порядке, и понимала, что ей любой ценой нужно остаться в одиночестве.

Отец всегда говорил: сначала подумай, а потом говори и делай — и Элиза видела, что поступила правильно, когда обняла Оберона в столовой, спрятав свой страх под сочувствием. Но сейчас ей становилось все хуже.

В ее душе что-то звенело и рвалось. Элиза уже знала это чувство — оно нахлынуло на нее сразу же после того, как из кабинета отца донесся выстрел.

Оно будто бы надрывало ткань ее жизни.

Элиза прекрасно понимала: у человека, который занимает пост декана факультета темной магии, руки в крови не то, что по локоть — по плечи. Он охотился и убивал: ведьмы, оборотни, златеницы, двоедушники, среброеды — да, чудовища, но они были и людьми. И он сделал то, что должен был сделать, когда понял, что его жена — Паучья ведьма.

Она принесла бы много боли и горя другим людям. И Элизе страшно было представлять, что творилось в душе Оберона, когда он нанес удар.

Он ведь любил свою жену, он не притворялся, рассказывая о своем чувстве. О нелюбимых не говорят с таким взглядом. Элизе страшно было подумать о том, что чувствует Оберон, с чем он живет каждый день.

— Миледи, а это? — спросила служанка, вынув из шкафа палантин из пашмины и шелка. Когда-то его привез отец и рассказал, что райские птицы, которыми он расшит, обязательно принесут своей владелице счастье и любовь.

— Берите, — кивнул Оберон. — Там бывает очень холодно.

Элиза представила академию — огромный замок с бесчисленными коридорами, высокими потолками, узкими окнами — и невольно поежилась, представив, как по комнате гуляют ледяные сквозняки.

— Когда придет нотариус? — осведомилась она. Молчать было уже невежливо, но Элиза понятия не имела, о чем теперь говорить, и не чувствовала ничего, кроме неловкости.

Она прекрасно понимала, что провела эту ночь в одной постели с убийцей. Но признание Оберона задело Элизу глубже, чем она предполагала.

«Он чудовище, — подумала она и тотчас же добавила: — Он одинок и несчастен».

Оберон щелкнул крышечкой потертых часов — Элиза удивилась тому, что у настолько

обеспеченного джентльмена настолько непритязательные часы — и ответил:

— К полудню. Подпишем все бумаги и поедем на вокзал. Да, мне еще надо поговорить со слугами.

— Разумеется, — кивнула Элиза. — Теперь ведь это все ваше.

«Как и я», — подумала она, но не сказала об этом вслух. Оберон поднялся со стула, прошел по комнате, выглянул в окно. День был совсем осенним — серым, скучным. Моросил мелкий дождь, улицы были темны. От лета не осталось и воспоминаний.

Ну и пусть его. Пусть уходит подальше это страшное лето, которое отняло у Элизы отца и разрушило ее жизнь. Она не будет жалеть о нем.

В груди заворочалась боль, и Элиза не удержала едва слышного вскрика. Оберон поморщился, сделал шаг от окна, и боль улеглась.

— Десять шагов, — извиняющимся тоном произнес он. — Я совсем забыл о них. Простите, Элиза.

Пашмина отправилась в четвертый чемодан, к бумажным сверткам с бельем. Уезжая в дом своего мужа, Элиза обязательно взяла бы с собой украшения, но они давно были проданы. Элиза оставила себе лишь маленькую подвеску: розовая жемчужина в серебре напоминала о матери. Когда-то отец подарил эту жемчужину ей на свадьбу — для этого ему пришлось продать свою лошадь.

— Кажется, это все, — сказала она. Голос дрогнул, Элизе на мгновение сделалось так тошно, что она едва не расплакалась. Оберон правильно понял выражение ее лица, потому что негромко произнес:

— Я подожду снаружи.

Служанки торопливо вышли за ним, комната опустела. Элиза привалилась к закрытой двери и несколько минут стояла просто так. Вот она и покидает свой дом...

От этой мысли становилось пусто и холодно. Здесь Элиза провела всю свою жизнь — вернется ли когда-нибудь? Она медленно пошла по комнате — так, словно пыталась запомнить ее навсегда.

Слезы полились сами. Жизнь Элизы стала чем-то маленьким, как березовый листок на ветру. Она дотронулась до столбика кровати, провела пальцами по прикроватному столику, печально посмотрела на потертого плюшевого медведя, который сидел на подоконнике и глядел на мир единственным оставшимся глазом — старый верный сторож, он не уходил со своего поста.

«Не бойся! — услышала она его беззвучные ободряющие слова. — Справимся, перебедем!»

Элиза шагнула к окну, взяла медведя и тотчас же задохнулась от боли, пронзившей грудь.

Десять проклятых шагов.

Из коридора донеслось сдавленное шипение сквозь зубы. Элиза отпрянула от окна, представила, как Оберон стоит у дверей, и на его лбу выступают капли пота.

— Элиза, — услышала она. — Пришел нотариус.

— Иду! — Элиза быстрым шагом прошла по комнате и вышла, больше не оборачиваясь.

Долгие проводы — лишние слезы.

Компанию нотариусу составлял юрист и человек из банка — все трое были похожи, словно братья: одинаковые темно-серые костюмы, одинаковые прически, даже спокойно-равнодушное выражение лиц. Четверть часа ушла на зачитывание бумаг, по которым господин Оберон Ренар приобретал все движимое и недвижимое имущество госпожи Элизы Леклер, включая долги и платежи по залогам, еще четверть часа ушла на подписание бумаг. Среди документов, которые подписывал Оберон, были и какие-то дарственные, но у Элизы так шумело в ушах, и сердце колотилось так громко, что она не поняла, какие именно вещи он дарит, и кому. Когда троица раскланялась и покинула дом, Элиза обнаружила, что по спине ручьями струится пот.

— Вот и все, — улыбка Оберона была спокойной и ободряющей. — Теперь мне нужны слуги.

Они спустились в гостиную — там, сев на диван, Элиза вдруг заметила, что до сих пор прижимает к себе старого медведя. Слуги выстроились перед Обероном, и тоска снова дотронулась до Элизы липкими пальцами.

Это уже не ее дом. Это не ее жизнь.

— Итак! — Оберон держался уже совершенно по-хозяйски, и слуги слушали его, опустив головы. — Мы с миледи Элизой уезжаем на север, в академию. Вам будут задавать множество вопросов о нас. Отвечайте, что мы помолвлены и вернемся весной, после окончания учебного года. Свадьбу сыграем раньше, осенью.

Госпожа Анжени вопросительно посмотрела на Элизу, словно хотела спросить, правда ли это. Элиза сделала вид, что не заметила ее взгляда.

— Вы, госпожа Анжени, — Оберон посмотрел на домоправительницу, она поклонилась, — записывайте тех, кто будет проявлять особый интерес, и немедленно сообщайте мне о них через артефакты моментальной почты. Сегодня же я распоряжусь о начале большого ремонта в доме, бригаду мастеров вам пришлют из министерства магии.

Ремонт? Элиза удивленно взглянула на Оберона. Зачем это ему? Дом был в идеальном состоянии, отец всегда заботился о нем.

— Ремонт, милорд? — переспросила госпожа Анжени. Оберон кивнул.

— Да. Перестелить паркет во всех комнатах, снять все обои со стен и наклеить новые, полностью заменить системы отопления, канализации и освещения, — произнес он. — Сейчас я могу сказать точно: генерал Леклер не покончил с собой. Он был убит. Его убийцы вчера вечером пытались расправиться с миледи Элизой, и у меня есть подозрения, что все дело в этом доме.

Он сделал паузу и добавил:

— И надо найти, что именно им было нужно.

— Почему вы так уверены, что все связано именно с домом?

Элиза заговорила с ним только тогда, когда они вышли на перрон и встали под навесом в ожидании поезда. Всю дорогу до вокзала она молча сидела на скамье экипажа, и о ее волнении говорили лишь пальцы, намертво стиснувшие ручку маленькой сумки. Оберон даже подумал, что не сможет их разжать — ему захотелось прикоснуться к этим побелевшим пальцам, успокоить девушку, но он ничего не сказал и не сделал. Моросил мелкий дождь, на шляпе и вуали Элизы красовались жемчужные россыпи капель, словно осеннее небо оплакивало ее судьбу.

В день, когда хоронили Женевьев, тоже шел дождь. Оберон не знал, почему вдруг вспомнил об этом, почему перед ним вдруг встало кладбище, белая громада фамильного склепа Ренаров и он сам, почти не отличимый от мертвеца.

Пассажиров было мало. Осенью люди предпочитают отправляться на юг, а не на север. Кому нужны края морошки и сосен, если где-то есть теплое синее море? Прошел разносчик газет, наткнулся на каменное лицо Оберона и не осмелился предлагать товар. Прошли важные проводники в темно-синих мундирах, встали на разметке. Разносчик газет снова махнул свежим выпуском «Ежедневного зеркала», но так и не нашел покупателей.

Передовицу украшал портрет ее величества Раймунды с черной полосой. Сорокадневный траур истекал послезавтра, принц Эдвард готовился надеть корону.

Говорили, что он будет хорошим королем. Оберон почему-то радовался тому, что все маги испокон веков могли позволить себе плевать на любых королей, плохих ли, хороших. Это короли приходили к магазинам и кланялись им в ноги.

— Я не знаю, — признался Оберон. Взгляд, брошенный на него из-под вуали, был удивленным, и Оберон решил объяснить: — На вас напали именно тогда, когда вы выставили сластолист. Значит, птичка ускользнет из клетки, у дома будет новый хозяин. Значит, надо торопиться, убить ее и его — злоумышленник не думал, что вы будете ночевать одна. Начнется неразбериха, суета, следствие. Слуги разбегутся, дом опустеет. Можно будет прийти и взять необходимое. А убивать вас до этого было все-таки опасно. Дочь и отец умерли в один месяц, какой-нибудь ретивый следователь мог увидеть, что дело нечисто.

Он сжал переносицу и добавил:

— Иногда я просто чувствую, что все вот так, а не иначе.

Элиза понимающе кивнула. Вдалеке показалась тяжелая морда паровоза в окружении дыма — будто дракон выползал из норы — и Оберон невольно ощутил прилив сил. Он любил путешествовать, ему нравились поезда и дорога, особенно в приятной компании.

Возле ног Элизы что-то завозилось и негромко запищало. Оберон увидел рыжего щенка — маленького, пушистого, смотревшего с самым несчастным и умоляющим видом: возьмите меня, пожалейте меня! Элиза ахнула, присела к щенку, погладила, защебетала что-то бессмысленно ласковое.

— Какой маленький! Ты чей?

Щенок, разумеется, не ответил. Он усердно замахал хвостиком, пустился чуть ли не в пляс: Элиза понравилась ему, и он всеми силами старался показать, насколько он хорош и каким замечательным другом и защитником станет. От шерсти рассыпались искры, прожгли подол дорожного платья, но Элиза этого не заметила.

— Это не собака, — произнес Оберон, всмотревшись в щенка. — Это квиссоле, у них тут, должно быть, лежка неподалеку.

— Квиссоле? — удивленно спросила Элиза, глядя щенка. — Что это?

— Магический зверь, — объяснил Оберон. — В древние времена они сопровождали каждого мага. Если хотите, возьмите его. В академии можно держать животных.

Элизе не надо было предлагать дважды. Она подхватила щенка на руки, рассмеялась, и Оберону подумалось, что это, должно быть, первое радостное событие для девушки за много дней. И в замке ей будет не так одиноко и тоскливо.

— Спасибо, — она посмотрела на Оберона с таким теплом и любовью, что ему сделалось мучительно неловко, почти как утром в столовой. — Мне всегда хотелось завести собаку.

— Вот и она, — улыбнулся Оберон. Поезд подошел к перрону, и проводники принялись открывать двери и ставить лесенки для пассажиров. Засуетились мальчишки в красных сюртучках, катя телеги с чемоданами и коробками в сторону отсеков для багажа. Элиза вдруг вздохнула, словно вспомнила, где находится и куда едет.

— Нам пора? — спросила она. Оберон кивнул, девушка взяла его под руку, и они пошли к проводнику.

В купе уже горели лампы, а на столике лежала свежая газета, и стояли стаканы с чаем и вазочка с печеньем. Элиза сняла шляпку, села и, сбросив пелерину, принялась устраивать в ней гнездо для щенка. Тот со знанием дела вытер лапки о ковер, запрыгнул к хозяйке и свернулся клубочком среди шелка и кружев. Элиза забыла о своих бедах, и Оберон поймал себя на мысли о том, что теперь ему тоже легко.

Он откинулся на мягкую спинку дивана, взял газету. Стенания по поводу смерти ее величества Раймунды уже успели утратить истерический тон: в основном, все статьи прославляли будущего государя. Оберон перевернул страницу и снова подумал: как хорошо, что он может позволить себе относиться к королям и их воле с исключительным равнодушием.

Ни один владыка не станет спорить с магами. Маги защищают мир и людей от порождений тьмы, и вызывать их гнев — значит ставить под удар всю страну.

Не будет Оберон и его товарищи лазать летом по болотам — к осени навьи опустошат Восточный предел. Там, где сейчас поселки и пшеничные поля, будет лишь бесплодная земля.

— Что там пишут? — поинтересовалась Элиза. В коридоре послышались шаги, в соседнем купе громко потребовали вина. По перрону пробежал последний мальчишка в красном, волок забытый чемодан. Проводник грозил ему кулаком, но мальчишка не обращал внимания.

— Все, как обычно, — ответил Оберон. — Ее величество Раймунда была славной государыней, ее сын будет славным государем. Вы уже придумали, как его назовете?

Щенок звонко чихнул, зевнул и закрыл глаза. Было видно, что он уверен: его жизнь удалась. Элиза улыбнулась.

— Пайпер, — сказала она. — Есть такой цветок, пайперлин розовый. На юге. Отец рассказывал мне о нем.

— Отличное имя, — одобрил Оберон. — Вообще квиссоле замечательные звери. Верные, ласковые. Он станет вам настоящим другом.

Поезд мягко качнулся, попятился назад и медленно-медленно поплыл вперед. Провожавшие махали пассажирам, дождь шел все сильнее, и Оберон ощутил ту легкую грусть, которая всегда бывает, когда уезжаешь. Элиза смотрела в окно с усталой задумчивостью, и Оберон невольно пожалел ее.

Вся ее жизнь переменялась ровно за сутки — вот она едет на север, в академию, которой иногда пугают детей, и ей еще никогда не было так грустно и одиноко.

— Все будет хорошо, — серьезно сказал Оберон. — В академии вы будете в полной безопасности, а соседство со мной скоро закончится. Не вечной же будет эта цепь.

— Я никогда никуда не уезжала, — призналась Элиза. — Мне сейчас не по себе.

Она не успела договорить.

Оберон запер дверь в купе сразу же, как только они вошли — и сейчас ее открыли ключом проводника. Он успел выставить защитный блок и в то же мгновение почувствовал удар в грудь, а затем в живот.

Его сбросило с дивана на пол. Газета взлетела испуганной птицей, упала на диван, и издали донесся свист. В купе скользнул темный силуэт — высокий мужчина держал в руке самый заурядный пистолет, к дулу золотым шнурком был прикреплен артефакт, усиливающий выстрел.

Вместо лица клубилась тьма, дымная, пахнущая гарью — падая в колодец без дна, Оберон смотрел в эту тьму, и в голове пульсировало: «Вот и все. Вот и все». Кажется, Элиза вскрикнула и затихла. Сквозь пульсирующую боль, что выворачивала его наизнанку, Оберон все же смог швырнуть отражающее заклинание — и в этот момент его ударило снова, впечатывая во мрак огненным кулаком.

Далеко-далеко завизжал Пайпер. Умолк.

— Вытягивайте ее. Я справлюсь.

Голос Оберона долетал до Элизы глухо, словно через подушку. Кругом был серый сумрак, сквозь который пробивалась боль в груди. Вот пришло осторожное прикосновение, исчезло, и боль неохотно сделала шаг назад. Элизу потянуло куда-то вверх, к звукам, жизни, свету.

Где она? Что случилось?

— Миледи? Вы меня слышите?

А это уже говорил незнакомец, возможно, тот, кто до нее дотронулся. Врач? Ее ранили?

Элиза попробовала открыть глаза и вскрикнула — таким злым и обжигающим был свет, полоснувший по зрачкам. Она зажмурилась, по щекам потекли слезы.

— Приходит в себя, — услышала Элиза, и говоривший восторженно добавил: — Вы совершили невозможное, милорд. Пять выстрелов! Ваша защита смогла отбить все!

Кажется, в их купе вошел человек, кажется, он стрелял. Элиза вспомнила, как от руки Оберона, выброшенной в сторону черной фигуры, растекся ослепляющий свет, а потом померк. Потом все померкло, остался лишь ужас понимания.

Это смерть. Им не вернуться.

Но Оберон поднял руку, и смерть захлебнулась своей яростью и отступила.

— Миледи? — в очередной раз окликнули Элизу.

— Где мы? — спросил женский голос, и Элиза удивленно поняла, что это она и спрашивает.

— В поезде, — с готовностью откликнулся незнакомец. — В медицинском вагоне. В вас и милорда Ренара стреляли.

Значит, ей не померещилось. Значит, те, кто отправил сгибельника, повторили свою попытку.

Только сейчас Элиза поняла, насколько велика была опасность, и как ей повезло, что вчера сластолист на окне увидел именно Оберон Ренар. Увидел и решил зайти в дом. Окажись на его месте кто-то другой... нет, Элизе страшно было даже думать об этом.

До руки Элизы дотронулись — прикосновение было осторожным, словно человек боялся как-то навредить ей. Элиза открыла глаза и сначала ничего не видела, кроме ослепительной белизны. Потом она увидела, что лежит на белой койке, и такая же белая простыня аккуратно прикрывает ее тело. Оберон сидел рядом на маленьком стуле, и женщина в зеленом халате врача бинтовала его грудь и плечо.

Элиза перевела взгляд правее и увидела сверкающий металлический лоток с каким-то тряпьем — окровавленным, страшным. Она узнала в нем рубашку Ренара, и ее окатило холодом. Чуть поодаль лежало ее собственное платье — чистое, без дыр и кровавых пятен.

— Как самочувствие? — в поле зрения появился мужчина в зеленом одеянии, судя по манере держаться, здешний главный врач. Взяв Элизу за запястье, он сосчитал пульс, заглянул ей в глаза и довольно кивнул.

— Не знаю, — выдохнула Элиза. — Рада, что жива.

— Благодарите вашего спутника, — серьезно сказал врач. — Он успел выставить защитную пелену, она отразила пули. Вас обоих сильно задело отдачей, но это, по счастью, не смертельно. Уже завтра все будет хорошо. И хорошо, что в поездах дальнего следования есть медицинские вагоны! Мы вовремя успели прийти к вам на помощь.

— А где он? — спросила Элиза. — Тот, кто стрелял в нас?

— Спрыгнул с поезда, — негромко ответил Оберон. Женщина закрепила бинт металлическими скобками, он поморщился, дотронулся до плеча, и Элиза с ужасом подумала, насколько же ему сейчас больно, если он остановил все эти пули. — Конечно, полиции уже сообщили, но его вряд ли найдут. Таких очень редко находят.

Его взгляд смягчился, и он добавил:

— Попробуйте поспать, Элиза.

— Вам больно? — спросила Элиза, понимая, каким будет ответ. Но Оберон лишь усмехнулся.

— Терпимо. Спите, Элиза. Все уже позади.

Элиза проснулась уже поздним вечером и обнаружила, что их успели перевести в обычное купе. Поезд мягко стучал по рельсам, за окнами царил непроглядная тьма, и свет лампы мягко плавал в отражении на оконном стекле. Оберон сидел на соседнем диване, лениво перелистывал газету. Пайпер сидел рядом с ним — увидев, что Элиза открыла глаза, квиссоле спрыгнул с дивана и бросился к ней, виляя хвостом и всячески показывая свою радость.

— Как вы? — спросила Элиза. Пайпер забрался к ней, нырнул под руку, ласково лизнул пальцы.

— Все в порядке, — ответил Оберон и перевернул страницу. — Скорее бы добраться до академии, там мы будем в безопасности.

Элиза погладила щенка, он смешно чихнул, зевнул и свернулся калачиком, собираясь спать. Теперь, когда с хозяйкой все было хорошо, он успокоился.

— Вы в очередной раз меня спасли, — сказала она, глядя на Оберона. Тот усмехнулся, пожал плечами, словно хотел сказать, что не сделал ничего особенного, и так на его месте поступил бы каждый. — Спасибо вам.

Оберон кивнул.

— Грудь болит? — поинтересовался он.

— Почти нет, — ответила Элиза, прислушавшись к себе. — Как вы себя чувствуете, Оберон?

— Терпимо, — усмехнулся Оберон. — Думаю о том, кому же ваша семья так успела навредить, что за нами посылают убийцу.

На мгновение Элизе сделалось жутко. Что, если и в академии им не будет покоя? Что, если убийца проникнет и туда, их ведь не оставят просто так, раз уж начали охоту! Оберон будто прочитал ее мысли, потому что успокаивающе произнес:

— В академии несколько уровней магической защиты. Посторонние туда не пройдут, а свои все на виду. Вам не о чем беспокоиться, Элиза. Поверьте мне.

— Я не знаю, — прошептала она. Теплое тельце щенка под рукой будто бы возвращало к жизни, сейчас Элиза понимала, что смогла избежать страшной опасности, и это понимание придавало ей сил. — Кто мог так ненавидеть нас с отцом? Мы никому не делали ничего плохого. Все любили его, у него не было врагов.

Она осеклась, понимая, что ничего не знает о своем отце. Элиза вспомнила, как в свой последний день отец приехал откуда-то, быстрым шагом прошел по гостиной, подошел к ней и, глядя с искренней любовью, произнес: «Девочка моя, ничего не бойся. Я знаю правду». Элиза настолько

растерялась, что даже не смогла спросить, какую правду отец имеет в виду. А потом он заперся в кабинете и не отвечал, когда Элиза постучала и позвала его, потом был выстрел, и ее жизнь оборвалась.

— Перед смертью отец сказал мне, что знает правду, — Пайпер вздохнул, задремав, Элиза погладила его. — И что я не должна бояться. Может, дело в этом?

Оберон усмехнулся.

— Осталось выяснить, какую именно правду он имел в виду, — произнес он и, сунув пальцы в карман, вынул шарик артефакта и показал Элизе. — Ваша домоправительница пока не пишет ничего интересного. Но ремонт уже начали.

— Перед смертью отец сжег все бумаги, — сказала Элиза. — Правда, сейчас я уже не уверена, что это был он.

Следствие провели тщательно — все-таки генерал Леклер был не последним человеком в стране. Вердикт был однозначным: самоубийство, без малейшей примеси магии. Генерал проиграл все, что имел, не вынес такого позора и покончил с собой.

— Мы это выясним, — ответил Оберон, и Элизе понравилось, как прозвучало это «мы». Впервые за долгое время она наконец-то почувствовала, что не одна. Рядом с ней был человек, который мог защитить ее, и от этой мысли на душе становилось так легко, что хотелось петь.

— Я рада, что вы со мной, — призналась Элиза, и Оберон улыбнулся в ответ. Сейчас она видела в нем только хорошего человека. Не охотника на нечисть, не безжалостного убийцу — человека.

— Я тоже рад, Элиза, — ответил Оберон, и на мгновение Элизе показалось, что он видит именно ее, а не призрак убитой жены. Что оковы прошлого разрушились, дав Оберону свободу.

Это было так больно и радостно, что сердце пропустило удар.

«Мы сможем подружиться по-настоящему, — подумала Элиза. — Мы, возможно, сможем даже полюбить».

Глава 3. Господин зельевар

Анри Ламер, который встречал их на перроне, выглядел хмурым и обиженным на весь белый свет — он всегда был таким в последние дни лета. Оберон не сдержал улыбки: сколько он знал его, Анри ненавидел начало учебного года, тупость студентов, которые не отличают стружку корня варфоломеевой травы от соскоба с козьего копыта, и то, что нужно вести занятия и заполнять документацию, а не парить мыслью в вершинах зельетворчества.

— Я привез тебе помощницу! — заявил Оберон сразу же, без приветствий. — Прошу: Элиза Леклер, с сегодняшнего дня официально в штате академии. Она, кстати, моя невеста, так что искренне рекомендую тебе быть паинькой.

Анри выразительно завел глаза к низкому серому небу. На севере давно царила и правила осень, все было рыжим и золотым, догорающим, и господин старший зельевар академии казался кем-то вроде осеннего эльфа: аккуратно уложенные светлые волосы, бледное лицо античной статуи, щегольской сюртук с золотой искрой. Красавец, все студентки рвались остаться с ним наедине, но Анри не желал смотреть дальше своих бутылочек с зельями.

Оберон не переставал этому удивляться.

Элиза бросила в его сторону настороженный взгляд, словно хотела напомнить, что так и не сказала ему «да», и не стоит говорить об их возможном браке настолько самоуверенно. Но она ничего не сказала, а Оберон сделал вид, что не заметил, как Элиза на него посмотрела.

Можно подумать, это такая неприятная судьба, стать его невестой.

— Приветствую, миледи, — поклонился Анри, протянул руку по профессорской вольнодумной привычке пожимать изящные девичьи пальцы, а не целовать их. — Что за нити в вашей ауре?

— На нас напали, — ответила Элиза, удивленно обменявшись с ним рукопожатием. — Но господин декан проявил чудеса храбрости и спас нас обоих.

Анри снова завел глаза к небу. Иногда он бывал невыносим, но Оберон знал: случись что, ему не найти более преданного друга, помощника и защитника. Анри всегда готов был прикрыть ему спину в случае проблем, и Оберон отвечал ему взаимностью.

— Теперь придется проявлять чудеса изворотливости, — заметил Анри, когда они неспешным шагом двинулись к экипажу. — В этом году у нас куратор из министерства магии и еще один тип уже от управления образования. Оба исключительно мерзкие, оба терпеть не могут друг друга, уже сунули нос в мою лабораторию и успели переругаться.

— Полагаю, ты тоже не молчал? — поинтересовался Оберон. Они прошли к стоянке, и он увидел красный экипаж академии, в который уже погрузили их с Элизой вещи. Возница Жан-Жак, которого в прошлом году леший три дня водил по местным лесам, клевал носом на своей скамье, лошадка меланхолично хрупала яблоком.

— Еще бы я промолчал! — фыркнул Анри. — Ненавижу, когда министерские сморчки суют свои немые лапы в мои сундуки, — он покосился на Пайпера и вдруг улыбнулся. Щенок весело замахал хвостиком — зельевар ему тоже понравился. — Кстати, о лапах, миледи. Ваш квиссоле будет славным охотником на крыс, насколько я вижу.

Элиза одарила его хмурым взглядом из-под пушистых ресниц и, подхватив с земли щенка, прижала его к себе крепче. Помогая ей устроиться в экипаже, Оберон поинтересовался:

— А что-нибудь еще интересное ты видишь?

Анри прищурился, пристально взглянул на Элизу, и в его взгляде мелькнул отчетливый мужской интерес.

— Я вижу цепочку между вами, — негромко сказал он. — Она потихоньку растягивается, исчезнет через пару недель. А еще на вас напали вчера. Нам нужно ждать незваных гостей?

— Боюсь, что нужно, — ответил Оберон. Элиза сидела рядом с ним, и он чувствовал, как где-то в глубине его души начинают звенеть невидимые струны. «Она мне нравится, — в очередной раз признал Оберон. — И то, что я вчера в очередной раз спас ее, привязывает нас друг к другу все крепче».

Утром между ними было уже двадцать шагов. Можно провести ночь в одной комнате, но на разных кроватях. Приказать домовым принести в его спальню диван...

Оберон сам поразился тому, насколько муторно от этого стало на душе.

Экипаж покати́л по дорожке среди красно-рыжих кленов. Дорога уходила в гору, и отсюда уже был виден замок: массивный, подавляющий, даже грубый. Башни и башенки не украшали его, как чепцы и кружева не украшают уродливую женщину, а делают ее нелепой. Но Оберон любил этот замок — ему всегда здесь было спокойно и уютно.

Мы ведь любим матерей и бабушек не за красоту.

— Можешь на меня рассчитывать, — произнес Анри. — Как приедем, сварю для вас зелье. Отойдете друг от друга еще на десять шагов уже вечером.

Оберон усмехнулся. Наверно, это должно было обрадовать его, но он почему-то не испытывал радости.

Все случившееся казалось ему сном или миражом. Провел ночь с девушкой, несколько раз спас ее жизнь, привязался к ней, прикипел — и теперь с каждой минутой все возвращалось на круги своя. Они отдалялись друг от друга, и это, должно быть, было правильным.

— Благодарю вас, — улыбка Элизы была по-настоящему чарующей. — Эта боль в груди что-то невыносимое.

Лицо Анри озарилось той улыбкой, которой Оберон у него раньше не замечал. Вроде бы ничего особенного, но ему вдруг захотелось взять старого друга и коллегу за воротник и посоветовать вести себя прилично, как он позавчера посоветовал министерским сморчкам.

Раз уж пожираешь девушку взглядом, то хотя бы не чавкай.

«Я дурак, — признался Оберон. — Она совершенно свободна. Она не приняла моего предложения. Да, я называю ее своей невестой, а она этого не отрицает. Да, я сам предложил ее в помощницы Анри, никто не тянул меня за язык. Кто тут дурак? Я тут дурак, невесть чем набитый».

Он напомнил себе, что вообще-то выплатил долги покойного генерала, а Элиза выставила на подоконник сластолист. По всем законам, писаным и неписаным, он имел на нее права.

Почему-то от этой мысли стало еще хуже.

— Никогда не видела такого замка, — призналась Элиза, когда экипаж въехал в ворота. Она смотрела по сторонам с искренним любопытством, и Пайпер на ее руках тоже глазел с интересом. — Он странный. Но уютный.

Оберон улыбнулся. Экипаж въехал во внутренний двор, и Оберон подумал, что вернулся домой, к привычной, спокойной и предсказуемой жизни. Студенты, которые сидели на скамейках, наслаждаясь теплым деньком, помахали ему. На руке второкурсника Пауля Оберон заметил шнурок с волкудлачьим клыком.

Что ж, не он один охотился этим летом.

— Эти два типа, кто они? — поинтересовался Оберон, помогая Элизе спуститься из экипажа. Мелькнула неприятная мысль, что с этими министерскими господами в замок мог заявиться и убийца. Анри усмехнулся.

— Морис Лаваль и Николая Азуле. Приехали без слуг, — ответил он. — О, кажется, я уже слышу, как они скандалят.

Одно из окон открылось, во двор выглянула госпожа Бьянка и энергично замахала Оберону тонкой сухой рукой.

— О, господин декан, наконец-то! — воскликнула она. — Скорее! У нас проблемы в деканате!

Оберон вздохнул — начинался учебный год, и ему было тоскливо и в то же время как-то весело. Сейчас, вернувшись в академию, он ощущал биение жизни во всей ее полноте.

Он снова был на своем месте.

Элиза испуганно посмотрела на него. Оберон снова улыбнулся и взял ее за руку.

— При деканате есть комната отдыха, — сказал он. — Там вполне уютно.

— Нам хватит двадцати шагов? — настороженно спросила Элиза. Оберон прикинул планировку и ответил:

— Хватит. Волноваться не о чем.

Комната отдыха оказалась вполне уютной. Опустившись на маленький диван возле окна, Элиза вытянула ноги и подумала, что страшно устала.

Эти несколько дней с нападениями и чудовищами вымотали ее полностью. Позавчера она и представить не могла, что окажется в академии, тем более, в качестве невесты декана факультета, окруженного самой темной славой. Элиза вспомнила, каким было лицо Оберона, когда он называл ее невестой: наглец! Но наглец в своем праве, и она не будет с ним спорить.

Лучше жить тут в качестве невесты, чем содержанки. Это вызовет меньше вопросов, ухмылок и гадких предложений.

И ведь и эту ночь им придется провести вместе, и много других ночей! Это понимание вызывало в Элизе томительную неловкость. Она всегда знала, что будет делить комнату с мужчиной только в одном случае — если он станет ее мужем.

А сейчас все развивалось слишком быстро, чтобы она успела привыкнуть. Элиза поняла, что окончательно запуталась в своих чувствах.

На подоконнике Элиза заметила тонкую колбу артефакта, наполненную золотистой жидкостью. Артефакт покоя, вспомнила она, такой же был в кабинете ее редактора. Элиза поймала себя на том, что ей становится легче. Напряжение утекало прочь.

Да, ее жизнь изменилась. Но рядом с ней человек, который успел не раз показать свою порядочность. Оберон спасал ее жизнь, рискуя своей — тут нельзя испытывать ничего, кроме благодарности. Сейчас они оба в безопасности. Элиза начнет работу в лаборатории Анри, все постепенно утрясется, и жизнь покатится дальше своим чередом.

И они обязательно выяснят, кто стоит за убийством ее отца. Элиза поклялась, что вернет генералу Леклер его честное имя — и Оберон вполне разделял ее стремление. Элизе думалось, что она нашла в нем настоящего друга — и это ее радовало.

Потом она задремала и очнулась от того, что кто-то осторожно прикоснулся к ее запястью. Открыв глаза, Элиза увидела Анри, тот успел сменить свой щегольской сюртук на нечто, похожее на одеяние врача, и держал в руке бокал, от которого поднимался розоватый дымок.

— Вот, — произнес он. — Выпейте. И вечером между вами будет на десять шагов больше. Оберон уже наслаждался моим зельем, слышите, как фыркает?

— Благодарю вас, — улыбнулась Элиза, принимая бокал. Вареву приятно пахло земляникой, но на вкус оказалось настолько отвратительным, что Элиза с трудом смогла сделать несколько глотков. Ей казалось, что еще немного, и ее вырвет.

— Не могу больше, — прошептала она. Из глаз брызнули слезы, лицо свело гримасой. Анри сел рядом, оценил то, что осталось в бокале, и велел:

— Допивайте.

Это было сказано так, что Элиза не отважилась спорить. Через силу она осушила бокал и прошептала сквозь слезы:

— Невыносимо...

Анри ободряюще улыбнулся.

— Вы умница, — похвалил он. — Редко кто справлялся с моими зельями настолько решительно.

Похвала подбодрила Элизу, она даже смогла улыбнуться в ответ. Мерзкий вкус гнилого болота таял во рту, оставляя лишь далекий оттенок кисловатых ягод. Что ж, она будет пить это зелье столько, сколько потребуется.

— Я стараюсь, — ответила Элиза. — Мы ведь будем работать вместе? Оберон говорил, что вам нужна ассистентка.

Анри рассмеялся.

— О да! Тем более, настолько отважная девушка. Вы уже работали с зельями?

— Нет, — призналась Элиза. — Я переводчица. Все зелья, которые я знаю, это травяной сбор от простуды, его заваривала моя домоправительница.

Из деканата донесся возмущенный женский возглас: «Да как же так можно? Что вы себе позволяете?» Незнакомый молодой мужчиной звонко добавил: «Право же, это бессовестно!» Анри посмотрел на дверь, усмехнулся.

— Что ж, переводы требуют аккуратности, я полагаю, — сказал он. — Да я и не буду поначалу вас как-то нагружать. Полы моют домовые, а вам останется сортировка ингредиентов. Простая работа, но довольно нудная. Впрочем, вы, должно быть, усидчивы.

Элиза смущенно улыбнулась.

— Боюсь, милорд, я плохо разбираюсь в ингредиентах. Вернее, совсем не разбираюсь.

Анри только рукой махнул. В нем было что-то настолько легкое, светское, непринужденное, что Элиза совершенно расслабилась и успокоилась. Если отвлечься, то можно было представить, что они находились где-нибудь в гостиной, на малом приеме у баронессы Конти, беспечно болтали о каких-нибудь пустяках, и это было настолько спокойным, настолько нормальным и правильным, что оковы, стиснувшие Элизу после смерти отца, дрогнули и разжались.

— Пустяки, — весело сказал Анри. — Я дам вам определитель, он поможет. Тут и первокурсник справится, но я не рискну их пускать в лабораторию. Они обязательно уташат что-нибудь.

Элиза рассмеялась. Оберон о чем-то заговорил в деканате: она не могла разобрать слов, лишь слышала интонацию, тяжелую и властную. Когда он так говорил, ему наверняка все подчинялись, и никто не отваживался спорить.

— Почему вы так уверены, что уташат? — поинтересовалась она. Анри улыбнулся, и Элиза подумала, что он похож на эльфа. Такой же изящный, непринужденный, привлекательный. Того и гляди пустится в пляс или возьмет маленькую арфу и заиграет, как и положено эльфу.

От зельевара едва уловимо пахло апельсиновой туалетной водой. Элиза невольно подумала о криках чаек над песчаным пляжем, солнце, морских волнах — юге, которого никогда не видела.

— Потому что я и сам был студентом, — с прежней непринужденностью светского щеголя признался Анри. — И знаю, как привлекает возможность стащить ингредиенты и приготовить что-нибудь очень нужное и очень запретное. А это нужное и запретное всегда хорошо оплачивается.

— Например?

— Например, напиток лунной любви, — Анри сцепил пальцы в замок на колене, мечтательно улыбнулся. — Девушка выпьет его и не сможет сказать «нет». Впрочем, и юноша тоже. Знали бы вы, сколько браков заключилось с помощью этого напитка! Баронесса Лефре, например, вышла замуж за своего барона и прожила с ним всю жизнь только благодаря лунной любви. Барон был сволочью, честно говоря, но жену обожал до самой смерти.

Почему-то Элиза поежилась. Беспечное очарование на мгновение покинуло зельевара — ей показалось, что за милым обликом Анри промелькнуло что-то еще, темное и властное. Словно спящий дракон приоткрыл глаза, посмотрел ярко и цепко и снова опустил веки.

— Или есть еще Стеклянная смерть, — уже без улыбки продолжал Анри. — Всегда есть соблазн расправиться с соперником, правда? Стеклянную смерть не купишь просто так, в магазине, ее варят только по специальной заявке. А тут такая возможность! Собрать ингредиенты, сварить и продать...

Элиза нахмурилась.

— Кому же нужно такое зелье? — спросила она.

— Обычно его готовят для больниц, — ответил Анри. — Есть болезни, при которых умирают мучительно и долго. Стеклянная смерть действует намного быстрее. И, в отличие от ножа или пули, не считается убийством. Просто милосердие к тем, кого нельзя исцелить... и нельзя заставлять страдать. Или, допустим, есть Щедрая щепоть: можно отдать кому-то то, что есть у тебя. Например, болезнь или неудачу. Сами понимаете, как к этому относятся. Но желающих много...

В деканате что-то хлопнуло, и Оберон отчетливо произнес:

— Господи, ну и дрянь на наши головы. Повезло, так повезло.

Женский голос что-то возмущенно заговорил, к нему прибавился незнакомый мужской.

— Но самое интересное, — продолжал Анри, — это Рука мертвеца. Человеку достаточно вдохнуть его запах, и он не сможет сопротивляться чужой воле. Будет делать то, что приказано, даже если ему приказать прыгнуть с крыши. На востоке Рукой мертвеца поят рабов, чтобы они трудились и не думали о побеге.

Невидимый морозный палец скользнул от затылка к позвоночнику: Элизе почудился хруст льдинок. Она знала, что магия и артефакторика страшные науки, она понимала, что их используют в самых разных целях, но больше всего ее испугало то, с каким непринужденным спокойствием Анри говорил о свойствах своих зелий.

Его нисколько не пугали те цели, с которыми использовались зелья. Ему, кажется, было все равно.

— Но ведь есть же и хорошие зелья, — сказала Элиза, надеясь, что ее голос не звучит слишком уж беспомощно. Анри улыбнулся.

— Конечно! Одно из них вы сейчас выпили.

Оберон освободился уже в девятом часу. За это время Элиза успела вздремнуть, пообедала кроликом в сливочном соусе, которого принес слуга, и понаблюдала в окно за тем, как во внутреннем дворе студенты пускали разноцветные мыльные пузыри. Пайпер проснулся, перекусил, поиграл с хозяйкой и с чистой совестью завалился спать.

Стараясь найти средство от скуки, Элиза сунулась было в шкаф и разочарованно отметила, что он пуст. Ни книг, ни бумаги для записей, ничего. Изнутри дверцу шкафа украшало зеркало в тонкой позолоченной раме. Некоторое время Элиза всматривалась в свое отражение и не могла понять, что с ним не так. Знакомое лицо было одновременно чужим, словно к Элизе добавились черты незнакомки. Брови стали гуще, легли ровными дугами, волосы обрели оттенок темного меда, завились и рассыпались по плечам, в глазах появился энергичный блеск.

Пайпер удивленно пискнул, но Элиза его не услышала. Она смотрела в глаза зеркального двойника и видела далекий осенний лес и бледно-синий платок вечернего неба над березами. Ноздри дрогнули, лоя запахи листвы и воды, пальцы сжались и разжались. Элизе вдруг нестерпимо захотелось туда, к свободе, к золотой монетке полной луны — ее не было видно, но Элиза вдруг всей кожей почувствовала, что она там.

Двойник дрогнул, отступая в сторону — в зеркале возник серый ноябрьский вечер, далекое эхо наступающей зимы, и Элиза, как и девушка с медовыми волосами, зачарованно ловила каждое движение природы. Вот шевельнулась тьма в колючей тишине опустевших гнезд, изморозь коснулась последних темных ягод, и там, где краснела полоса заката, вдруг послышался тонкий звук, идущий откуда-то с неба — словно кто-то затрубил в рог, призывая первый снег...

Она опомнилась, когда Пайпер легонько куснул ее за ногу. Элиза помотала головой, сбрасывая наваждение, подхватила щенка на руки, и он встревоженно заскулил, лизнув ее щеку, будто почувствовал далекое дуновение ноябрьского ветра. Переведя дух, Элиза снова заглянула в зеркало и увидела там свое привычное отражение.

Все было, как всегда. Ни малейшего следа незнакомых отражений, ни краешка чужого и такого влекущего мира.

Померещилось? Или так на нее действует магическое поле, которое окружает академию?

Потом Элиза услышала, как открывается дверь в комнату отдыха, и почему-то шарахнулась от шкафа так, словно сделала что-то очень неправильное. В комнату вошел Оберон, и по выражению его лица было понятно: рабочий день у господина декана выдался крайне насыщенным. Оберон посмотрел в сторону шкафа, оценил вид Элизы и произнес:

— Уже успели полюбоваться?

— Успела, — призналась Элиза, понимая, что нет смысла скрывать очевидное. — Это какое-то странное зеркало. Я видела в нем себя, но та я была другой. И... там была не эта комната, а осень, лес...

Взгляд Оберона был похож на прикосновение перышка: дотронулись к скуле — и тотчас же убрали, только мурашки побежали по спине. Элизу бросило в жар и сразу окатило ледяной волной.

Они ведь проведут эту ночь вместе. Элиза не знала, почему это сейчас заставило ее волноваться настолько сильно. Может быть, из-за медовых искр, которые проплыли во взгляде Оберона?

Он смотрел на нее с искренним интересом. И Элиза не знала, радуется это ее или настораживает.

— Вы видели там себя-оборотня, — сообщил Оберон. Закрыв дверцу шкафа, зеркало скрылось во тьме, и Элизе стало легче. — Ту, кем бы вы были, если бы не вшитая в вас нить.

Вот оно что... Элиза вдруг поняла, что ее сердце бьется так, что его, должно быть, слышно по всей

академии. И вспомнился запах далекого леса, воды и сухих трав, шелест шагов по опавшей листве, зов полной луны, голос свободы.

Она хотела бы ощутить все это не в зеркальном видении, а на самом деле. Но Элиза слишком хорошо понимала, какой будет расплата за эту свободу.

Безумие. Оборотни, которые принимают звериный облик слишком часто, теряют разум. Они сохраняют человеческий вид, но становятся зверьми.

Оберон опустился на диван, и Элиза села рядом с ним, будто повиновалась неслышному приказу. Ее начало знобить.

— Вы умница, — негромко сказал Оберон. Накрыл ее руку своей, и озноб отступил. Пайпер радостно заулыбался, чихнул, завилял хвостиком. Ему нравилось, что Оберон пришел, а странное отражение растаяло. — Вы прекрасно понимаете свою суть и сдерживаете ее разумом.

Элиза пожала плечами.

— Моя мать была оборотнем. Она рассказывала мне страшную сказку про Жилия Реццо, барона Виклеанского, — промолвила она. — Он тоже был оборотнем, только превращался в волка... А потом он окончательно лишился рассудка и перерезал всех жителей поселка. Я очень плохо помню свою мать, но эту сказку...

Оберон понимающе кивнул.

— И на церковном суде Реццо сказал, что это были не люди, а овцы.

— И мы не смогли бы с вами так хорошо общаться, — вдруг сказала Элиза. — Я не жалею, что посмотрела в зеркало. И рада, что во мне есть эта нить.

Она сделала паузу и спросила так, как требовал этикет:

— Как прошел ваш день?

Оберон улыбнулся. Элиза подумала, что эта улыбка похожа на огонек, который озаряет лицо и делает его интересным и привлекательным.

— В трудах и заботах, — признался Оберон. — Знаете, я даже соскучился по всем этим проблемам. А потом, уже к весне, буду скучать по охоте на болотниц. Точно буду, это временем проверено.

— Болотницы? — удивилась Элиза. — Кто это?

Улыбка Оберона стала еще шире: разговор перешел в важную и интересную для него область.

— Это такая жаба ростом с комнату, — объяснил он. — Сидит обычно где-нибудь на глубине. Выставляет наружу приманку: очаровательную барышню, которая сидит на мелководье или берегу, причем совершенно обнаженная. Вся ее одежда — это длинные светлые волосы до талии. Путник разевает рот от удивления, девушка зовет бедолагу к себе, похоть застит ему глаза, а потом болотница обедает.

Элиза поежилась. Оберон запустил пальцы в карман и вынул желтоватый изогнутый клык, протянул Элизе. Она дотронулась до него кончиком пальца и почувствовала легкий укол тока, какой бывает, когда прикасаешься к старым артефактам. Зуб занимал почти всю ладонь Оберона. Элиза подумала, что, сложишься иначе, он бы охотился на нее — а потом с гордостью показывал кому-нибудь трофей. Лисью лапку или хвост.

Однажды один из приятелей отца, обожавший охоту, показывал шкуры волков и лис. Элиза не знала, каким чудом смогла удержаться на ногах, не упасть в обморок и не измениться в лице. Она вела ту беседу, которую положено вести светской барышне при отважном охотнике, а дома с ней случилась истерика. Отец сидел рядом, гладил ее по голове и что-то говорил, пытаясь утешить, но Элиза не могла разобрать ни единого слова.

— Страшно, — призналась она, и Оберон убрал клык.

— Страшно, — согласился он. — Вот я и отдыхаю на преподавании. А потом отдыхаю от студентов на болотах. Иногда даже не знаю, кто хуже, какой-нибудь бездельник, который мне всю душу вытреплет, или болотница.

— У вас сегодня были какие-то проблемы со студентами? — поинтересовалась Элиза. — Я слышала шум.

Оберон усмехнулся. Вздохнул.

— На мой факультет впахнули юношу королевских кровей, — сообщил он и угрюмо почесал веко. — Седьмой сын короля Висена, владыки Абаринского, — ответил он и признался: — Наглая дрянь, которая уже диктует нам, как мы должны себя вести! Якобы прежний ректор подписал договор, по которому абаринские принцы могут у нас учиться, а то, что у него нет никаких способностей к магии, никого не волнует. Я, честно говоря, не удивлен его поведению. Абаринцы вообще какие-то припадочные.

— И что же делать? — удивилась Элиза. Оберон пожал плечами.

— Дотянем его до зимней сессии, — сказал он. — Там пойдем на озеро ловить русалок, и он сбежит сам. И никогда больше не захочет обучаться магии, это уже с гарантией.

— Русалки такие страшные? — удивилась Элиза. В сказках, которые она читала в детстве, это были вечно юные и прекрасные девы, нежные песни которых заманивали моряков на скалы.

— Когда открывают свои истинные лица — да, — ответил Оберон. — Половина первокурсников обычно мочит штаны с перепугу, и это, я вам скажу, не грех.

Элиза поежилась. Хотелось надеяться, что по коридорам замка не бродят чудовища пострашнее.

— А что, их там разводят, в этом озере? — предположила Элиза. Оберон кивнул.

— Студентам надо учиться, — ответил он. — А тренировочный зал это все-таки немного не то. Русалки там мечут икру.

— А оборотни? — глухо спросила Элиза. — Как вы учите их охотиться на оборотней?

Оберон не ответил. Задумчиво посмотрел куда-то сквозь нее, протянул руку к Элизе и поправил кудрявую прядь, мягко пробежавшись кончиками пальцев по уху. Прикосновение заставило Элизу замереть, как в тот день, когда Оберон заставил ее раздеться.

Она только сейчас поняла, что давно наступил вечер, что за окном царит непроглядный мрак, и изящная лампа под потолком озаряет комнату теплым золотым светом. Откуда-то издали доносился гитарный перезвон, веселые голоса — студенты отмечали свой приезд в академию.

Элизе казалось, что она больше не сможет ни заговорить, ни вздохнуть.

— Убить оборотня — это примерно то же, что убить человека, — негромко произнес Оберон. — Пойдемте спать, Элиза. У нас был долгий день.

Под вечер коридоры академии опустели. Быстрым шагом двигаясь в сторону своих апартаментов, Оберон слышал, как отовсюду доносятся веселые голоса студентов. Ребята сидели в комнатах, играли на гитарах, залиристо хохотали — провожали лето. Завтра первый день нового учебного года.

— Здесь красиво, — завороченно промолвила Элиза, глядя, как колонны убегают вверх и раскрываются там кронами и листвой каменной резьбы. По мраморным ветвям пробегали огоньки, и одна из каменных птиц вдруг развернула крылья и уронила перо, рассыпавшееся пригоршней искр. Мраморные цветы дрогнули и раскрыли бутоны, озарив коридор золотистым светом — Элизе казалось, будто она идет в таинственном саду.

— Да, красиво, — согласился Оберон. — Это придумал Велинд, основатель академии. Он построил замок.

Они подошли к дверям, и Оберон провел ладонью над ручкой, снимая личное заклинание. Комнаты скрывались в мягком сиреновом сумраке; войдя, Оберон похлопал в ладоши, и сразу же стало светлее.

Он скучал. За лето в комнатах ничего не изменилось, и Оберон подумал, что наконец-то вернулся домой. Вот просторная гостиная, обставленная в старинном, несколько угрюмом духе, но здесь уютно, словно в родительском доме. Вот двери в кабинет и в спальню. А вот и их чемоданы — уже пустые, разобранные. Домовые разложили вещи по шкафам. Пайпер с веселым писком пробежал по гостиной и свернулся клубочком возле камина: выбрал себе место.

Теперь комнаты декана в самом деле напоминали дом его родителей. И та собака, которая лежала у камина много лет назад, была похожа на квиссоле Элизы.

— У вас тут очень уютно, — с улыбкой заметила Элиза, и Оберон улыбнулся в ответ.

— Там наша спальня, — сказал он, и улыбка Элизы не погасла, но сделалась будто бы тише, словно

Оберон напомнил о чем-то болезненном, а Элиза скрыла свои подлинные чувства, как и положено барышне из приличной семьи. — Я приказал домовым поставить диван для вас. Вам будет вполне удобно.

Он подумал, что ведет себя, как идиот. Если девушка нравится, то надо этим пользоваться, с учетом того, что она не сможет убежать. Она, в конце концов, обязана ему честью и жизнью.

Какой-нибудь светский мерзавец давно бы воспользовался случаем. Иногда Оберон жалел, что не был таким.

Какие отдельные диваны? Ну-ка быстро под бок своему спасителю и защитнику, и не заставляй его ждать!

— А, — кивнула Элиза и вдруг сказала: — Я вам очень благодарна, Оберон.

Он улыбнулся вновь. Когда улыбаешься, то и жить становится немного легче. Иногда Оберону казалось, что улыбка приросла к его лицу, меняются лишь ее оттенки. Все зависит от обстоятельств, говоришь ли ты с девушкой или вырываешь клыки у болотницы.

— Это за что же? — поинтересовался он. Элиза замялась, комкая в руке кружевной платок.

— За то, что велели поставить диван, — ответила она. — И за то, что не торопите события.

Издали долетел гитарный перезвон и обрывок народной песни, которую никогда не исполняют трезвыми и при дамах. Студенческое веселье было в полном разгаре, и Оберон надеялся, что дело не дойдет до драк и битья окон. Он слишком устал сегодня, чтобы с этим разбираться.

— Я сейчас просто повторю, что не использую чужую беду в своих целях, — ответил Оберон. — И не беру женщин против их воли. Хотя в свете это редкость, увы.

Элиза понимающе кивнула. В романах, которые читают восторженные девицы по всей стране, дела обстоят иначе. Там герой хватает героиню за волосы и присваивает по праву сильного. Что она при этом чувствует? Ничего, кроме счастливого трепета — а если чувства другие, то эта девушка неправильная, и несите новую.

А если главный герой рохля и мямля, то обязательно найдется тот, кто его обойдет.

Анри, допустим. Светский эльф, который так пронизывающе смотрел сегодня на Элизу, словно вдруг взял и забыл о своих пробирках и зельях. Щеголь, который подошел к ней ближе, чем позволяли приличия. Оберон поймал себя на том, что начинает злиться.

— Вы мне нравитесь, Элиза, — признался Оберон. — И я слишком дорожу вами, чтобы применять силу в этих странных отношениях.

— Дорожите? — удивленно переспросила Элиза. — Впрочем, да. Триста тысяч золотых крон. Вы очень щедро за меня заплатили.

Оберон выразительно завел глаза.

— Иногда мне кажется, что у женщин есть какой-то врожденный дар злить мужчин, — заметил он. — А у мужчин — привязываться к тем, кого они спасают.

На щеках Элизы появился румянец. Острый взгляд из-под пушистых ресниц уколол Оберона.

— Я знаю, — ответила она. — И благодарна вам за то, что вы меня не торопите. Это... — Элиза замялась, подбирая слова. — Это непривычно. И это очень правильно. А вообще я иногда говорю, не думая, так что простите меня за это. Меньше всего я хочу обидеть своего единственного друга.

В эту минуту она была настолько милой и трогательной, что улыбка Оберона сделалась еще шире.

— Прощаю, — ответил он. — Давайте отдыхать.

Те тридцать шагов, что сейчас лежали между ними, позволили им спокойно переодеться ко сну. Забрав пижаму, Оберон пропустил Элизу в спальню и услышал, как негромко шелестит одежда. Домовые поставили аккуратный диван так, что он отлично вписывался в обстановку — Оберон старательно думал о пустяках, чтобы не думать об Элизе.

Он знал, что может все разрушить — знал и не хотел этого.

Едва слышно щелкнул замок — Элиза открыла дверь и спросила:

— У вас есть какие-нибудь книги? Я обычно читаю перед сном... если вы не против, конечно.

Оберон устало покосился на стопку тонких желтых папок, которую принесли и положили на столик в гостиной, и сказал:

— А я перед сном обычно работаю. Смотрю финансовую отчетность по факультету и учебные планы. Книги в моем кабинете, взгляните на них, если хотите.

Элизу не надо было приглашать дважды. Войдя вместе с Обероном в его кабинет, она восторженно ахнула, и в ее глазах поселился радостный блеск. Глядя, как она идет вдоль книжных полок, то замороженно останавливаясь, то дотрагиваясь до позолоты корешков, Оберон подумал, что надо бы сделать ей подарок. Что-нибудь не слишком дорогое, но интересное, то, что обрадует ее. Допустим, шкатулку из белого дерева с красивой инкрустацией — Элиза сможет туда положить свою жемчужную подвеску.

Женевьев всегда любила приятные мелочи. Оберон вспомнил о ней и удивился: воспоминание почти не причиняло ему боли, словно прошлое наконец-то осталось в прошлом.

— У отца была библиотека, — сообщила Элиза. — Но не такая большая, конечно. Ваша — это что-то невероятное. Можно взять эту книгу?

«Введение в историю магии» великого фон Крайста — Оберон вопросительно поднял левую бровь, удивляясь такому выбору.

— Разумеется, — ответил он. — Почему именно фон Крайст? Он страшный зануда, честно говоря, хоть и гений.

— Не совсем, — ответила Элиза, снимая книгу с полки. — К нему надо привыкнуть, но он пишет интересно. Я начала его читать, когда отец был жив, а потом... Потом стало не до того.

Элиза нравилась Оберону все больше и больше. Любовью к чтению, поворотом головы, спокойной речью, уверенностью в себе. Когда они пришли в спальню и устроились каждый на своем ложе, то на какой-то миг Оберону сделалось не по себе.

«Робею, словно школяр, — сердито подумал он и тотчас же добавил: — Просто я вообще отвык от того, что рядом со мной может быть женщина. Отвык, решил, что мне ничего этого не нужно, а теперь...»

От этого понимания стало еще противнее. Несколько дней назад в нем не было этой вязкой дряни. Присутствие Элизы сделало его размазней. В конце концов, зачем терять время? Никто из его знакомых не медлил бы. Запереть все двери, изолировать спальню заклинанием, поглощающим звуки, и пойти на диван к девушке, которую он фактически купил.

Что может быть проще-то? Зачем делать вид, что ему важно считаться порядочным человеком? Декан факультета темной магии по определению сволочь — ну вот и надо быть сволочью для собственного душевного комфорта.

Элиза принадлежит ему. Она достаточно умна, чтобы не сопротивляться.

Оберону казалось, будто он горит. Кругом расплескалось невидимое пламя, оно жгло, оно выкручивало наизнанку. Кажется, Элиза поняла его чувства, потому что отложила книгу и посмотрела в сторону кровати Оберона со страхом, сквозь который проникала брезгливость.

— Что-то не так? — спросил Оберон, взглянув на девушку поверх папки с финансовыми отчетами факультета за лето. Дьявол и сто его дьяволят, он держал эту дурацкую папку, словно щит! Можно подумать, кусок плотной бумаги закрыл бы его от тягостных мыслей.

— Ничего, — прошелестела Элиза. — Надеюсь, что все в порядке.

Оберон еще какое-то время с крайне отстраненным видом шелестел бумагами, а потом подумал, что это невыносимо. Когда он поднялся с кровати и двинулся к двери, Элиза испуганно села, натянув одеяло чуть ли не до шеи. Где-то в гостиной заворчал верный Пайпер.

— Куда вы? — встревоженно спросила она. Оберон улыбнулся, махнул рукой.

— Спите, Элиза. Я помню про тридцать шагов.

Некоторое время он топтался по гостиной, прикидывая количество шагов, а потом прошел к окну и открыл рамы. Прохладный ветер ударил его в лицо, освежил, поднял все волосы дыбом. С гор спустился туман, Оберон чувствовал запах далекого дождя и красных кленовых листьев.

Через несколько минут его стало знобить, и с ознобом пришло облегчение. Ломать не строить — можно окончательно разрушить все ценное, просто поддавшись порыву.

А Оберон хотел именно строить. Основательно и надолго.

Когда он, продрогший и спокойный, вернулся в спальню, Элиза уже спала.

Глава 4. Учебный год начинается

Первый учебный день... Студентов собирали в большом зале, и, сидя на неудобном скрипучем кресле рядом с Анри, Элиза смотрела, как юноши и девушки, веселые, нарядные, шумные, входят в двери, и невольно завидовала им. Ей вдруг стало невероятно жаль, что она не с ними. Ей вдруг захотелось учиться, сидеть вместе с этими ребятами и девушками в лектории, списывать у кого-нибудь домашнее задание.

Это была настоящая жизнь — светлая, веселая, счастливая.

Оберон стоял возле кафедры, перебирал какие-то бумаги. Рядом с ним о чем-то негромко говорили двое преподавателей: строгая властная дама с высокой прической и совсем молодой мужчина, такой рыжий, что казалось, будто в зале зажгли еще одну лампу. По седым волнам прически дамы плыли маленькие кораблики; Элиза знала, что этот магический аксессуар в большой моде у немолодых леди.

— Дьявол с ним, — услышала она усталый голос Оберона. — До зимней сессии пусть сидит. А там за ним наберется столько нареканий, что он убежит сам.

Дама кивнула. Элиза подумала, что это она вчера была в деканате.

— Задумались? — поинтересовался Анри. Сегодня на нем был нежно-зеленый сюртук, рубашка, украшенная тонкой вышивкой и белоснежные брюки — в этом торжественном наряде зельевар еще больше был похож на эльфа.

— Да, — улыбнулась Элиза. — Подумала, что тоже хочу учиться.

Один из студентов, высоченный парень с такими кулаками, которые сделали бы честь любому кузнецу, вдруг хлопнул в ладоши, и по залу разлетелись огненные птицы. Девушки заахали, зааплодировали, а птицы сделали круг над рядами и рассыпались пригоршнями розовых лепестков. Зал наполнился смехом, веселыми возгласами. Тоненькая блондинка вскочила со своего места и расцеловала здоровяка так лихо, что по залу прошел одобрительный гомон.

— Да, первый учебный день это всегда радость, — ответил Анри. — Но уже завтра тут будет невероятно скучно. Все они зароятся носами в учебники... а вот и студенты вашего жениха!

В двери вошла компания молодых людей в одинаковых темно-серых одеяниях, и Элиза невольно поежилась. Ее вдруг охватило холодом, висок дернуло острой болью, и далекий голос истошно заорал: «Беги! Спасайся!» В зале стало как-то тише: разговоры утратили живость, девушки перестали улыбаться, выпрямили спины и опустили руки на колени. Студенты факультета темной магии расселись на последнем ряду, и тогда Элиза смогла дышать спокойнее.

Они ведь не будут бросать в нее серебряную стружку прямо здесь, на глазах своего декана? Не говоря уже о том, чтобы дотрагиваться до ее бедра... Она не оборотень, ее сдерживает вшитая нить, она никому не сделала ничего плохого...

Элизу стало тошнить. Все тело покрылось мерзким ледяным потом.

— Что с вами? — встревоженно спросил Анри. Элиза дотронулась до виска и едва слышно ответила:

— Ничего. Иногда голова кружится.

Анри понимающе кивнул. Оберон посмотрел в их сторону, нахмурился, словно хотел о чем-то спросить, и Элизе вдруг стало легче. «Должно быть, он бросил какое-то заклинание», — подумала она, и в эту минуту в зал вошел еще один человек.

— Какая прелесть, — язвительно произнес Анри. — Его высочество Жоан Абаринский и Гилевийский. Говорят, он измучил своим характером короля Висена и все королевство, за это его сослали к нам. Будто нас некому мучить!

— Думаете, в академии его исправят? — спросила Элиза, глядя, как принц идет по проходу, выбирая себе лучшее место. Студенты смотрели на него с интересом и любопытством. Принц действительно производил впечатление. Осанка, властное выражение лица, дорогая одежда — все говорило о том, что в академию пожаловала значительная особа.

Анри лишь махнул рукой.

— Невозможно! — ответил он. — Таких и палкой не переделать! Вчера он потребовал, чтобы госпожа Летиция принесла ему кофе, да поживее.

— Госпожа Летиция это та дама? — поинтересовалась Элиза, кивнув в сторону седой волшебницы,

которая вместе с Обероном шла к преподавательскому ряду. Анри кивнул.

— Да, она декан факультета зельеварения, моя непосредственная начальница. Сами понимаете, как она восприняла эту просьбу.

— Без особой радости, конечно, — сказала Элиза. «Разберемся», — услышала она голос Оберона: тот мягко пожал руку госпожи Летиции, окинул взглядом зал и вскоре сел рядом с Элизой.

Ей сразу же стало спокойнее. Когда Оберон был рядом, она ничего не боялась. Вот только вчера... Элиза не знала, что думать. Оберон выглядел так, словно хотел убить ее или надругаться. Когда он вышел из спальни, она невольно вздохнула с облегчением.

— Как вы? — негромко спросил Оберон. Когда Элиза проснулась, он уже успел уйти, но недалеко: выглянув в коридор, Элиза увидела его возле большой доски с расписанием уроков, и они оба вздохнули с облегчением. Домовые приготовили для нее одно из лучших платьев, привезенных из родительского дома, и, одеваясь, Элиза чувствовала, что сегодня должно случиться что-то очень важное.

— Все хорошо, спасибо, — ответила Элиза. Принц тем временем спустился в первый ряд, не найдя достойного места для своей особы, окинул сидящих презрительным взглядом и подошел к Анри.

— Встаньте, — холодно приказал его высочество. — Вы заняли мое место.

Некоторое время Анри удивленно смотрел на него так, словно не мог поверить, что студент приказал уйти ему, преподавателю. Жоан смотрел с усталым равнодушием, сквозь которое пробивалось досадливое нетерпение. Студенты и преподаватели поняли, что в зале начинается театральное представление, причем бесплатное, и дружно прекратили разговоры.

— Дорогой мой, — почти ласково заметил Анри. — Я не твой слуга. Я один из твоих наставников.

— Ну и что? — осведомился принц. — Пошел отсюда.

Анри вопросительно поднял левую бровь. На его щеках проступил румянец, ноздри дрогнули. Элиза почувствовала, что он разъярен — от зельевара так и веяло гневом, и он не считал нужным его сдерживать.

— Прояви уважение, — посоветовал Анри прежним мягким тоном. — Это еще не поздно сделать.

Разумеется, принц не собирался проявлять какого-то уважения и сделал крупную ошибку: протянул руку и взял Анри за лацкан.

В следующий миг по залу прошел ледяной ветер, почти обрывающий дыхание — когда Элиза смогла дышать, то увидела, что Анри уже не сидит рядом с ней, а стоит, вскинув руку к потолку.

Принца не было. Элиза удивленно подняла голову и увидела, что Жоан болтается над залом, смешно загребая руками и болтая ногами, пытаясь найти в воздухе хоть какую-то опору. С него сбило наглый лоск — сейчас принц выглядел таким нелепым, что все расхохотались.

— Отпусти меня! — заорал Жоан. — Мерзавец! Я буду жаловаться королю!

— Да-да, твой отец узнает об этом, — практически пропел Анри, и его лицо на мгновение сделалось властным и жестоким, лицом незнакомца, словно он приподнял маску и тотчас же вернул ее на место. Элиза испуганно обернулась к Оберону. Она понимала, что Анри прав, и принцу надо преподать урок хороших манер, раз уж родители не научили. Но ей почему-то стало жаль Жоана, таким растрепанным и покрасневшим он был.

— Отпустите его! — взмолилась Элиза. — Хватит!

Анри провел рукой по воздуху, и невидимая рука поволокла принца под потолок и там разжалась. Жоан полетел вниз с самыми простонародными воплями: рука подхватила его за воротник, подбросила еще раз и мягко поставила на пол. Принц покачнулся, но все же удержался на ногах. Взгляд, которым он испепелял Анри, был ужасен.

— Дуэль! — прошипел Жоан. — Дуэль сегодня же! Пистолеты, и без всякой магии!

Анри чопорно поклонился.

— Я к вашим услугам, — церемонно ответил он.

— Прекратите немедленно оба!

Голос был вроде бы негромким, но он полностью накрыл зал. Элиза обернулась — по проходу с

торжественной важностью двигался крошечный старичок, почти карлик. Огромный воротник-стойка алой мантии поднимался над его сверкающей лысиной, словно щит.

— Ректор Акима, — прошептал Оберон. Можно было и не представлять: старичок держался так, что не мог быть кем-то другим.

— Сядьте, юноши, — произнес ректор, выйдя к кафедре. Ни принц, ни Анри не захотели спорить. Анри занял свое прежнее место, а Жоан почти упал в кресло в третьем ряду, возле стайки девушек в розовом. Девушки смотрели на него с сочувствием и интересом, одна из них заботливо погладила его по руке, вторая поднесла к носу хрустальный флакон с нюхательной солью. Пусть наглец с невероятным самолюбием, но все же принц — а к принцам надо держаться поближе. Иногда так и в принцессы выбиваются.

— Никаких дуэлей в академии не будет, — продолжал ректор. — Я призываю студентов уважать своих преподавателей. А преподаватели пусть имеют некоторую снисходительность к пылу юности.

Элиза покосилась в сторону Анри.

Он сидел совершенно спокойно, его вид был равнодушен и невозмутим. Но Элиза чувствовала, что впереди всех ждут неприятности.

Ректор говорил долго — так долго, что часть студентов начала дремать. На последних рядах уже перебрасывались огненными шариками-веселушками, которые вызывали щекотку, и хихикали. Элиза сидела с идеально прямой спиной, смотрела на Акиму, и серебряная нить в ее ауре была почти неразличима.

Если нет того опыта, который был у Оберона, то ее и не заметить. Вот и прекрасно: Элиза будет жить спокойно, не опасаясь, что особо рьяный студент обезумеет от ненависти к порождениям тьмы настолько, что применит на ней навыки, которые получил во время занятий.

Парни, которые учились на факультете Оберона, были полны ненависти. Ненависть двигала всей их жизнью — у каждого порождения тьмы отняли или изувечили близкого человека. Иногда Оберон думал, что без потери не станешь охотником.

Он ведь тоже потерял. И только после смерти Женевьев окончательно стал тем, кем стал.

— А кто та девушка с деканом? — услышал Оберон едва различимый шепот. Второкурсницы с факультета предвидения, деловитые и любопытные, им до всего было дело. Не надо было оборачиваться, чтобы понять: они глаз не сводят с декана и его спутницы.

— Это его невеста. И новая ассистентка милорда Ламера. Вчера приехали.

Акима наконец-то закончил свою речь, хлопнул в ладоши, и над залом вспыхнули огоньки — знак начала учебного года. Неугасимое пламя символизировало свет науки, который разгоняет тьму невежества и защищает от бед. Студенты восторженно ахнули и зааплодировали.

Оберон не мог не радоваться тому, что на них с Элизой больше не покушались. И искренне удивлялся тому, что убийцы оставили свои попытки добраться до них. Домоправительница вчера прислала ему очередное письмо: ремонт идет, ничего не нашли, никто не интересовался делами юной Леклер.

Это было странно. Оберон полагал, что случилось нечто, после которого смерть Элизы стала бессмысленной. Но каким было это нечто? Почему организатор потратил время и немалые деньги на сгибельника и артефакт для пистолета, а потом все бросил?

Неужели Элиза почему-то стала не нужна ему?

Чем больше Оберон думал об этом, тем сильнее верил в то, что убийца еще нанесет удар. И надо быть к нему готовым.

Когда студенты потянулись к выходу из зала, Оберон вдруг увидел, что принц Жоан вдруг быстрым шагом спустился и придержал Анри за руку. Зельевар остановился с таким видом, словно собирался отправиться на дуэль прямо сейчас.

— Прощу меня простить, милорд, за мою дерзость, — насколько мог судить Оберон, принц говорил совершенно искренне. Ему и в самом деле было стыдно. — Я сам не понимаю, что на меня нашло. Я, конечно, бесстыжий наглец и гордец, так говорят мои родители, сестры с братьями и весь наш двор, но не настолько. Простите меня. Я действительно поступил плохо.

Анри сцепил руки за спиной, покачался с пяток на носки. Выглядел он крайне задумчиво.

— И вы меня простите, — ответил он. — Обычно я не швыряю студентов по залу, какими бы наглецами и гордецами они ни были. Мой максимум — это отработка, мытье полов в большой лаборатории.

— Подождите, — нахмурился Оберон. В груди снова ожило предчувствие неприятностей. — Ваше высочество, ну-ка взгляните на меня.

Принц послушно вытаращил на него глаза — Оберон дотронулся до его лба, всмотрелся, но не обнаружил ни затемнений ауры, ни мутных нитей в зрачках, которые указали бы на магическое воздействие.

— Что-то страшное? — спросил Жоан, и за страхом в его голосе звучало любопытство. Кажется, парня просто завораживала магия, поэтому он и набился в студенты.

Что еще ему делать дома? Пить и портить девок? Если у тебя есть хоть капля ума, то это быстро приедается — а этот Жоан не был дураком. Дураки никогда не просят прощения.

— В том-то и дело, что ничего, — признался Оберон. — Анри, дай, я проверю...

— Я бы все почувствовал, — хмуро сказал зельевар, но все же подставил лоб под его руку. Ничего. Все было чисто. Один нахамил, второй от этого вспыхнул, как спичка, но раньше Анри всегда сохранял ленивое равнодушное спокойствие. Он никогда не сорвался бы от обычной венценосной невоспитанности так, чтобы бросать принца крови, словно мячик. Оберон убрал руку, и Анри вздохнул.

— Я готов был вас убить, молодой человек.

Оберон посмотрел в сторону окна: Элиза стояла в компании Примроуз и Келли со второго курса. Хорошие девушки из невероятной глуши, честные и правильные. Будет прекрасно, если они подружатся, Элизе нужны приятельницы ее возраста.

«Не сидеть же ей сычом в моей компании», — подумал Оберон. Утром между ними было на пять шагов больше. Постепенно они окончательно отдалятся.

И почему это так печалит? Потому что его прошлое стало прошлым, и он не знал, как быть с будущим? Одичал на своих болотах, разучился общаться с прелестными барышнями... Оберон почувствовал, что снова начинает злиться.

— Я это понял, — признался принц и дотронулся до середины лба молитвенным жестом. — Мне было так страшно лишь один раз. На охоте. Я думал, что там в кустах кабан, а это оказался дракон. Как же я от него бежал! Хорошо, что он еще не встал на крыло, гнался за мной пешком. Если бы он умел летать, я бы сейчас не имел удовольствия беседовать с вами.

— Никакого воздействия не было, — произнес Оберон. Элиза с улыбкой распрощалась с новыми знакомыми, девушки помахали ей и почти вприпрыжку направились к дверям. — Но вся эта ситуация мне не нравится. Жоан, я прошу вас как декан вашего факультета: ведите себя прилично. Тут никто не будет подавать вам кофе и вытирать нос, чем скорее вы это поймете, тем лучше для вас.

Он думал, что принц снова вспылит и примется доказывать, что к сопливному носу королевского сына выстроится целая очередь прекрасных дев с носовыми платками, однако Жоан лишь кивнул.

— Хорошо, милорд. Я усвоил урок, — заверил он.

— Если почувствуете хоть что-то необычное, скажите мне, — велел Оберон. Элиза не стала подходить к ним, просто села в одно из кресел. Принц снова утвердительно качнул головой.

— Да, милорд. Разрешите идти? У меня скоро первое занятие... — он покосился на Анри и пробормотал: — Как раз зельеварение.

— Идите, — кивнул Оберон, и молодой человек пошагал к выходу. Анри усмехнулся, и они побрели к Элизе.

— Вот что значит хорошая трепка, — язвительно произнес Анри. — Как много ума она отвесила этому юноше! И всего за пару минут.

Оберон покачал головой. Он не сомневался в педагогических преимуществах взбучки, но сейчас...

— Кто-то стравил вас, — уверенно сказал он. — Осталось выяснить, кто и почему.

— Что ж! — беспечно улыбнулся Анри. Сейчас, когда принц ушел, к нему вернулось прежнее веселое расположение духа. — Тогда будем жить дальше, работать и искать негодяя.

Кабинет, в котором Оберон читал лекции студентам своего второго курса, граничил с маленькой лабораторией, которую Анри отвел под свой склад для того, что сейчас не нужно, но потом может как-нибудь пригодиться, и накопленного количества шагов хватало, чтобы декан и Элиза могли спокойно делать свою работу.

— Сейчас две пары, а потом перерыв, — сказал Оберон. Студенты, которые шли мимо них в аудиторию, с любопытством смотрели на Элизу и своего декана. Всем было интересно, что за женщина теперь делит с ним жизнь. — Если погода позволяет, то я обедаю на свежем воздухе. Присоединишься?

Элиза подумала, что вряд ли у нее есть выбор и только потом опомнилась и оттолкнула от себя тягостные мысли.

— Конечно, — ответила она. — Сегодня так солнечно! Будто снова лето.

На том они и расстались. Оберон вошел в аудиторию, и Элиза услышала, как гневно пророкотал его голос:

— Какой мерзавец уже накидал шары-вонючки?

Мерзавцы шумно принялись оправдываться, что тут все так и было еще до их прихода.

Однажды Элиза уже была в лаборатории зельеварения — отец приводил ее к какому-то из своих армейских товарищей, чье имя она успела забыть — но сейчас все равно удивилась обстановке. Да и кто бы здесь не удивился? Чего тут только не было! И бесчисленные держатели с колбами в металлических лапках, и разноцветные груды полудрагоценных камней, и бесчисленное количество пузырьков с деревянными пробками, в которых плавали цветы, и банки с заспиртованными жабами и ящерицами, даже какие-то кости, сложенные в коробку у стены. Анри, который сейчас выглядел, как король в королевстве, с важным видом произнес:

— Это запасное хранилище. Почти все здесь пришло в негодность, вам надо будет найти вещи, которые еще можно как-то использовать. Остальное домовые бросят в печку.

Элиза с готовностью кивнула. Она чувствовала какой-то томительный застой в душе и скорее хотела заняться каким-нибудь нужным делом.

— Вот вам артефакт для оценки, — сказал Анри и протянул Элизе маленькую лупу в золотой оправе. — Наводите на предмет, и если загорится желтый, то эта вещь уже бесполезна. А если зеленый, то с ней еще можно работать, тогда отложите ее вон туда, на стол, а я потом заберу и проверю.

— Хорошо, — улыбнулась Элиза. Из-за стены донесся голос Оберона, но она не различила слов.

Что ж, они рядом, это хорошо. И не только потому, что нет боли в груди.

— Загляну к вам после лекции, — Анри улыбнулся в ответ и вышел в коридор.

Когда закрылась дверь, хранилище погрузилось в ту торжественную тишину, которая бывает на кладбищах. И ощущение, что кто-то не сводит взгляда с незваного гостя, было таким же. Элиза похлопала в ладоши, свет ламп сделался ярче, и ощущение взгляда пропало. Самое обычное хранилище, заваленное старым хламом. Как у них на чердаке — туда тоже стаскивали вещи, которые нельзя использовать, а выбросить жалко, вдруг еще понадобятся. Возможно, сейчас кто-то как раз подбирается к этим вещам, уже вынесенным на свалку.

О чем, интересно, лекция Оберона? О том, как убивать оборотней?

— Он не сделал мне ничего плохого, — негромко сказала Элиза. — Он спас мою честь и жизнь. Меня бы уже хоронили, если бы не он. И незачем постоянно искать подвох.

По хранилищу пронесся едва уловимый свежий ветерок, похожий на снисходительную усмешку. «Он спас тебя потому, что в тебе вшита нить, которая не позволяет оборачиваться, — сообщил внутренний голос. — Стал бы он жалеть тебя, будь ты настоящим оборотнем? Что бы он с тобой сделал перед тем, как зарезать?»

— Заткнись, — посоветовала Элиза и принялась за работу.

Груда оранжевых и зеленоватых камней оказалась бесполезной. Когда Элиза брала очередной гладкий камешек и наводила на него лупу, свет был желтым и теплым. Камни были красивыми и почему-то выглядели живыми. Элизе казалось, что в глубине каждого пульсирует что-то маленькое и теплое — пойманный лучик света играл, сплетался в клубок и утекал. Положи на пол эти камни —

и они уползут потихоньку.

Птичья клетка, в которой был крошечный скелет, свернутый в кольцо, тоже отразилась желтым. Элиза отставила ее в сторону и невольно обрадовалась тому, что ее пленник давно был мертв. От клетки веяло сырým ужасом, далеким, но все еще реальным.

Каков был обладатель этого скелета? Где он жил? Элиза представила, что такое существо может обитать где-нибудь рядом, и ей сделалось жутко.

В отдельной коробке хранился красно-золотой птичий клюв. Судя по его размерам, птица была примерно с лошадь. Элиза навела лупу, и хранилище залилось ярким зеленым светом.

— Вот как! — улыбнулась Элиза. — Значит, ты полезен.

Почему-то клюв не выглядел пугающим. На коробке была едва заметная надпись карандашом: *Dodogus vivagi*. Элиза убрала клюв и отнесла коробку на большой чистый стол.

— ...и мы можем быть уверены: порождения тьмы встретят нас в самых неожиданных местах, — голос Оберона внезапно зазвучал так четко, будто Элиза стояла рядом с деканом. — В квартире, которую вы снимаете у милой старушки, может обитать застенник под обоями или полом, и ему обязательно захочется отведать вашей крови. Наши домовые тоже, в общем-то, неприятные твари, но с застенниками их не сравнить. За тысячи лет мы просто приспособились жить рядом с ними, но не стоит обольщаться их миролюбием. В лесу, куда вы пойдете по грибы, вам может встретиться поддережник. Они не убивают, только заставляют блуждать вокруг своих деревьев — сутками, пока вы не свалитесь от усталости. Их это забавляет. А прелестная девушка в заведении с красным фонариком может оказаться оборотнем. Вам понравятся ее объятия, но это ненадолго. Если луна полная, то девушка перегрызет вам глотку.

Ощущение было таким, словно Элиза наступила в жидкую грязь босой ногой: страшно захотелось очиститься, нырнуть в воду, смыть с себя мерзкий намек. Оберон, конечно, не хотел как-то задеть Элизу, он вообще не думал о ней в эту минуту и просто рассказывал о том, что может случиться.

Элиза и без него понимала, что встреча с оборотнем в полнолуние закончится страшной смертью.

Но все равно ей сделалось не по себе. Элиза отступила от стола, и голос Оберона растаял.

— Работать, — сказала Элиза. — Я должна работать.

Стараясь справиться со страхом и отвращением, она перебрала кости в коробке — лупа отозвалась на них желтым светом. Зато большой клык, который Элиза достала последним, заставил лупу засветиться зеленым. Элиза взвесила клык на ладони: у корня были старые бурые разводы, и Элиза поежилась, представив, как его выворачивали из челюсти.

Может быть, сделать для Оберона что-то хорошее? Маленький подарок, который ни к чему не обяжет ни его, ни ее. Шейный платок, например. Или кошелек. Пустячок, который дарят друзьям детства. Ему будет приятно.

Элиза не успела подумать об этом. Чуть поодаль что-то шевельнулось и вдруг обрушилось на нее с пыльным грохотом. Элиза вскрикнула, упала, и тяжелая ткань накрыла ее душными руками. Прокашлявшись, выругавшись от страха и неожиданности, Элиза выползла из-под ткани и увидела, что она прикрывала большое зеркало.

Она задела ткань, когда отодвигала коробку с костями.

Элиза поднялась, отряхнула руки и подошла к зеркалу. Судя по количеству пыли на покрывале, оно стояло тут уже много лет, но выглядело так, словно его только что принесли из магазина. Серебристая рамка, оплетавшая цветочным узором прозрачную гладь, была чистой, без пятен и ржавчины, а само зеркало — удивительно ясным и глубоким. Элиза невольно улыбнулась своему отражению: девушка в нем была веселой и милой.

А потом отражение дрогнуло и потекло куда-то прочь, стираясь и размазываясь пестрыми пятнами. Элиза ахнула, машинально схватилась за раму — и хранилище чудес, которое несколько мгновений назад отражалось за ее плечом, растаяло.

Теперь в зеркале был лес. Темный, угрюмый, он будто бы ненавидел свет и пытался всеми силами изгнать его. Высоко-высоко, на верхушках деревьев, лежали рыжие солнечные пятна, но внизу, у стволов, клубилась тьма, пахнувшая соком старых ягод и смертью. Элиза вдруг всей кожей почувствовала, что тьма полна чудовищ.

По тропинке шла девушка. Бледная до синевы, с растрепанными светлыми волосами, в рваной ночной рубашке, она казалась больной или безумной. Ее лицо казалось Элизе смутно знакомым, но

она не могла вспомнить, где видела девушку, как ни старалась. Элиза готова была поклясться, что незнакомка не знала, как попала в этот лес. Она с ужасом озиралась по сторонам, протягивая руки вперед, и с ее потрескавшихся губ срывалась беззвучная мольба о помощи.

«Это я? — дрожа от страха, подумала Элиза. — Нет. Не я».

Девушка споткнулась о выступивший корень, упала на землю и разрыдалась. Она шла очень долго, она не могла найти выхода и спасения, она готовилась умереть в этом лесу.

— Боже мой... — прошептала Элиза и отчаянно закричала, словно незнакомка могла ее услышать:
— Вставай! Вставай же! Надо идти!

И девушка будто и правда услышала ее крик — она сначала села, а потом встала. Тьма разочарованно заворчала, откатываясь под деревья, и впереди забрезжил свет солнца.

— Туда! — крикнула Элиза. — Туда! Иди же!

Незнакомка прибавила шага и через несколько мгновений вырвалась из леса в залитую закатным солнцем степь. Мир был таким ярким, солнечным, золотым, так ослеплял всеми оттенками охры и оглушал жарким запахом сухих трав, что Элиза на мгновение зажмурилась — а когда открыла глаза, то увидела, что степь и девушка исчезли.

Зеркало послушно отражало ее собственное испуганное лицо.

Глава 5. Оберон объясняется

После того, как лекция у второкурсников закончилась, Оберон вышел в коридор и сразу же увидел Элизу — она заперла дверь малой лаборатории и выглядела, мягко говоря, ошарашенной.

Оберон прекрасно знал, что среди артефактов и магических принадлежностей могут найтись вещи, действительно способные напугать — но не за этой дверью. Туда много лет стаскивали старый хлам, который давно не работал и никого не смог бы бросить в дрожь.

Не боится же Элиза костей! Или боится? Оберон вдруг понял, что девушка может смотреть на привычные ему вещи совсем по-другому. И да, она может бояться костей и клыков. И сушеных нетопырей тоже.

Видя их, даже некоторые опытные волшебницы кривятся.

— Что с вами, Элиза? Все в порядке? — поинтересовался Оберон. Мимо пробежала стайка девушек с факультета предвидения, одарила их любопытными взглядами. Элиза растерянно дотронулась до лица и посмотрела на Оберона так, словно впервые увидела его.

— Я... я видела кое-что пугающее, — едва слышно проговорила она и схватила Оберона за руку. — Пойдемте скорее... пожалуйста.

Оберон не стал задавать вопросов.

Спустя четверть часа они вышли из замка, прошли по саду и оказались в его самой далекой и запущенной части. Здесь из земли торчали рыжеватые камни, словно старые зубы дракона, маленькие яблони красовались, показывая глянцевые темно-красные плоды, и домовые уже приготовили все, что нужно для обеда декана. Оберон поднял серебряную крышку с блюда, и над садом поплыл тонкий аромат цыплят в сливочном соусе с травами.

— Приятного аппетита! — улыбнулся он и протянул Элизе тарелку. Девушка посмотрела на цыпленка так, словно не понимала, как вообще можно есть, и Оберон добавил: — Невозможно одновременно есть и волноваться. А обед у нас очень вкусный, так что ешьте.

— Я не знаю точно, что это было, — промолвила Элиза. — Но я, кажется, видела свою мать.

Она все-таки смогла немного поесть, и еда привела ее в чувство: старые советы не врали. Оберон слушал, машинально кивал. Да, в малой лаборатории много лет стояло одно из зеркал Венфельда, но оно не работало уже тогда, когда Оберон был студентом.

Как-то ночью он забрался туда, откинул покрывало и долго всматривался в свое отражение — и не увидел ничего особенного, кроме прыща на правой ноздре. Зато Акима, который тогда был деканом факультета зельеварения, устроил Оберону взбучку: по ночам надо спать, а не лазать там, куда и днем соваться не велено.

— Это зеркало, которое показывает прошлое, — сказал Оберон. Элиза смотрела на него растерянно и нетерпеливо, словно только он мог дать ответы на все ее вопросы. — Та девушка, которую вы видели, как-то связана с вами. Говорите, ваша мать?

Элиза кивнула.

— Я почти не помню ее, — призналась она. — Моя мать умерла, когда мне было четыре. Так, просто светлый силуэт в памяти и сказки, которые она мне рассказывала. Но мне почему-то кажется, что это именно она.

Слова прозвучали с искренней горечью и стыдом, словно Элизе было не по себе от того, что она не помнила материнского лица.

— А портреты? — спросил Оберон, отдавая должное салату.

— Отец тогда был небогат, — ответила Элиза. — У него не было денег на художника. Но я знаю, что они познакомились в маленьком поселке на краю Заболотья, и отец влюбился в мою мать. Знаете, он ведь так и не женился потом...

Оберон во многом понимал генерала.

— Вы, возможно, видели какой-то эпизод из жизни вашей матери, — ответил он. — Зеркало Венфельда показывает тех, кто состоит в родстве или дружбе. Но тут есть еще один вопрос.

Во взгляде Элизы светлой рыбкой проплыло любопытство. Она взяла еще один кусочек цыпленка, и Оберон обрадовался. Ожила.

— Венфельд создавал в определенном смысле живые зеркала, — сказал Оберон, невольно чувствуя себя лектором за кафедрой. — Они жили и умирали, и то зеркало, которое стоит в малой лаборатории, умерло уже много лет назад. Из него ушла вся магия. Такие зеркала следует потом разбивать, но Акима решил его оставить. Мол, надо проявить уважение.

— Боже мой... — прошептала Элиза. — Но клянусь, я все это видела! Мне не показалось.

— Значит, вы как-то оживили его, — ответил Оберон. Ему это не нравилось. В зеркалах сочетается слишком большое количество магических сил. Если мертвое зеркало пришло в себя и заработало, значит, на него повлиял очень сильный волшебник.

«Примерно такой же сильный, как Паучья ведьма», — подумал он. В день убийства Женевьев та сокрушительная мощь, которая выплеснулась из ее души в момент смерти, разбила все зеркала в западной части города.

— Это плохо, — сказала Элиза. — Я вижу по вашему лицу, что плохо.

Оберон улыбнулся и ответил:

— Не плохо. Но непонятно. Очередная загадка, которую мы разгадаем. Сколько их у нас уже накопилось?

Кажется, его уверенность взбодрила Элизу. Она сделала глоток сока и заметила, посмотрев по сторонам:

— Здесь красиво. Таинственно.

— Да! — улыбнулся Оберон. — Я всегда здесь сидел студентом. Тихо, уютно. Чувствуешь себя защищенным.

После похорон Женевьев он приехал в академию, прошел в сад и сел на камень. Госпожа Летиция хотела было утешить его, но Акима запретил: сказал, что бывает боль, которую надо перетерпеть одному. Есть вещи, которые нуждаются не в разговоре, а в молчании. И Оберон сидел здесь, день медленно сполз к вечеру, и горы окутало туманом. А потом сквозь туман к нему пришел Анри с бутылкой манжуйской водки, и вдвоем они просидели до утра.

Кажется, они не сказали друг другу ни единого слова. Оберон не мог назвать то чувство, которое текло сквозь его душу, как вода родника через пальцы — оно было болью и вымывало из него боль. А ночь плыла над ним, ночь была в нем и творила свои чары: где-то далеко ухала, мышкуя, сова, от деревьев поднимался теплый грустный запах, и северные звезды, обычно колючие и яркие, почему-то были спокойными и ласковыми.

С рассветом Оберону стало легче.

— А они съедобные? — поинтересовалась Элиза, оценивающе глядя на сверкающие красные бока яблок, свисавших почти над их головами.

— Хотите, достану? — весело спросил Оберон, и Элиза улыбнулась.

— Нет. Не хочу быть змейкой-искусительницей.

— Да вы и так искушаете, — заметил Оберон, и взгляд Элизы наполнился льдом. Оберону даже почудилось холодное похрустывание.

— Это чем же? — осведомилась Элиза тоном светской барышни.

Оберону захотелось немедленно провалиться сквозь землю, улететь к самым корням горы. Нет, иногда действительно нужно быть сволочью. Если бы в ту первую ночь, которую они провели в одной постели, Оберон установил бы свои права, ему сейчас было бы намного легче.

Да и Элиза успела бы влюбиться в него. Девушки всегда влюбляются в мерзавцев, такова девичья природа.

— Вы мне нравитесь, — признался Оберон. — Сразу понравились. Заклинание привязало нас друг к другу и усилило мою симпатию. А то, что я спасал вам жизнь, сработало сильнее любого заклинания.

Он помолчал, глядя, как, должно быть, последняя пчела с сердитым и важным видом возится в чашечке цветка. Элиза молчала, смотрела на Оберона так, словно весь ее мир сейчас стал веткой осеннего дерева, с которой ветер срывает листья.

— Вы и сами понимаете, что по всем правилам нашего славного отечества я имею на вас все

права, — продолжал Оберон. Сделал глоток из бокала, обнаружил, что сок утратил вкус. И на душе сделалось тоскливо и холодно. — Хотя бы потому, что выплатил ваши долги. Беда в том, Элиза, что я хочу быть с вами, но не хочу вас ломать.

— Это благородно, — прошептала Элиза.

Оберон усмехнулся.

— Да что мне с того благородства?

Несколько минут они молчали. В саду царил теплый, совсем еще летний день, но Оберона стало знобить от злости.

— Моя нянька сказала бы, что от меня не убудет, — в конце концов, сказала Элиза. — Потому что чем еще я могу заплатить за вашу доброту? Но вам ведь нужна не просто кукла. Я это чувствую.

Она дотронулась до его руки, и Оберону показалось, что его бросили в кипяток. Похоронив Женевьев, он пообещал себе, что больше не будет любить, раз его любовь приносит только смерть и страх. Для плоти хватало умелых барышень в заведениях с зеленым фонариком — а потом и это наскучило.

Но сейчас Оберону чудилось, будто он стоит на краю обрыва — и чья-то рука легла на его спину между лопаток и готова толкнуть. Сильное и властное чувство обрушилось на него и смяло.

— Да, — согласился он. — Мне нужна не просто кукла. Поэтому я молчу и не давяю на вас, чтобы вы все решили сами. Сможете полюбить меня — прекрасно. Не сможете — уедете из академии, когда мы найдем убийцу вашего отца, а действие заклинания иссякнет. Обещаю, что не буду вас ограничивать и останавливать, и приму любое ваше решение.

Оберон провел ладонями по лицу и подумал: вроде бы поступаю правильно, а от самого себя противно. Когда Элиза дотронулась до его руки, он сначала ничего не почувствовал.

Потом ему снова стало холодно. В далеких зеркалах захохотала тьма.

— Вы мне нравитесь, Оберон, — призналась Элиза, и Оберон понимал, что она сейчас не обманывает ни себя, ни его. — Правда. Вы очень хороший человек... — она сделала паузу и воскликнула: — Только не думайте, что я пытаюсь от вас отделаться, или что это жалость. Просто все это произошло очень быстро. Я позавчера ставила на подоконник горшок со слаголистом. А сегодня я в академии, и вы два раза спасли мне жизнь.

Она улыбалась так искренне и светло, что Оберон тоже улыбнулся в ответ. В ветвях яблони зацвиркала птичка — мелодично и легко, по-весеннему.

— Мне надо привыкнуть, — сказала Элиза. — Потому что...

Она не договорила. Земля дрогнула, и откуда-то из горных глубин донесся то ли стон, то ли вой.

Элизе казалось, что все пришло в движение.

Мир сразу же стал неустойчивым, он потерял основу — зашумели, завывли, закачались деревья, пригибаясь к самой земле, с криками взлетели птицы, заплясали камни. Вцепившись в руку Оберона, Элиза бежала за ним, и ей казалось, что все это не наяву, что это лишь страшный сон, вязкий кошмар, и надо просто проснуться.

Откроешь глаза — и бешеная пляска прекратится, и стихнет рев, который пробивался из-под земли и бил в ноги, заставляя бежать.

Проснуться не получалось. Сон все продолжался и продолжался. В ушах поселился гул, и с каждой секундой он становился все громче и громче.

— Что это? — сумела прокричать Элиза. Только бы Оберон не выпускал ее руку, только бы он не исчез!

— Землетрясение! — прокричал Оберон в ответ. Мимо его головы просвистело яблоко, сорвавшееся с ветки: дерево словно обстреливало их, яблоки скакали по тропинке, так и стараясь подвернуться под ногу. — Не знаю! Беги, Элиза!

Земля тряслась и отплясывала у них под ногами, Элиза бежала, в ушах стучала кровь, а тело охватывало огнем. В конце концов, они с Обероном выбежали в один из больших внутренних дворов замка, где толпились перепуганные студенты — и Элиза чувствовала, как ее легкие горят, и сердце

колотится не в груди, а уже где-то в горле.

— Что случилось? — принц Жоан выбежал из замка вместе со всеми, нервно сжимая в одной руке кинжал, а в другой вилку с насаженным кусочком мяса. «Почему он танцует?» — подумала Элиза. Нет, это мир по-прежнему трясется, и Жоан отплясывает, пытаясь удержаться на ногах.

Она не сразу поняла, что Оберон оставил ее со студентами и отбежал к фонтану, туда, где уже стояли Анри и ректор Акима с какими-то сверкающими решетками в руках. Земля содрогнулась снова, Элизу бросило в сторону, и она неловко приземлилась в объятия какого-то парня в темно-сером. Над двором разлетелись испуганные девичьи крики, воздух наполнился гарью. Снова толчок; Элиза уткнулась лицом в грудь студента и услышала, как далеко-далеко размеренно бьется его сердце.

Ему не было страшно, и Элиза тоже смогла успокоиться. Чужая смелость помогла ей прийти в себя, хотя Элиза даже представить не могла, каким человеком надо быть, чтобы ничего не бояться в эту минуту.

— Всем назад! — прокричал Оберон. Теперь в его руках была такая же решетка, как у Акимы и Анри, и она наливалась таким безжалостным белым светом, что было больно смотреть. — Назад!

Над замком раскатился рев — такой давящий, выворачивающий душу из груди, что хотелось прижать ладони к ушам и зажмуриться, закрыться от него хоть как-то. Кто-то закричал, кто-то разрыдался. Гул в ушах усилился так, что Элиза вцепилась в мантию незнакомца так, что не знала, сумеет ли когда-нибудь разжать руки.

Ей было страшно — так, как никогда в жизни. Кровь будто бы кипела в венах, не давая дышать.

Земля содрогнулась еще один раз, и маги ударили. Свет разлился над академией, и рев захлебнулся. Элиза услышала стон, словно невидимое существо, которое пробивалось к замку из-под земли, было тяжело ранено.

Над замком поднялась серая тень — горбатая, многорукая и многоглавая — и рухнула за гору. Чудовище ушло.

Элиза посмотрела вправо — Оберон опустил рамку. Кто-то из преподавателей поддерживал его; надо же, Элиза и не заметила, как к троице с рамками выбежали все учителя академии. Над двором разливалось золотистое сияние, и откуда-то из невообразимого далека донеслись торжествующие птичьи крики.

Землю толкнуло в последний раз, и стало тихо. Все кончилось. Студенты и преподаватели озирались по сторонам, пытаясь убедиться, что беда отступила. Над башенками кружились птицы, одно из окон скалилось выбитыми стеклами.

— Все? — прошептала Элиза.

— Все, — кивнул парень в сером. Долговязый, с какими-то невыразительными, смазанными чертами лица и рыжеватыми волосами, он вдруг сделался красивым, как архангел — радость озарила его, и Элиза поняла, что все это время он боялся, но смог спрятать свой страх так глубоко, что забыл о нем. — Все, лисичка. Не бойся.

Элиза шарахнулась от него, парень придержал. Он смотрел на нее без ненависти и злобы, лишь с любопытством — смотрел куда-то над головой Элизы, словно рассматривалвшитую нить.

— Не бойся, — с нажимом повторил он. — Никто тебя тут не обидит. Я Марк, третий курс.

— Что это было? — услышала Элиза. Студенты быстрым шагом шли мимо нее к преподавателям. — Землетрясение?

— Нет, — уверенно ответил Марк. — Это что-то ползло к замку из-за гор. Но не доползло, на наше счастье.

Одна из девушек обернулась на него, нахмурилась. Элиза почувствовала боль в ладони и увидела, что до сих пор держит Марка за одежду, и золотой значок старосты впивается в кожу. Она смогла разжать руку, и Марк сделал маленький шаг назад.

— Не бойся ты так, — с нажимом повторил он. — Ты у друзей... хоть и не веришь в это.

Элиза словно ожила — бросилась туда, где стояли преподаватели. Ненужные уже рамки валялись на земле, Акима вытирал пот со лба, и какая-то девушка в темно-синей мантии, с замысловато уложенной прической жадно пила из большой кружки. Ее руки дрожали.

«Где Оберон? — растерянно подумала Элиза. — Я его не вижу...»

В следующий миг она поняла, почему не видит — потому что смотрела выше. Оберон лежал на земле, Анри придерживал его голову, и от пальцев зельевара расплывалось зеленоватое облако тумана. Элиза вскрикнула, рванулась к ним, упала на колени рядом с Обероном.

Он был жив — но глаза были закрыты, а по лицу разливалась мертвенная бледность. Элиза сжала его леденеющую руку, дотронулась до щеки. Кажется, во дворе снова воцарилась тишина.

— Оберон? — позвала Элиза. Он не ответил, и Элиза с ужасом подумала, что ошиблась. Краем глаза она заметила рамку, которая раньше была в руках Оберона — обгоревшую, смятую.

Нет! Он не может умереть вот так, сейчас! Он не может...

— Оберон... — прошептала Элиза, чувствуя какую-то влагу у себя на лице и не понимая до конца, что плачет. Только бы он открыл глаза! Только бы он...

Зеленоватое облако стало гуще, окутывая голову Оберона, и Элиза увидела, как шевельнулись его губы, словно он хотел что-то сказать. Кто-то дотронулся до ее плеча; Элиза обернулась и увидела ректора.

— Вам лучше отойти, милочка моя, — произнес он. — Через вашего жениха прошла отдача от установок, может тряхнуть еще раз.

Кто-то из девушек всхлипнул. За спинами мелькнул Марк, вышел вперед.

— Отойдите, — с нажимом повторил Акима. — Потому что...

Он не договорил. Примроуз, новая знакомая Элизы, вдруг рухнула на землю и изогнулась дугой. Келли заверещала, отшатнулась; Примроуз стояла дугой, опираясь на затылок и большие пальцы ног, в распахнутых глазах плескался такой ужас, что было больно смотреть.

— Великий владыка... — прохрипела она. На губах выступила пена. — Великий владыка пришел на север. Он восстанет в пепле и крови, он оживит подземные...

Акима проворно скользнул к девушке и провел над ней ладонью. Примроуз обмякла на земле и договорила:

— ...оживит подземные реки. Он наденет корону, которую у него отняли.

Глаза девушки закатились под веки, и она умолкла. Двор снова затопило тишиной — густой, мертвой.

Во тьме двигалось что-то тяжелое, бесформенное. От него веяло гнилым дыханием иномирья, и Оберон, вскидывая перед собой защитную рамку, подумал, что те, кто охотился за Элизой, не имели отношения к тому, что сейчас поднималось перед ним во весь рост.

Ни один маг не сумел бы призвать эту дрянь — такие не откликаются на зов. Она противоречила самой жизни. От невидимого, но осязаемого сгустка извращенного разума веяло такой ненавистью, что Оберон ощутил себя маленьким и беспомощным.

Сможет ли он оторвать этой твари голову?

«Вперед», — подумал он, и рамка вспыхнула в его руках. На мгновение он увидел перед собой то, что пробивалось к замку, успел удивиться тому, насколько его формы отличаются от всего привычного, нормального и разумного, а потом свет разлился в воздухе, и все исчезло.

— Оберон, — услышал он негромкий зов, полный отчаяния и тоски, и не узнал голоса. — Оберон... Вернись, пожалуйста.

За зовом пришло прикосновение — легкое, робкое, живое. Оберон почувствовал свою руку, и ощущение собственного тела вернулось. Он мог видеть, слышать, чувствовать, он смог выжить и спасти всех. Акима и Анри поддерживали ток энергии, а он направлял, и тварь, что рвалась к академии, разлеталась клочьями кровавого тумана. Солнце дотронется до них, и мерзость исчезнет.

Оберон открыл глаза, увидел над собой высокий потолок и кусочек окна в белой раме. Больничный зал академии. Он сразу же почувствовал, что рядом с ним человек, и этот человек улыбается светлой и счастливой улыбкой.

И Оберону тоже сделалось светло и спокойно. Та тьма, которую он запечатал в безвременье, ушла и никогда не вернется.

— Оберон... — услышал он и попробовал повернуть голову. Тело казалось заржавевшим механизмом, оно скрипело, ныло и не слушалось, но Оберон все же сумел изменить положение и увидел Элизу. Она сидела рядом с кроватью, держала его за руку и выглядела одновременно испуганной и радостной.

— Добрый вечер, Элиза, — проговорил Оберон. И голос-то у него был чужой, хриплый, словно изломанный. Элиза снова улыбнулась, погладила его по руке.

— Доброе утро уже, — сказала она, и в ее глазах проплыли теплые искры.

— Сколько же я тут провалялся? — удивился Оберон.

— Вечер и ночь, — ответила Элиза и потянулась куда-то в сторону. Оберон увидел сверкающий лоток, в котором красовалась добрая дюжина склянок; Элиза выбрала одну, смочила ватный шарик темно-синей жидкостью и осторожно дотронулась до его виска.

Сразу же стало легче. Воздух сделался свежее и слаще, а далекий звон в ушах отступил и растаял.

— Вы так тут и сидели? — спросил Оберон и понял, что ляпнул глупость. Конечно, Элиза была здесь, куда же ей деваться? Цепь не отпустит. Может быть, прилегла на одной из свободных коек, больничный зал был еще пуст. Кажется, у Оберона все на лице было написано, потому что Элиза нахмурилась и, вновь прикоснувшись шариком к его виску, ответила:

— Да, сидела. И не потому, что мы с вами связаны.

— А почему же? — весело осведомился Оберон, прекрасно понимая, что она не ответит. Так и случилось. Элиза сердито сверкнула на него глазами и ответила:

— Вы невыносимы.

«Да, — подумал Оберон. — Именно это я и ожидал».

Он не помнил, когда ему было настолько хорошо и спокойно.

— А вы прекрасны, — откровенно сказал он. — Но это не ответ на мой вопрос.

Элиза устало посмотрела на него. Бросила шарик куда-то вниз, в урну.

— Я испугалась, что потеряю вас, — призналась она. — Потому что кроме вас, у меня никого больше нет.

Она была такая хорошая, такая искренняя и чистая в эту минуту, что Оберон не мог не улыбнуться.

— Как думаете, — поинтересовался он, — я заслужил поцелуй красавицы за свои подвиги?

На щеках Элизы проступил румянец. Она быстро наклонилась к Оберону, бегло прикоснулась губами к его лбу и тотчас же отпрянула, словно ей сделалось страшно, и за этим страхом проступило что-то еще, незнакомое и важное.

— Вам нравится меня дразнить? — спросила Элиза, взявшись за очередной шарик.

— Нет. Мне нравитесь вы, — Оберон вдруг подумал, что страшно проголодался. Быка бы съел, и это только на закуску. — Как вы, Элиза? Смогли отдохнуть хоть немного?

— Нет, — ответила Элиза, задумчиво катая шарик в пальцах. — Оберон, я очень испугалась за вас. Вы лежали там, как мертвый. А потом еще Примроуз упала и стала пророчествовать, а у вас потекла кровь из носа...

Оберон нахмурился.

— Что она сказала? — спросил он, стараясь говорить спокойно и невозмутимо.

— Что великий владыка пришел на север. Он восстанет в пепле и крови, он оживит подземные реки, — ответила Элиза, взяв еще одну склянку, на сей раз с зеленоватым содержимым. — И наденет корону, которую у него отняли.

Собственно, ничего необычного не произошло. Девушкам с факультета предвидения как раз и полагалось пророчествовать. Едва заметный сквозняк скользнул к кровати, мазнул Оберона по плечам.

«Подземные реки» — это заклинание, которое Венфельд использовал, чтобы оживить свои зеркала. И от этого Оберону сделалось не по себе. Потому что если идти в своих рассуждениях до конца, то

великим владыкой была Элиза. Это ведь она сумела воскресить давно умершее зеркало.

«Совпадение», — подумал Оберон, и тотчас же у него мелькнула мысль, что он просто пытается себя успокоить.

— Все в порядке? — встревоженно спросила Элиза, решив, видимо, что Оберон молчит потому, что ему плохо.

— Да, — кивнул он, стараясь придать себе максимально спокойный и беспечный вид. — Великий владыка взошел на престол по смерти матери, но он не на севере. Принц Эдвард будет хорошим королем, я надеюсь, но не понимаю, при чем тут пророчество.

— Может быть, оно касается принца Жоана? — задумчиво проговорила Элиза. — Он, кстати, заходил вас проведать. И Марк тоже...

Жоан? Может быть. Кабинет зельеварения соседствует с малой лабораторией, принц вполне мог повлиять на зеркало. Оно очнулось и показало прошлое того, кто стоял рядом, а не то, что имело отношение к воскресителю.

Да и пророчество, в конце концов, говорило о великом владыке. Разве Элиза королевских кровей? Да и Примроуз сказала бы «Великая владычица», если бы речь вдруг шла о дочери генерала Леклер.

— Какой Марк? — уточнил Оберон, хотя прекрасно знал, о ком речь. В академии был только один Марк.

— Ваш студент, — ответила Элиза. — Староста третьего курса. Когда все тряслось, я упала, а он меня поддержал.

Оберон понимающе кивнул.

— Вашу нитку почувствовал? — поинтересовался он, понимая, каким будет ответ. Чтобы Марк, да не ощутил оборотня рядом? Даже скованного серебром?

Кажется, румянец Элизы стал гуще. Она кивнула. Оберон вспомнил, что Марк, несмотря на скромные внешние данные, всегда пользовался успехом у девушек.

Но не настолько же он глуп, чтобы продолжить общение с невестой своего декана?

— Да, — ответила Элиза. — Я испугалась, честно говоря. Но он сказал, что я у друзей, и меня никто не обидит.

— Все правильно сказал, — согласился Оберон, подавив в себе неприятное желание оттаскать нахального мальчишку за уши, хотя Марк не успел сделать ничего плохого. — Давайте завтракать, Элиза. Позовите домашних?

— А как это сделать? — нахмурилась Элиза, и Оберон вспомнил, что у нее всегда были человеческие слуги.

— Просто хлопните в ладоши, — ответил он. — И скажите «Завтрак!»

Домового Элиза увидела в первый раз.

В отцовском доме и домах друзей их не было, а в академии домовые делали все, чтобы никому не попадаться на глаза. Элиза вспомнила рассказ Оберона о том, что, несмотря на давнее и близкое соседство, домовые недолюбливают людей. И сейчас, когда в больничный зал вкатились два лохматых шара, на спинах которых балансировал большой серебряный поднос с блюдами, прикрытыми крышками, Элиза испуганно ахнула и невольно поджала ноги.

Издали шары были похожи на ежей или лохматых котов. Серая ухоженная шерсть струилась мягкими волнами, от домашних едва уловимо пахло свежей выпечкой. Следом за ними с веселым лаем вбежал Пайпер, и Элиза ахнула и протянула к нему руки. Щенок запрыгнул к ней на колени, заворковал, лизнул в щеку.

— Хороший он у вас, — заметил Оберон. Шары домашних подпрыгнули, ловко поставив поднос на прикроватный стол, и Элиза услышала негромкое фырканье.

— Спасибо вам, — улыбнулась она, и домовые замерли. От их пушистых фигурок веяло искренним любопытством.

— Вот так дела! — негромко прогудел один из шаров. — Вежливая леди! Видал ты, братец, что делается?

Элиза удивленно посмотрела на них. Поймала взгляд Оберона — он смотрел с любопытством, словно Элиза проходила какое-то испытание, и проходила успешно.

— А что, тут нет вежливых леди? — поинтересовалась Элиза. Второй домовый подпрыгнул, крутанулся и раскрылся, встав на рожеватые ножки в темных башмачках.

Он действительно был похож на кота: аккуратная мордочка, круглые ушки, белые усы. Элиза невольно улыбнулась — домовый выглядел очень милым, как плюшевая игрушка. Если бы Элиза была ребенком, то обязательно погладила бы его!

— Есть, — ответил он. — Но мало. Кушайте на здоровье!

— Спасибо! — сказала Элиза, домовый снова свернулся клубком, и Пайпер посмотрел на него так, словно это была знатная добыча, которую надо было схватить и притащить хозяйке. Домовые зафыркали, укатились, и Оберон весело заметил:

— Вы им понравились. Они редко с кем разговаривают. Просто делают, что им велено.

Подняв крышку с блюда, Элиза увидела яичницу с беконом и грибами и поняла, что страшно проголодалась. После землетрясения, когда Оберона принесли в больничный зал, она не могла думать о еде, а теперь как-то опомнилась. Да, уже утро, Оберон пришел в себя, а она голодна.

Элиза не заметила, как ее тарелка опустела. Оберон ел медленнее, и ей вдруг стало стыдно. Леди не должна молотить свой завтрак, как крестьянка, которая боится, что у нее отнимут скудную еду. Оберон ободряюще улыбнулся.

— Помните, вы сказали, чтобы я повторил свое предложение, когда буду видеть в вас именно вас, а не кого-то другого? — спросил он, и Элизе сделалось жарко, а потом сразу же охватило таким холодом, что она почти перестала дышать. — Ну вот, я повторяю.

Элиза отставила тарелку на стол. Неужели можно полюбить вот так, за несколько дней? Их связало заклинание, потом Оберон спасал ей жизнь...

Она вспомнила, как испугалась за него во дворе замка. Это был не то что бы страх — черная липкая тоска вползла в душу. И потом, когда Элиза сидела рядом с кроватью, когда уже ушел врач, и больничный зал погрузился в полумрак, она поняла, что не может потерять Оберона. В ней тогда тоже умрет что-то очень важное.

Была ли это любовь? Бог весть.

Элиза не успела ответить — в больничный зал вошел ректор, и она почти услышала легкий звон, словно где-то далеко лопнула туго натянутая нить. И наваждение ночи и страха сразу же исчезло.

Оберон устало улыбнулся, словно именно этого и ожидал.

— Доброе утро, дорогой мой! — Акима подошел к койке, поставил на столик маленькую бутылку из темно-зеленого стекла. На смуглой этикетке извивался дракон. Обернувшись к Элизе, ректор кивнул ей: — Доброе утро, миледи! Как наш больной?

— Быстрыми шагами идет на поправку, — весело сказал Оберон. Элиза заметила, что Пайпер смотрел на Акиму с очень недовольным, почти свирепым видом, который делал его милым и забавным. — А что в бутылке?

— Сарванийское вино! — с гордостью ответил Акима. — Берег его для особого случая и решил, что он уже наступил. Оно тебя подбодрит, я уверен.

Было видно, что это вино ректор буквально от сердца отрывал. Элиза слышала о его чудодейственных свойствах — редкий напиток был славен тем, что возвращал в раненую душу бодрость и радость. Оберон довольно улыбнулся и заверил:

— Сегодня же его попробую с хорошей закуской. Есть новости?

Акима взял стул, сел рядом с кроватью и сообщил:

— Для начала все финансовые проблемы академии полностью решены. Навсегда. То, что мы вчера изгнали и запечатали, оставило трещину в скале, и догадайся, чем полна эта трещина?

Оберон вопросительно поднял бровь.

— Неужели алмазами? — с сомнением предположил он.

— Именно! — воскликнул Акима. — Я уже подтвердил права академии на все, найденное на ее территории. Слышишь шум? Это Лаваль и Азуле орут согласным хором, что алмазы принадлежат министерству магии и образования.

Оберон рассмеялся.

— Теперь держитесь, господин ректор! — весело сказал он. — Нас станут грызть, а вас попробуют сместить.

Акима нахмурился.

— Я это прекрасно понимаю, — серьезно ответил он. — Такой лакомый кусок никто не выпустит из рук. Особенно, когда об этом узнает король Эдвард. Как там финансовые дела короны, плохи?

Оберон ухмыльнулся.

— А когда они были хороши? Может, нам стоит укутать трещину Скрываемой пеленой? — предположил он. Элиза решила, что это было какое-то заклинание.

— Я думал об этом, — кивнул Акима. — Одним словом, не залеживайтесь здесь, друг мой. Ваши таланты понадобятся всей академии.

По губам Оберона снова скользнула улыбка. Он покосился в сторону Элизы и спросил:

— А что там было за пророчество?

— Ха! — воскликнул ректор. — Вся академия о нем говорит. Оно о принце Жоане, это несомненно. И еще неизвестно, что принесет нам больше проблем, алмазы или великий владыка рядом с ними.

Элиза увидела, что Оберон вздохнул с облегчением, словно ожидал чего-то другого, и обрадовался, что ожидание не сбылось.

— Почему вы так уверены? — спросил он.

— Потому, что у него вспыхнул артефакт в экипаже, когда он сюда ехал, — ответил Акима. — Принца легко ранило, но кровь была. А экипаж — в пепел. Вот вам и восставший из пепла и крови. Что же до короны, то вы знаете, что абаринские владыки выбирают наследника из своих детей. Висен выбрал Жоана, но потом передумал.

Оберон нахмурился. Посмотрел на Элизу, и она почувствовала, что землетрясение было только началом их проблем.

— Мне кажется, у академии впереди только беды, — угрюмо заметил он. Акима кивнул и ответил:

— Редкий случай, когда я с тобой полностью согласен.

— Нет, господа, это нелепица! Форменная нелепица! Я слышал то, что сказала та бедная девушка, но разве же можно воспринимать это всерьез? Это бред, и ничего, кроме бреда!

Принц Жоан, которого вызвали в ректорат, вдруг сделался каким-то очень тихим и смирным. Элиза сидела на диванчике в углу, старалась не привлекать к себе внимания и думала о том, что за эти дни принц умудрился показаться с дурных сторон, и его нынешнее угрюмое смирение может быть только маской.

Оставалось понять, так ли это, и зачем он надел эту маску.

— Государь Висен ведь хотел сделать вас наследником абаринской короны? — уточнил ректор. Жоан, который до этого момента мерил кабинет быстрыми шагами, остановился и посмотрел на Акиму очень странным взглядом, словно ему вдруг сделалось очень страшно.

— Я не обсуждаю решения моего короля, — ответил он тем напряженным неживым тоном, которым обычно отвечают на плачу.

«Боится короля? — подумала Элиза. — Да, он и правда его боится...»

Она уже видела этот страх — в первых газетах, которые вышли после смерти государыни Раймунды, были дагерротипические снимки принца, и Эдвард смотрел с них с таким же выражением.

Оберон, который тем временем сидел за одним из столов и с хмурым видом перебирал бумаги,

оторвался от желтоватых листков, пристально посмотрел на принца и произнес:

— Здесь вам нечего бояться, Жоан. Все, что можно было отнять, у вас уже отняли. И поэтому вы так себя вели, когда приехали в академию?

Принц уставился на Оберона с таким забавным удивлением, что Элиза прикусила губу, чтобы не улыбаться. А Оберон отложил свои бумаги, вышел из-за стола и совершенно дружелюбно продолжал:

— Вам уже нечего было терять. И уже не надо сохранять лицо, делая вид, что все в порядке. Плюс еще и общее магическое поле академии, которое ударило вас по голове. Поэтому вы и сорвались, вы ведь хотели быть принцем, а не сосланным ничтожеством, — он сделал паузу, наслаждаясь побледневшим лицом принца, и сказал: — Это ведь ссылка, Жоан? Вас отправили сюда для того, чтобы вы не мозолили глаза в Абарине? И чтобы ваши друзья успокоились и забыли о вас?

В ректорате воцарилась звонкая тишина. Акима смотрел на Оберона с нескрываемым восторгом. Скрипнула дверь, в ректорат сунулся было кто-то из преподавателей, но, оценив момент, решил зайти попозже.

— Да, — каким-то холодным надтреснутым голосом откликнулся Жоан, и Элиза убедилась, что он наконец-то снял маску. За обликом нахального светского щеголя с подвитыми светлыми волосами и слегка подведенными по абаринской моде глазами прятался усталый и сломленный человек — и ему уже не надо было скрываться.

«Сильно же его ломали», — с искренней жалостью подумала Элиза.

— То есть, это действительно ссылка? — уточнил ректор.

— Да, — Жоан запрокинул лицо к потолку, запустил руку в волосы жестом какого-то глубокого ледящего отчаяния. — Все верно, господин ректор. Он выбрал меня среди остальных сыновей. Меня, седьмого сына. А потом...

— Потом вы оказались намного умнее, чем предполагал ваш отец, — сказал Акима. — И он решил, что умный сын заберет корону раньше, чем отца призовет Господь. Верно?

Жоан кивнул. Прошел по ректорату, сел на диван рядом с Элизой и вроде бы даже не понял, что она сидит рядом.

— Но вы не имели злых умыслов, — ободряюще сообщил Оберон. — Будь иначе, вы бы вели себя по-другому. С самого начала были бы славным дружелюбным парнем и искали бы новых друзей и сподвижников среди магов — а вы сорвались. Не выдержали, потому что слишком долго терпели и молчали, соглашаясь с решением вашего отца.

Теперь Жоан был не бледным — каким-то посеревшим. Лицо обрело то тяжелое выражение, которое уместно было бы на статуе над могилой. Он ничего не ответил, только кивнул.

— Почему вас сослали именно в академию магии? — поинтересовался Оберон. Элиза невольно заметила, что Акима позволяет ему вести линию допроса — а это был именно допрос.

— Потому что он надеется, что я здесь сдохну, быстро и мучительно, — ответил Жоан, и по его губам скользнула нервная болезненная усмешка. — Я не владею магией, но она влияет на меня не так, как на остальных безмагов. Начинаются головные боли, потом кровь идет носом. Лейб-медик полагал, что через неделю постоянного контакта с магией у меня случится кровоизлияние в мозг. Не с гарантией, разумеется, но такое предположение было.

Акима и Оберон посмотрели друг на друга, оценивая ситуацию.

— Почему вы не рассказали об этом сразу? — мягко поинтересовался Акима.

— Потому что не знал, можно ли вам верить, — ответил Жоан. — И надеялся все-таки прожить подольше, пусть и с головными болями. А выкладывать все с порога, чтобы умереть в первый же день, если отец успел пообщаться с вами... нет. Я так не хочу.

Он помолчал и добавил:

— Лучше быть живым наглецом, чем мертвым мучеником за свободу отечества.

Элиза невольно дотронулась до его руки, словно хотела утешить. Принц растерянно посмотрел на нее, его брови дрогнули. «Он хороший человек», — с искренним сочувствием подумала Элиза.

— Отец узнал бы, что я хамлю преподавателям и вызываю их на дуэли, — продолжал Жоан. — Что я обычная светская дрянь, для которого все, кроме него, грязь под ногами. Так, собственно, у нас и

принято. Это успокоило бы его... возможно, дало бы мне какие-то шансы. Не на корону, нет. Просто выжить.

Оберон снова улыбнулся, и Элиза в очередной раз подумала, что ему очень идет эта улыбка.

— Что вы хотели изменить, Жоан? — поинтересовался он. — Отменить крепостное право? Уравнять всех со всеми?

Принц кивнул.

— Это в первую очередь.

Акима рассмеялся. Прошел в угол, к металлическому шкафчику, и провел ладонью над замком — дверца открылась с мелодическим звоном, и ректор извлек из темных недр шкафчика медальон: прозрачный камушек на золотой цепочке.

— Вы мне нравитесь, молодой человек, — заявил ректор. — Вот сейчас вы настоящий, вот сейчас вы достойный. Держите.

Жоан удивленно взял медальон, и Акима добавил:

— Наденьте и носите, не снимая. Это Слеза Праматери, редкий камень. Он прикроет вас от магического поля академии. Отделит от него, скажем так.

— Благодарю вас, — прошептал Жоан, всматриваясь в игру света в камне, и на его сером лице наконец-то появился румянец, словно из глубины страха пробилась жизнь и надежда.

— Господин ректор! — воскликнула Элиза звонким шепотом. — А этот камень может разделить нас с господином деканом? Разрушить ту цепь?

Надежда нахлынула на нее соленой волной — это было настолько радостно и больно, что Элиза едва не расплакалась. Оберон смотрел на нее, и она не поняла его взгляда.

Он будто бы не хотел, чтобы цепь разрушилась. Неужели ему нравилось быть привязанным к своему приобретению?

— Может! — беспечно ответил Акима, и глубокая морщина пролегла по переносице Оберона. — Но при этом он убьет вас обоих, ваше заклинание лежит слишком глубоко. Так что просто подождите. Ни за что не поверю, что вам настолько неприятно находиться рядом!

Элиза смущенно опустила глаза. Оберон улыбнулся.

— Вам придется потерпеть меня еще какое-то время, — с привычной улыбкой заметил он.

«Вы невыносимы», — хотела сказать Элиза — и почему-то не сказала

Глава 6. Алмазы чудовища

— Вам настолько нестерпимо находиться со мной рядом, что вы говорите об этом на людях?

Оберон старался говорить с привычной светской веселостью и в очередной раз обнаружил, что от улыбки и беспечного тона ему становится легче. Он вполне понимал Элизу: она относилась к нему очень хорошо, но ей хотелось свободы. Сбежать по лестнице, вырваться в сад, пробежать к маленькому внутреннему пруду и, допустим, наловить там лягушек или пустить по воде кораблики — и все это без тени Оберона за спиной.

Элиза сверкнула на него гневным взглядом из-под ресниц и сделала еще один шаг по коридору. В груди заворочалась боль, и Оберон увидел, как девушка поморщилась и торопливо шагнула обратно.

— Пятьдесят шагов, — заметил он. Коридор был пуст, никто их не видел и не задался бы ненужным вопросом о том, чем это занят декан со своей невестой. — Полезная штука это зелье, правда?

Перед началом измерений они послушно осушили по бокалу варева Анри — сейчас оно почти не вызывало тошноты, вот что значит привычка.

— Да, — кивнула Элиза. Оберон открыл дверь, и, скользнув в его апартаменты, девушка добавила: — Да, полезное.

— Вы не ответили на мой вопрос! — сказал Оберон, почувствовав, что Элиза смущается. Ему нравилось ее смущать и поддевать — в такие моменты они оба становились живыми.

Интересно, хочется ли ей выдернуть защитную нитку? Хотя бы раз ощутить ту безумную свободу, которая накрывает оборотня в полнолуние, выбрасывает его в леса и наполняет белозубую пасть кровью жертвы... Конечно, Элиза возмущенно скажет, что никогда ни о чем подобном и не помышляла, но как там на самом деле?

Оберон поймал себя на мысли о том, что сейчас думает об Элизе как о добыче. Сколько оборотней он уничтожил? Сколько волчьих, медвежьих, лисьих когтей и зубов хранится в сундучке в его шкафу? Вот и еще один оборотень, и, Господи, не дай мне убить ее.

— Я устала, — призналась Элиза и быстро добавила, словно Оберон мог истолковать ее слова по-своему: — Не от вас, нет. Просто от того, что постоянно считаю и контролирую.

Пайпер с веселым лаем бросился к ней — соскучился по хозяйке. Элиза подхватила его на руки и обернулась к Оберону.

— Могу ли я пойти туда-то, могу ли я сделать это и то, — продолжала Элиза. — От этого невольно устаешь, и дело тут вовсе не в вас.

«Она меня возненавидит, — с грустью подумал Оберон. — Просто потому, что сейчас не может отойти на пятьдесят один шаг. И потом, когда все закончится, с радостью от меня убежит. С собаками не найдут».

Он прекрасно понимал, что имеет все права на эту девушку. Она никуда не денется от него, но меньше всего Оберон хотел кого-то привязывать к себе цепями навечно. Кажется, об этом когда-то говорила Женевиэв: если есть принуждение, то любви тут уже не будет.

— Две недели, — сказал Оберон и показал два пальца. — Потом вы будете свободны.

Элиза кивнула. Пайпер посмотрел на Оберона с плохо скрываемой неприязнью.

«Я же не обижаю твою хозяйку», — хотел было сказать Оберон, но не сказал.

Потом, когда они уже легли, и Оберон взял с собой одну из папок с первыми отчетами за учебные дни, Элиза вдруг попросила:

— Расскажите мне что-нибудь хорошее? Если вам не трудно, конечно. И если я вас не отвлекаю.

Оберон с улыбкой посмотрел на нее — в спальне было тепло, но Элиза укуталась одеялом так, словно ее знобило.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил Оберон. Элиза кивнула.

— Все в порядке, — негромко ответила она. — Просто за эти дни столько всего случилось, что...

Оберон понимающе качнул головой.

— В основном, у меня только истории об охоте на чудовищ, — признался он. — Но боюсь, что после

них вы не будете спать. Помнится, однажды я бежал по Болотищу за гнилыми гончими...

Вопреки его ожиданиям, в глазах Элизы засветился не страх, как у любой барышни, а любопытство.

— Что такое гнилые гончие? — поинтересовалась она. Оберон невольно улыбнулся. Вспомнил, что девушки иногда любят побояться — так потом приличнее прижаться к кавалеру в поисках защиты.

Ну, Элиза-то в любом случае сейчас не будет его обнимать. Незачем.

— Очередное порождение тьмы, — ответил он. — Собачьи скелеты с остатками мяса и шкуры. Их поднимает Птичья звезда, и они носятся осенью по болотам, пожирают охотников и добытчиц клюквы. Иногда выбирают в поселки... после этого в поселках никого не остается. Даже серебро и железо их не берут.

Элиза даже села на диване, и Оберон подумал, что она чудо как хороша — сейчас, с горящими от испуганного восторга глазами, и волосами, рассыпавшимися по плечам. Он вспомнил темные осенние ночи, тусклый блеск звезд в болотной воде, и огромное созвездие, раскинувшее крылья по небу — Древо Болотного Господа, увенчанное Птичьей звездой, чье сияние пробуждает силы тьмы.

Девушки об этом не слушают. Девушкам нет дела до охоты на нечисть и того мучительного восторга, который сотрясает душу, когда очередная тварь растворяется серебряным дымом.

— А вы боитесь их? — замороженно спросила Элиза. — Тех, на кого охотитесь?

Оберон усмехнулся.

— Вы удивитесь, но нет, — ответил он. — Я просто хочу их уничтожить и знаю, как это сделать. Да и потом, лучший способ проиграть — это дать им учуять свой страх.

Взгляд Элизы сделался темным, цвета старого меда — Оберон пробовал такой однажды в поселке на севере. И горечь в нем была, и сладость — как в воспоминаниях.

— Вам, должно быть, тяжело находиться рядом со мной, — предположила Элиза. — Я ведь оборотень.

Оберон усмехнулся.

— Вы человек, Элиза, — твердо сказал он. — Вы стремитесь оставаться человеком. Это самое главное.

— Иногда я думаю, что только это мне и остается, — призналась Элиза. — Я ведь все потеряла. Дом, отца, честь... ничего больше нет.

Прекрасно осознавая, что она неправильно поймет его, Оберон выбрался из-под одеяла, сел на диване рядом с Элизой и обнял ее — так, как мог бы обнять отец или брат. Иногда, чтобы двигаться дальше, надо просто почувствовать, что рядом с тобой кто-то есть. Элиза уткнулась виском в его плечо, и Оберон подумал, что ни Анри, ни, прости Господи, Марк, да вообще никто не упускал бы такого случая.

- У вас есть вы, — негромко сказал Оберон. — У вас есть я. Так что можно жить дальше.

Элиза улыбнулась — Оберон почувствовал ее улыбку, и ему сделалось как-то очень спокойно, словно он наконец-то понял, где искать давно потерянное и важное.

— А у вас есть я, — промолвила Элиза. — И академия. И те алмазы...

Очарование момента растаяло — Оберон вспомнил про алмазы и подумал, что до конца года академия может не дожить. В прямом смысле: король Эдвард просто уничтожит ее. С магами трудно сражаться, особенно если эти маги сопротивляются — но с ними можно бороться и победить, если тобой движет алчность. А тут еще и Висен поможет: узнает, что сосланный сын не собирается умирать, да еще и сидит на сундуке с алмазами, и отправит сюда войска в поддержку Эдварда.

— Акима пока сдерживает наших дорогих инспекторов, — язвительно заметил Оберон. — А они так и рвутся доложить, надеются, что начальство оценит их рвение. Азуле поумнее, впрочем, он уже намекает, что будет хранить молчание, если ему выделят малую долю.

— Мне не нравится, что принц здесь, — призналась Элиза. — Его отец узнает, что он не умер, и не оставит в покое. Знаете, — она поежилась, удобнее устраиваясь в руках Оберона, — я удивляюсь, почему нас с вами больше не пытаются убить.

— Что-то изменилось, — сказал Оберон, и вдруг понял, что Элиза проваливается в сон, тихий и

глубокий. — Знать бы только, что именно...

Оберон проснулся от того, что Элиза шевельнулась у него на плече и что-то проговорила во сне. Кажется, кого-то позвала, он не разобрал точно.

За окном шел дождь. Осень рухнула на горы, принесла дожди, промозглый ветер, и Оберон представил, с какими угрюмыми лицами Акима и Анри сейчас идут к разлому, где из камня и земли выглядывают алмазы.

Ректор всегда говорил, что ненавидит дождь, у него в такую погоду суставы болят так, что не помогает ни медицина, ни магия.

Впрочем, нормальные у них лица. Алмазы исцеляют любую боль, особенно те, которые принадлежат лично тебе, особенно, когда ты в красках представляешь, какие дома и экипажи теперь сможешь себе позволить. А ректор вчера упомянул, что все обитатели академии получают свою долю.

Оберон легонько дунул в каштановые кудри Элизы, и она вздохнула, но не проснулась. Плечо затекло; осторожно, стараясь не разбудить, Оберон сменил позу. Когда он вот так просыпался с девушкой? Да, в тот самый день, когда Женевьев обратилась. С тех пор у него не было тех, с кем он пробыл бы до утра.

В тот день его счастье смело такой волной боли, что он решил никогда не вспоминать и не надеяться. Но, может быть, надежда способна вернуться?

В тусклом свете осеннего утра Элиза казалась какой-то ненастоящей. Призраком — дотронься, и он растает. И Оберон, повинувшись глубокому тоскливому чувству, которому не мог подобрать имени, взял и дотронулся, твердо зная, что не простит себе, если не прикоснется к Элизе в эту минуту. Он пробежался кончиками пальцев по белому виску, убирая прядь волос, скользнул по лицу, обрисовывая щеку, прикоснулся к приоткрывшимся губам.

Призрак никуда не исчез. Оберон склонился к девушке и поцеловал ее — осторожно, мягко, словно она могла вылететь из его рук и уже никогда не вернуться. Она и так вылетит — Оберон прекрасно понимал, что когда действие заклинания иссякнет, Элиза сделает все, чтобы освободиться от такого неприятного соседа, как декан факультета темной магии.

Она оборотень, пусть и скованная нитью. Она прилагает значительные усилия, чтобы быть милой и спокойной рядом с охотником на оборотней. И пусть этот охотник не делал ничего плохого, лишь спасал ее жизнь, есть вещи, которые лежат очень глубоко в душе, за пределами разума.

Именно они и определяют жизнь. Оберон может и дальше спасать Элизу от тех, кто ведет на нее настоящую охоту — Элиза все равно будет относиться к нему настороженно. Просто потому, что такова ее природа.

Губы Элизы дрогнули, и она откликнулась на его поцелуй — робко, словно вступая на неизведанную тропу. Целовалась ли она с кем-нибудь вообще? С этим своим женихом, как бишь его... Морисом? Оберон прижал ее к себе, чувствуя теплый запах волос и кожи, и в голове у него мелькнуло: к дьяволу все, незачем больше сдерживаться. Надо просто взять то, что хочется. То, чего они оба хотят.

Элиза целовала его, ее губы были мягкими и слегка солеными, и поцелуй был полон надежды и далекой тоски. Пушистые ресницы дрогнули, и, оторвавшись от Оберона, Элиза едва слышно выдохнула, просыпаясь:

— Морис...

Оберону показалось, будто одна рука звучно ударила его по затылку, а вторая нахлобучила на голову шутовской колпак. Все очарование нежности исчезло, не чувствуя ничего, кроме досады и стыда, он отстранился от Элизы и сказал, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее:

— Доброе утро, Элиза.

Девушка содрогнулась всем телом, как зверек, угодивший в ловушку, рванулась в сторону — да Оберон и не держал ее. Огромные потемневшие глаза испуганно уставились на него, Элиза машинально дотронулась до покрасневших губ и проговорила:

— Мне снился сон...

— Ваш жених, — с прежним спокойствием произнес Оберон. Конечно, нет тут ничего досадного, когда девушка целует тебя, шепча имя другого. Никто ведь не отвечает за то, что видит во сне.

«Пожалуй, надо было тогда поднимать руку выше. И не только руку», — мрачно подумал Оберон, вспомнив свое знакомство с миледи Леклер. Кончики ушей начало жечь — верный признак с трудом сдерживаемого гнева.

— Да, — кивнула Элиза. — Я даже не знаю... он никогда мне не снился.

— К перемене погоды, — заметил Оберон, кивнув в сторону окна. Дождь шел все сильнее, по подоконнику грохотали потоки воды, и даль была непроглядно темна. Даже свет алмазов не разгонял ее. К дьяволу все алмазы, они не дадут Оберону то, что он хочет. — Старые знакомые обычно снятся к перемене погоды.

Ну а что тут еще можно говорить? Не ругать же ее? Кто тут заслужил трепку, так это сам господин декан. Не надо целовать спящих девушек, это не сказка про Элли-Сонницу, которую прекрасный принц разбудил поцелуем. А раз сам сунулся к той, которая тебя просто вежливо терпит, так потом не обижайся на то, что она произносит имя другого в твоих объятиях.

Так тебе и надо. Дурак, дерьмом набитый.

— Вы меня поцеловали, — промолвила Элиза. Снова прикоснулась к губам, словно там болело и жгло.

Оберон кивнул. Не было смысла скрываться и прятаться.

— Да. Поцеловал, — ответил он и рассмеялся. — Думаю, за свои добрые дела я заслужил кое-что посерьезнее, чем ваш давешний братский поцелуй.

Элиза одарила его таким взглядом, которого Оберон не понял — зато стало ясно, что он сморозил глупость. Шутка не удалась.

Она вздохнула. Мягко дотронулась до его щеки.

— Вам, должно быть, неприятно сейчас, — сказала Элиза. — Оберон, простите меня, пожалуйста, мне снился Морис, и я позвала его...

Оберон махнул рукой. Поднявшись с дивана, он подошел к окну — ничего, кроме дождя и его досады.

— Не надо извиняться за то, что вам снится, — ответил он, не оборачиваясь к Элизе. — Вы ведь не выбираете свои сны.

«Дурацкий казус, — хмуро подумал Оберон. — И я дурак».

Элиза выскользнула из-под одеяла, подошла к нему. Дотронулась до плеча. Оберон чувствовал ее дыхание и тепло тела, хотел, чтобы она не уходила, и понимал, что если в академии объявят конкурс идиотов, то он займет второе место — потому, что идиот.

— Вы... — начала было Элиза и ничего не сказала. Умолкла. Ее рука лежала на плече Оберона, и он вдруг подумал: нет ни счастья, ни надежды, если ты не форменный мерзавец и не хочешь ломать другого человека через колено.

Он повернулся от окна — ну а что стоять так? Начался новый день с новыми делами и заботами. В ту же минуту Элиза поднялась на цыпочки и поцеловала его.

Оберон порывистым движением прижал ее к себе, лоя брызги тех чувств, что летели к нему от девушки — в эту минуту ей наконец-то впервые за долгое время было спокойно и легко, и Элиза не хотела, чтобы эта блаженная минута таяла. Когда они все-таки оторвались друг от друга, то Оберон провел подушечкой пальца по припухшим губам Элизы и сказал, глядя в потемневшие затуманенные глаза:

— Так как, Элиза? Принимаете мое предложение? Обещаю быть вам хорошим мужем.

— Вы невыносимы, — с улыбкой промолвила Элиза и добавила: — Да. Да, я согласна.

— Отвратительная погода, господа!

— Что поделать, северная осень во всей красе!

Несмотря на заклинание, которое укутывало от дождя, рассеивая мелкие капли, Анри выглядел недовольным и мрачным. После завтрака ждали занятия, несмотря на алмазы и великого владыку, всем надо было вести привычную работу, но Оберон видел, что господин старший зельевар больше

всего хочет сесть где-нибудь в тепле, и чтобы его оставили в покое и не трогали.

Элиза стояла под таким же заклинанием в шестидесяти шагах. Сегодня утром они еще раз разошлись в разные концы коридора, и Оберон невольно подумал, сохранит ли она свое отношение к нему после того, как окончательно освободится. Сморчки из министерства магии обещали им три недели, но Оберон смотрел на цепь и понимал, что осталось три-четыре дня, не больше.

Та дрянь, что Анри варил для них, прекрасно делало свое дело.

Глиняные хорбы — магические помощники для трудных работ, которых госпожа Бьянка лепила всю ночь, с грохотом и треском возились в разломе. Прищурившись, Оберон насчитал дюжину круглых голов и грубых приземистых тел: Бьянка лепила наскоро, не озадачиваясь деталями, но хорбам не нужна красота. Вот один из них, весь в грязевых потоках, протянул небольшую корзину — Акима, который чуть ли не подпрыгивал от нетерпения, схватил ее и довольно воскликнул:

— Миллионы, друзья мои! Миллионы золотых крон!

Хорб заворчал и опустился в разлом. Оберон и Анри подошли к ректору — да, необработанные алмазы выглядели непритязательно. Так, грязные стекляшки. Протянув руку, Оберон взял один из них, и камень на его ладони засветился розовым, словно ожил.

— Возьму в счет своей доли, — сказал Оберон, глядя куда-то в сторону замка поверх головы ректора. — Мне надо делать свадебное кольцо.

Вид Анри почему-то был скептическим, словно он ожидал чего-то другого. Зато Акима дружески похлопал Оберона по плечу и заявил:

— Прекрасно, друг мой! Просто прекрасно! Дать вам выходной?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Оберон. Он не понимал до конца, что с ним происходит. Девушка, которой он добивался, сказала ему «да». Чего еще хотеть, что было не так?

— Что там наш великий владыка? — поинтересовался он. Акима усмехнулся.

— Я подсчитал вчера его долю, — сказал он. — Хватит, чтобы основать собственное королевство... ну или вернуть себе старое. Кстати, наши друзья из министерств сегодня отправили прошения об увольнении. Благоразумные люди, ничего не скажешь.

Оберон невольно вздохнул с облегчением. Значит, какое-то время об алмазах никто не узнает. Конечно, потом информация все же выплывет, такого огромного шила ни в одном мешке не утаить — но пока у них было время.

Почему все-таки Элизу оставили в покое? Поняли, что действовать в академии магии себе дороже? Решили не рисковать?

Или она в самом деле больше не нужна? Тогда что случилось?

— А Жоан хочет королевство? — поинтересовался Оберон. Акима пожал плечами.

— Мне показалось, что пока он хочет прийти в себя, — сказал он. — И не размышляет ни о власти, ни о деньгах. Знаете, так бывает. Иногда хочется просто дышать и ни о чем не думать.

Возвращаясь в академию и глядя на высокие окна столовой, залитые теплым светом, Оберон вдруг понял, что было не так. Он боялся — память подсовывала ему картинку из прошлого. Всего три дня после свадьбы, смятая окровавленная простыня и пальцы Женевьев, которые комкали ее, сжимаясь и разжимаясь. Сама Женевьев Ренар, Паучья ведьма, уже была мертва.

— С тобой что-то не так, — негромко заметила Элиза. Оберон пожал плечами.

— Даже и не знаю, — соврал он и почувствовал, как далекая тьма в зеркалах снова пришла в движение. Лжец, лжец, убийца! — зашелестел дождь, рассыпался язвительным смехом. — Я думаю о том, почему тебя больше не пытаются убить, и не нахожу ответа.

Элиза улыбнулась, и Оберон подумал, что ей очень идет эта улыбка — такая чистая, невинная, с горящим огнем за этой невинностью.

— Я тоже об этом думаю, — призналась Элиза. — Но еще больше — о том, что случилось с моей матерью. Почему она была в том лесу.

Она поежилась и добавила:

— Она выглядела больной. Или заколдованной.

Они вошли в замок, и здесь, под защитой старых стен, Оберону стало спокойнее. Все было правильно, все было как всегда. Студенты шли на завтрак, помощники развешивали объявления на досках, и издали доносилась музыка — Оберон узнал гитару Марка. Вот и правильно, пусть очаровывает первокурсниц и не подбивает клинья к Элизе.

— Давай подойдем к нему вместе, — предложил он. — Сегодня после занятий. Я попробую рассмотреть, что там не так.

Элиза кивнула, благодарно пожала его руку.

— Я только сейчас заметила, что мы перешли на «ты», — улыбнулась она, и Оберон улыбнулся в ответ.

— Давно пора! — заметил он. Нет, это просто дрянная погода так на него влияет, вдобавок к огромному количеству опасных приключений за несколько дней. С Элизой все будет хорошо, и с ним тоже.

Он никогда не причинит ей вреда. Никакого.

Войдя в столовую, Оберон увидел принца Жоана и Примроуз. Девушка выглядела больной — пророчество измотало ее. Так бывает; Оберон подумал было посоветовать Аверне, декану факультета предвидения, дать Примроуз отдохнуть от учебы пару дней, но потом решил не лезть не в свое дело. Аверна была опытной волшебницей, выдавшей самые разные виды, и без него знала, что делать со своими студентками.

Повинуясь странному чувству, Оберон не пошел за преподавательский стол, а сел напротив принца — Жоан сразу же нахмурился и подобрался, словно предвкусил какие-то неприятности.

— Как дела? — спросил Оберон, не утруждая себя приветствиями. Примроуз поднялась было со скамьи, но Оберон хмуро посмотрел на нее и приказал: — Сидите.

Девушка послушно вернулась на прежнее место. Элиза, которая села рядом с Обероном, кажется, дышала через раз от страха.

Только сейчас Оберон понял, что в нем, независимо от его желания, пробудилась та сила, которая гнала его по болотам и пустошам за чудовищами. Та сила, которая подавляла и заставляла дрожать.

Вот и Элиза тряслась. Как они будут жить, если он так ее пугает, даже не желая этого?

— Дела... все хорошо, — кивнул Жоан. Под рубашкой мягко мерцала подвеска, подаренная Акимой. Да уж, ректор своего не упустит. С принцем следовало дружить — и он дружил, редчайшую ценность от сердца оторвал.

Иногда такие бунтари побеждают — а с победителями нужны хорошие отношения. Деньги и должности никогда не бывают лишними. А принц был явно не из тех, кто забывает своих благодетелей.

Оберон чувствовал, что начинает сердиться, и понятия не имел, откуда взялась эта злость.

— Отлично, — кивнул Оберон и повернулся к Примроуз, которая заметно побледнела. — Что именно вы говорили? Вспомните дословно, это очень важно.

Примроуз вздохнула, собираясь с духом. Салфетка в ее пальцах дрожала. Юным пророчествам всегда страшно вспоминать о своих пророчествах. Привычка к ним придет с опытом.

— Великий владыка пришел на север, — сказала она так, словно диктовала кому-то письмо. — Он восстанет в пепле и крови, он оживит подземные реки. Он наденет корону, которую у него отняли. Это все, господин декан. Я запомнила каждое слово.

Примроуз вдруг провела ладонями по лицу и сдавленным голосом произнесла:

— Я никогда этого не забуду. Это было... — девушка всхлипнула, — невыносимо.

Оберон понимающе кивнул. Иногда пророчества причиняли сильную боль, так что провидицам не завидовали. Нет, все-таки надо намекнуть Аверне, что девушке стоит отдохнуть.

— Вы из Повейского края, верно? — спросил Оберон, глядя на изящную вышивку на рукавах платья Примроуз. Далекий лесной запад — там всегда рождались сильные маги и великие пророки. Девушка кивнула, не понимая, куда он клонит. — Вы кричали на нашем сандаронском или на своем гардалинском?

Он почувствовал, как Элиза смотрит на него, и от этого взгляда хотелось закрыться.

— Гардалинский, — прошептала Примроуз. Оберон рассмеялся, даже хлопнул ладонью по столу.

— В гардалинском языке нет разделения на мужской и женский род, — произнес он. — Владыка может быть владычицей.

Принц, Примроуз и Элиза, кажется, перестали дышать.

— И что же это значит? — едва слышно поинтересовался Жоан. Оберон усмехнулся.

— То, что пророчество может не иметь к вам отношения, ваше высочество, — сказал он. — И мы должны понять, к кому оно все-таки относится.

— ...поэтому вы никогда не должны забывать: охотник на чудовищ сам способен превратиться в монстра. И это может произойти в самый неожиданный момент. Контролируйте вашу внутреннюю тьму, иначе однажды охота может начаться уже на вас. Кто приведет пример из истории?

Элиза сидела с лупой на подоконнике и сортировала маленькие каменные пирамидки, небрежно сваленные в коробку из плотной коричневой бумаги. Почти все были бесполезны, лишь одна пирамидка вспыхнула зеленым — сердоликовая, с потертыми гранями. Почему-то здесь было очень хорошо слышно, что происходит в соседнем кабинете, и Элиза слушала лекцию, которую Оберон читал третьему курсу.

Ей хотелось пересесть — но она оставалась на месте. «Я так лучше узнаю Оберона», — подумала она, и внутренний голос тотчас же ожил и заметил:

«Садист. Убийца. Охотник на таких, как ты. Что еще ты хочешь узнать?»

— Неправда, — сказала Элиза вслух. — Он не виноват в том, что случилось с его женой.

И что ему надо было делать? Выпустить Паучью ведьму, чтобы она уничтожила половину города? Когда-то давно Элиза читала сказку о Паучьей ведьме — впечатлений хватило надолго. Художник, к тому же, не поленился проиллюстрировать сказку во всех ужасных деталях, так что Элиза прекрасно представляла, что могло бы случиться, пощади Оберон свою жену.

Она не хотела об этом думать. После всего, что Оберон для нее сделал, после утреннего поцелуя, такие мысли казались Элизе злыми и неправильными. Но она все равно возвращалась к рассказу Оберона о смерти его жены, и что-то в душе начинало леденеть.

Еще одна пирамидка вспыхнула зеленым. Бледно-розовый кварц с белыми прожилками. Элиза покрутила ее в пальцах, одна из граней пирамидки поймала свет, и в розовой глубине завертелась маленькая красная ящерица. Элиза ойкнула, опустила руку, и ящерица растаяла.

Интересно, были ли такие ящерицы в других пирамидках? Возможно, были, а потом умерли, и теперь лупа вспыхивала желтым. Может быть, если всмотреться, то можно будет увидеть скелеты...

— Да, Марк?

— Андре Бретон, я думаю, — Марк говорил серьезно и спокойно, как и полагается старосте курса. — Третий декан нашего факультета. Триста пятьдесят лет назад.

Какое-то время было очень тихо, потом Марк продолжал:

— Он был действующим охотником на порождения тьмы, как и вы... Однажды сжег целый поселок, потому что решил, что жители заражены болотной лихорадкой от нави.

Элиза поежилась. Ноздри дрогнули — она уловила нитку дыма от сгоревших домов. К горечи примешивался отвратительный запах обугленного мяса, Элизу стало мутить.

«Ты впечатлительна», — бывало, качал головой отец, забирая у нее очередную книгу со страшными сказками.

— Что было бы, если бы он не сжег? — спросил Оберон. Элиза почти видела, как он стоит за кафедрой и поворачивается в сторону другого студента: — Да, Мишель?

Студент смущенно кашлянул и сказал:

— Если жители были заражены, то они стали бы навями. Это уничтожило бы весь регион, и Бретон не смог бы остановить столько навей.

— То есть, Бретон был прав? — поинтересовался Оберон, и студенты разногласно ответили:

— Да.

Озноб становился нестерпимым. Элиза спрыгнула с подоконника, подхватила предусмотрительно захваченный из спальни палантин с райскими птицами, подаренный отцом, и укуталась в него — стало немного легче.

— Марк, что было дальше? — спросил Оберон.

— Дальше он по протоколу вызвал мастеров из министерства магии, — продолжал Марк. — И они выяснили, что не все жители были заражены, а только треть. То есть, получилось, что Бретон совершил массовое убийство. Ему следовало бы отделить тех жителей, у которых были явные признаки заражения, и уничтожить их. А остальных изолировать и оставить до приезда мастеров.

— Верно, — ответил Оберон. — На суде Бретон говорил, что был единственным охотником на весь регион. Болотная лихорадка от нави развивается молниеносно — он прекрасно знал, что просто может не успеть ничего сделать, если все жители поселка обратятся в одну минуту. И сыграл на опережение. То есть, по экстренному протоколу действий он все-таки был прав, но эта правота сомнительна с моральной точки зрения. Люди готовы были действовать с ним вместе, помогать ему, они сами бы ушли в изоляцию до приезда мастеров. Но он не стал их слушать... почему?

Сперва студенты молчали, а потом кто-то произнес таким тоном, словно боялся говорить:

— Потому что ему нравилось убивать.

— Верно, — вот Оберон, великий охотник и истребитель порождений тьмы, смотрит на своих студентов, и ему прекрасно знакомо это чувство.

Нельзя быть охотником, если ты не любишь убивать.

— Мы делаем нашу работу не потому, что она нам нравится, — помолчав, продолжал Оберон. — Потому что мы — единственный щит против сил тьмы. Не будет нас — и они заполнят землю. Только это должно нами двигать, только это определяет наши действия. Не жажда убивать, не стремление уничтожить тех, кто когда-то были людьми, нет. Мы спасаем мир, как бы гордо это ни звучало. Вот наш мотив, и другого не будет. Потому что иначе мы сами превратимся в чудовищ.

Элиза спрыгнула с подоконника и пошла по лаборатории — голос Оберона погас. Хватит с нее, она больше не могла об этом слушать. Надо было отойти раньше.

«Ты сказала ему «да», — снова ожил внутренний голос. — Ты живешь с ним, ты будешь его женой. Собираешься плавать в грязи и не запачкаться?»

— Он не такой, — сказала Элиза вслух. — Он не такой, как этот Бретон, он никогда не поступил бы так.

Зеркало Венфельда ожило сразу же, как только Элиза приблизилась к нему. Отражение ее бледного, напряженного лица расплылось волнами, и Элиза увидела лошадиные ноги.

Гнедая лошадь шла по проселочной дороге, и Элиза узнала всадника — это был ее отец. Совсем молодой, в офицерской форме с одним единственным шнуром, он вдруг нахмурился, остановил лошадь и, спрыгнув на землю, пошел по лугу и склонился над кем-то, лежавшим в траве.

— Эй! — услышала Элиза и поняла, что плачет. Она видела отца, слышала его — пусть хоть так, в зеркале, но он был жив, он был здесь. Это было невыносимой болью и таким же невыносимым счастьем. Отец присел на корточки, дотронулся до чего-то белого, и Элиза увидела свою мать.

Она вышла из того леса и смогла пройти достаточно далеко, прежде, чем силы окончательно оставили ее.

— Эй! Вы меня слышите? — отец выглядел по-настоящему встревоженным. Вряд ли мать Элизы в тот момент была похожа на благородную барышню, но он обращался к ней на вы.

Девушка шевельнулась в траве. Эжен Леклер опустился рядом, положил ее голову себе на колени и, достав флагу, поднес к губам. Девушка сделала глоток и тотчас же вскрикнула, закашлялась и села.

— Вот! — воскликнул отец. — Гвенийский ром всегда действует! — он несколько мгновений рассматривал незнакомку, а потом взволнованно спросил: — Как вы себя чувствуете? Что случилось?

Кажется, Элиза перестала дышать, боясь спугнуть видение.

— Я... — голос матери был мягким, с едва уловимой хрипотцой. Сердце Элизы заколотилось так, что на мгновение она перестала дышать. Этот голос иногда звучал в ее снах, и она просыпалась на

подушке, мокрой от слез. — Я не знаю... я пришла в себя в том лесу, — и она показала куда-то вправо. — Как я зашла туда... не знаю.

— Вы были зачарованы, — уверенно сказал Эжен Леклер и поднял манжету на правом запястье. Там было вытатуировано синее солнце, которое начинало багроветь в присутствии магии — сейчас оно было розоватым, верный признак остаточных чар. Элиза прекрасно помнила эту татуировку, в последние годы она уже не работала. Отец все собирался обновить ее, да так и не собрался. — Видите? На вас до сих пор есть следы магии.

— Господи... — прошептала мама, и отец рассмеялся.

— Ну вот, имя Божие произносите, значит, все хорошо! — воскликнул он и помог ей подняться. — Давайте я отвезу вас в Эшар, это поселок тут неподалеку. Там наш гарнизон, и есть хороший врач, он вам поможет...

Картинка дрогнула и растаяла, растеклась туманными каплями по стеклу. В отражении перед Элизой выплыло ее собственное лицо — бледное, растерянное, заплаканное.

Элиза заглянула в аудиторию, когда студенты вышли, и по ее виду Оберон понял, что она плакала там, в малой лаборатории. Он слышал какой-то невнятный возглас из-за стены и еще успел подумать: лишь бы все было в порядке.

Он вслушался в пульсацию заклинания, которое соединяло их, и понял, что Элиза в безопасности. Можно спокойно провести занятие до конца.

— Что-то случилось? — спросил Оберон. Элиза подошла к нему — такая маленькая, хрупкая, кажется, дотронься, и она рассыплется веером стеклянных брызг. Ее хочется закрывать от бед, защищать — Оберон вспомнил, как это желание, еще не осознанное, но уже твердое, пробудилось в нем в первые минуты их знакомства.

Почему ее жених, дрянь такая, этого не делал? Что ему было нужно?

«И хорошо, что не делал, — подумал Оберон. — Уже умерли бы оба. И я... — он неожиданно для себя добавил: — И я был бы несчастен».

— То зеркало в лаборатории... — Элиза провела ладонью по щеке и, собравшись с духом, торопливо продолжала: — Оно снова ожило. Я видела своих родителей, их первую встречу. Мать была зачарована. Отец увидел на ней следы магии. Оберон, может, ты посмотришь?

— Конечно! — ободряюще улыбнулся Оберон, и взгляд Элизы стал спокойнее и мягче.

Зеркало Венфельда заупрямилось. Они простояли перед ним четверть часа, любясь собственными отражениями, но ни поля, о котором говорила Элиза, ни ее родителей в нем так и не появилось. Наконец, Оберон скорчил рожу своему зеркальному двойнику и заявил:

— Капризничает! С волшебными зеркалами такое случается. Иногда они забавляются, показывая красавицу уродиной.

Элиза кивнула. Машинально взялась за подвеску с розовой жемчужиной, принялась крутить ее в пальцах. Над жемчугом поплыли белые искорки — остаточная магия заклинания любви. Не приворот, просто искреннее желание, чтобы владелица была счастлива.

— Знаешь, мне кажется, что если я пойму, что было в прошлом родителей, — сказала она, — то станет ясно, почему отца убили. И почему пытались убить нас.

— Возможно, — согласился Оберон. — Но сегодня тебе лучше не подходить к этому зеркалу. Оно, видишь ли, в определенном смысле живое. И будет упрямяться, если заставлять его работать слишком часто.

Элиза понимающе кивнула.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Тогда я накину на него покрывало и просто продолжу работу, — Элиза сделала паузу и спросила: — Послушай, ты правда думаешь, что пророчество было не о принце Жоане?

Оберон только руками развел.

— Подземные реки, — произнес он, — это заклинание, с помощью которого Венфельд создавал свои зеркала. И зеркало, которое мы считали мертвым, вдруг ожило, когда к нему приблизилась ты. Возможно, конечно, что это просто совпадение... но я не верю в совпадения.

Элиза одарила его хмурым и недоверчивым взглядом. В нем ясно читалось: Оберон, ты сошел с ума. На мгновение Оберону действительно сделалось стыдно.

Здесь полно народу. Зеркало мог оживить кто-то другой — студент в аудитории, преподаватель в коридоре, да кто угодно! В конце концов, Примроуз могла говорить и о других подземных реках. У них тут алмазы выступили из земли, почему бы и рекам не появиться? С минеральной водой, например.

— Я не могу быть великой владычицей, — уверенно заявила Элиза. — Я же всего лишь Элиза Леклер. Не принцесса, не королева. Я...

Она едва не сказала «Я никто». Оберон поднял покрывало, набросил его на зеркало, и в лаборатории стало темнее.

— Я думаю, что нам не надо сильно задумываться о пророчестве, — решительно сказал Оберон. — Оно может быть вообще о другой стране. Север большой, не так ли? Или о другом времени. Бывало так, что пророчества сбывались через сотни лет.

Элиза кивнула. Оберон хотел было добавить еще что-нибудь, чтобы ее успокоить, но в это время в кармане ожил артефакт: госпожа Анжени прислала письмо. Оберон вынул его, вчитался в аккуратные строчки и быстрым жестом запустил руку в волосы, пытаясь взять себя в руки.

— Что случилось? — растерянно прошептала Элиза. — Что-то в доме?

— Да, — кивнул Оберон. — Люди из министерства магии взяли человека, который проявил огромный интерес к куче строительного мусора. И это был не просто вор... там, собственно, нечего воровать. Наши мастера-ремонтники постарались все привести в негодность.

Глаза Элизы удивленно распахнулись, кажется, она дышать перестала от страха.

— А кто? — спросила она.

— Филипп Моран, — Оберон назвал то имя, которое было весьма известно в определенных столичных кругах и вызывало трепет и уважение, густо замешанные на страхе, и только потом понял, что Элиза никогда о нем не слышала. Неудивительно, благородная барышня не знает, как зовут всякий сброд. — Он же Фил Два Стакана.

Во взгляде Элизы появилось удивление и брезгливость. Дочь генерала ничего не знала о низменной стороне жизни и ее обитателях, об этом заботился отец, который любил ее.

— И кто он? — поинтересовалась Элиза.

— Фил Два Стакана — человек короны, и все об этом знают, — ответил Оберон. — Выполняет разнообразные щекотливые поручения, не болтлив и достаточно неплохо знаком с магией, хотя не учился.

Элиза нахмурилась — она ничего не понимала. И Оберон тоже не знал, почему именно Два Стакана заинтересовался мусором от ремонта в генеральском доме.

Зачем это его заказчикам?

— То есть, ты хочешь сказать, что он работает на королевскую семью, так? — уточнила Элиза. — На принца... то есть, уже короля Эдварда?

Оберон кивнул.

— Да. Но я ума не приложу, зачем королю Эдварду интересоваться мусором, — сказал он. — И уж если идти дальше, то я не понимаю, зачем королевской семье убивать твоего отца.

Элиза закрыла рот ладонями и какое-то время стояла неподвижно, словно молилась или сдерживала проклятия.

— Я ничего не понимаю, — наконец, призналась она и вдруг спросила: — Почему именно Два Стакана?

— Он однажды убил подельника, — ответил Оберон. — Перерезал ему глотку, сцедил кровь и выпил. Как раз получилось два стакана. Сама понимаешь, как это всех впечатлило. Раньше его ненавидели, потом стали бояться. Одно дело просто убийца, и другое — убийца, у которого знатно протекает чердак.

Элиза отвернулась, снова зажала рот ладонью. Оберон дотронулся до ее плеча — Элиза обернулась и уткнулась лицом ему в грудь. Оберон обнял ее и подумал: как хорошо, если есть человек, который

может тебя закрыть от беды. Как хорошо быть таким человеком.

— Господи... — шепот Элизы был похож на шелест осенних листьев на ветру. — Ну что им всем от меня надо? Что я им сделала?

— Не знаю, — ответил Оберон. Поцеловал ее в макушку. — Твой отец мог как-то навредить королевской династии... ну я понятия не имею, как. Мало ли, поддерживал каких-нибудь бунтовщиков.

— И я не знаю, — промолвила Элиза. — Его допросили, этого... человека?

— Дошли до допроса третьей степени, — сказал Оберон. Элиза понимающе кивнула и поежилась, должно быть, представила, что именно вынес Два Стакана. Газеты любили писать о таких вещах, а читатели любили жареные факты погаже. От газет генерал Леклер свою дочь уже не мог укрыть. — Смогли узнать только то, что он решил отремонтировать свою халупу и надеялся найти что-нибудь подходящее на свалке, — он усмехнулся и добавил: — У Филя Два Стакана достаточно денег, чтобы просто пойти и купить все нужное, так что в министерстве ему не поверили. Но он не выдаст нанимателя, ему слишком хорошо платят.

— Его отпустят, — Элиза отстранилась от Оберона, машинально взяла какую-то связку растрепанных перьев и навела на нее лупу, просто ради того, чтобы чем-то отвлечься. Желтый свет. Беспольный хлам.

— Отпустят, разумеется, не держать же его там вечно. Тем более, ничего незаконного он не сделал, — кивнул Оберон. — И он выйдет на связь с хозяином, без этого никак. Что же скрывал твой отец, Элиза? Что нужно тем, кто отправил Два Стакана на поиски?

Элиза не ответила. Какое-то время они молчали, а потом Оберон произнес:

— Сегодня вечером мы с тобой пойдем в горы. Я тут подготовился к одной вещи.

Вечерняя прогулка в горах — не самое приятное занятие на свете, если у тебя нет для этого ни нормальной обуви, ни особенного желания, но сегодня, после дождя, здесь было на удивление хорошо, и даже камни, которые так и старались подвернуться под ногу, не мешали. Воздух стал таким сладким, что его хотелось вдыхать полной грудью, и, стоя на тропинке рядом с Обероном, Элиза смотрела на замок, который сейчас казался игрушечным, и думала, что мир, лежащий перед ней, похож на открытку. У отца были такие — он собирал открытки с видами тех мест, в которых ему довелось служить или воевать.

— Нравится? — с улыбкой осведомился Оберон, и Элиза кивнула.

— Да. Очень красиво.

Гулял ли он здесь со своей первой женой? Наверняка гулял, почему бы и нет? Элиза подумала, что это не должно ее задевать. Да, у Оберона была жизнь, он любил и был любим, и в том, что все тогда кончилось настолько темно и страшно, точно нет его вины.

И это не означает, что их жизнь и отношения тоже должны завершиться чем-то страшным. Белый призрак Женевьев Ренар, Паучьей ведьмы, давно растаял и больше не вернется.

Пайпер с веселым лаем бегал по камням. Вот он нырнул в какую-то расщелину и появился с важным видом, держа в зубах полевку. Мышь пищала и вырывалась, но Пайпер держал ее крепко и, поднеся к ногам хозяйки, положил свое подношение и прижал его лапой. Элиза ахнула и удивленно воскликнула:

— Пайпер, какой ты умница! — квиссоле гавкнул, и его довольная улыбка растянулась чуть ли не до ушей. — Настоящий охотник! Но давай отпустим мышку, пусть бежит домой. Ее детки ждут.

Пайпер фыркнул. «Тоже мне, мышинные детки! — так и говорил весь его горделивый вид. — Я их тоже поймаю. И съем, да-да!»

— Пайпер, они же плачут. Знаешь, как плохо без мамы? — уже серьезнее сказала Элиза и, присев, погладила щенка по голове. — Отпусти мышку, великий охотник. Пусть бежит к мышатам..

Оберон тоже улыбнулся, словно ожидал именно этого. Пайпер снисходительно убрал лапу, полевка стрелой полетела по тропинке, и Элиза вдруг услышала:

— Вот спасибо тебе, добрая девочка, да наградит тебя Крысиный король!

Элиза обернулась и увидела, что из-за камней выглянула крыса. Огромная, ростом с домашнюю

откормленную кошку, покрытая седой шерстью с проплешинами, открывшая в ухмылке рот с иззубренными редкими зубами, она испугала Элизу чуть ли не до икоты. Вцепившись в руку Оберона, Элиза скользнула было по тропе, но Оберон придержал ее и весело сказал:

— Привет, Гнюк, старина! Что нового?

Крыса выбралась из своего укрытия и села на камень с такой чинностью, словно была владыческих кровей, не меньше. Выглянув из-за Оберона, Элиза увидела в правом ухе крысы золотое колечко серьги. Левое было наполовину отгрызено. Крыса выглядела, как настоящий боец, который вышел победителем из сотни битв, не меньше.

— Мы следим, — важно ответил Гнюк. — Мы смотрим. Ты был прав! К вам идет гость с той стороны горы, хорошо вооружен, но без артефактов.

От удивления Элиза даже рот открыла. Мало того, что крыса говорит, она еще и знает о том, что такое артефакты!

Потом ей стало холодно, а в голове зазвенела боль, наполняя виски. Гость идет к ним, его наверняка послали те, кто нанял Фила Два Стакана! Однако Оберон держался спокойно, и Элиза тоже успокоилась. Оберон подготовился к встрече, значит, ей нечего бояться.

— Сюрприз готов? — спросил Оберон. Гнюк важно кивнул и принялся рыть шерсть на брюхе, словно пытался поймать блоху.

— Отменный! — заявил он. — Сам король приложил лапу. Идите прямо и вверх.

В следующий миг крыса исчезла: вроде бы только что сидела на камне — и уже растворилась в воздухе. Но ощущение чужого оценивающего взгляда осталось: Элиза чувствовала затылком, что за ней наблюдают внимательные глаза — и теперь, после того, как она попросила Пайпера освободить мышку, они смотрят на нее по-доброму.

Здесь было много крыс. Очень много.

— Пойдем, — негромко позвал Оберон, и Элиза послушно подалась за ним вверх по тропе. В тихом прохладном вечере отчетливо звенела угроза. Огоньки в окнах замка так и манили: вернись сюда, в тепло, в уют! Здесь безопасно, здесь тебя никто не тронет!

— Сюда идет убийца? — шепотом спросила Элиза. Оберон кивнул.

— Разумеется. Заказчик отправил Два Стакана в твой дом. Он потратил слишком много денег, чтобы просто махнуть на все рукой. Знаешь, сколько стоит такой сгибельник? А тот артефакт, который был на пистолете?

Элиза не знала, но предполагала, что сумма в обоих случаях весьма крупная.

— Они не отказались нас убивать. Они просто затаились на время, — произнес Оберон. — Что ж, у нас тоже есть кое-что в запасе. Если они думают, что мы будем просто сидеть и ждать, когда нас убьют...

Он остановился. Элиза тоже замерла, и в вечерней тишине вдруг послышалось насвистывание. Кто-то шел по тропе, не скрывался, беспечно насвистывал песенку — Элиза даже разобрала, что это были «Деньки веселые», отец, бывало, напевал ее, когда у него было хорошее настроение. Вскоре из-за уступа появился долговязый парень в костюме бродячего мастерового, с рюкзаком за плечами. В рюкзаке что-то позвякивало, шапка была лихо сдвинута на макушку.

Просто человек, который ходил по этим неласковым северным краям, искал работу. В таком огромном замке наверняка найдется какое-нибудь дело для того, кто может сделать все, что потребуется, починить все, что нуждается в починке, и не боится никаких трудностей.

Элиза смотрела на его руки и не могла отвести взгляд. Очень аккуратные, очень ухоженные — руки джентльмена, а не мастерового. Ни единой царапины, ни единой мозоли. Даже ногти модной овальной формы.

Голову словно сжали ледяные пальцы. Незнакомец остановился, увидев Оберона и Элизу, поправил лямку рюкзака и звонко произнес с легким восточным оканьем, которое так не вязалось со свежим маникюром:

— Доброго вечерочка, м'лорд и м'леди! Вы не из замка ли будете?

«Забалтывает, — подумала Элиза. В животе заворочался холодный ком, ладони вспотели. — А вдруг он действительно просто идет мимо? И его никто сюда не отправлял?»

Лицо незнакомца было спокойным и улыбочивым — Элизе не хотелось верить, что на свете бывают мерзавцы с такими лицами. Может, крысы ошиблись?

— Из замка, — кивнул Оберон, и в следующую секунду произошло сразу несколько вещей.

Незнакомец в одежде мастерового странно дернул левой рукой, Элиза услышала тонкий свист над головой, и под незванным гостем дрогнула земля, распахиваясь черной грохочущей пастью. Он с воплем рухнул в провал, и Оберон протянул к Элизе что-то металлическое, похожее на изогнутый коготь. От предмета веяло смертью; Элиза устало прикрыла глаза и спросила:

— Что это?

— Метательный нож, — ответил Оберон, взвесил нож на ладони и добавил: — Редкая штука, из метеоритного железа. А оно, между прочим, способно обходить защитные заклинания. Его еще называют Гнев небес.

Он спрятал нож в карман, склонился над провалом и произнес:

— Два Стакана у нас уже был, а это, получается, Подстаканник. Эй! Как звать-то тебя, такого шустрого?

Из провала послышался сдавленный стон и грязная брань.

— Я из-за тебя ногу сломал..! — услышала Элиза. Оберон ухмыльнулся, и из вечерних теней выползли крысы. Элиза не знала, сколько их тут было, но не меньше сотни.

Ей сделалось холодно, словно чьи-то мертвые руки дотронулись до ее шеи и заледенили все тело. Элиза никогда не видела столько крыс сразу и не хотела даже думать о том, что будет, если им вдруг вздумается напасть на них с Обероном.

Пайпер взвизгнул и прижался к ногам хозяйки. Для сражения с таким воинством он был еще слишком мал и теперь трясся от страха. Некоторые крысы посматривали на него так, словно прикидывали, каков квиссоле на вкус. Гнюк проворно подбежал к провалу, деловито заглянул в него и фыркнул:

— Да! Он самый!

— Слышь, Подстаканник, — Оберон присел на корточки, снова заглянул в провал и с каким-то отстраненным равнодушием заметил: — Скажешь, кто тебя послал и так хорошо вооружил — и я тебя вытащу. Ногу не залечу, сам поковыляешь — но вытащу. С крысами ночевать не оставлю, не бойся.

Ответом ему была вторая порция брани. Оберон покачал головой.

— У простого мастерового, которым ты представляешься, неоткуда взяться метательному ножу из метеоритного железа! — сказал он. — Их всего три на материке! И я знаю, где находится каждый. Все маги это знают, таков протокол. Кто тебя послал, король Эдвард?

Из провала донесся хохот.

— Ты, что ли, совсем головой слаб? — язвительно поинтересовался незнакомец. — Король, он вон где! До Бога высоко, до короля далеко! И ножик не мой!

Оберон ухмыльнулся. Элиза вдруг почувствовала такой озноб, словно в душе поселился январский ветер. Сейчас она видела перед собой не того человека, к которому успела привыкнуть и привязаться, не своего друга и спасителя. Над провалом склонился охотник, и он готов был идти до конца.

— Откуда же он взялся? — спросил Оберон.

— А мне-то откуда знать? — ответил незнакомец вопросом на вопрос и вдруг вскрикнул: — Что тут еще за твари шарятся?

Гнюк визгливо захрипел, задергался, и Элиза с ужасом поняла, что он смеется. Остальные крысы тоже захихикали, и страх, окутавший Элизу, сделался еще гуще.

— Это не твари, — произнес Оберон. — Это зимаранские горные крысы.

Из провала донесся сдавленный стон, а затем незнакомец презрительно бросил:

— Да хрен ли мне, что я, крыс не видел? Кто еще у тебя в приятелях, кроме крыс? Что за дела вообще? Иду, никого не трогаю и тут вот вам, пожалуйста! Миледи! Вы-то что смотрите?

Оберон устало покачал головой. Вздохнул, словно перед ним был студент-прогульщик.

— Слушай, Подстаканник, смеркается уже, — заметил он. — Давай, не томи, рассказывай. Кто тебя сюда отправил, кто так богато снабдил. Я не спрашиваю детали, тебе их и не сообщили. Просто имя заказчика.

— Какие нахрен заказчики! — заорали из провала так, что эхо загуляло по горам. — Слышь, дядя, ты там обурел в корягу? Зельями объелся? Про короля говоришь? Так я дойду до короля, все расскажу, как тут бандиты с порядочными людьми поступают! Иду, никого не трогаю, ничего не умышляю, а меня в яму с крысами! Что, думаешь, над тобой только Боженька? Сжечь бы ваше мажье гнездо!

Оберон понимающе кивнул.

— Ладно! — сказал он. — Посиди там, я утром еще загляну. Крысы тебя покараулят, ну и не обессудь, им поесть надо будет. Нога, я так понимаю, тебе уже ни к чему.

Он выпрямился, взял Элизу за руку и неспешно двинулся по тропе прочь. Из провала снова раздался вопль. Элиза замерла, с ужасом глядя, как в провал скользнула первая серая тень.

— Ты что, так и оставишь его там? — спросила она, чувствуя, как немеют губы. Оберон снова кивнул.

— Ну да. Утром вернусь, приберу то, что от него останется.

Он говорил об этом с таким отменным равнодушием, словно речь шла о желтой папке с отчетами по факультету. Просто привычное дело, не более.

«Убийца, — прошелестел внутренний голос. — Равнодушный убийца и садист, и не надейся, что он станет другим. Не станет. Такова его природа, ловить и терзать».

Элиза тотчас же напомнила себе, что этот человек пришел сюда убить их с Обероном, он бросил в них метательный нож, и кто знает, что еще у него было в рюкзаке. Но то, что он проведет ночь в яме со сломанной ногой, которую будут грызть крысы, вселяло в нее липкий ужас.

Ни один человек такого не заслуживал.

Элиза понимала: после этого их отношения с Обероном погибнут. Их уже будет не оживить. Что бы он ни сделал, как бы потом ни спасал ее и ни любил, между ними всегда будет лежать этот вечер, незнакомец в провале и пирующие крысы.

Этого не перенести и не обойти. Не забыть, не вычеркнуть из памяти.

— Я тебя тогда потеряю, — прошептала Элиза. — И уже не верну. Что ты сегодня говорил своим ребятам?

Оберон удивленно посмотрел на нее. Из провала донесся рев боли — крысы принялись за работу. Элиза подумала, что они пока играют, наслаждаются мучениями жертвы. Спешить им некуда, ночь длинная.

— Что вами движет не жажда убивать, — напомнила Элиза. — Что вы спасаете людей...

Она чувствовала, что готова разрыдаться. Ее трясло от озноба, словно Элиза подцепила лихорадку.

— Оберон... — выдохнула она. — Оберон, пожалуйста... я очень тебя прошу.

Оберон прижал ладонь ко лбу. Отец Элизы тоже так делал, когда хотел что-то сказать о бабьих нервах, которые мешают мужчинам делать серьезные дела.

— Он пришел нас убивать, — негромко напомнил Оберон. — Зарезал бы, как котят, и бросил на камнях. Или пробрался бы в замок и убил во сне. Или поставил бы ловушку.

— Но не убил же! — Элиза отступила от Оберона, споткнулась о камень, но не упала. Сейчас ей овладело странное чувство, яростное и светлое, словно она на самом деле боролась не за незнакомца в провале, которого грызли крысы, а за Оберона. — Пожалуйста, достань его оттуда, — неожиданное понимание того, как надо поступить, вдруг озарило ее душу, и Элиза воскликнула: — Мы отнесем его в замок! Пусть Анри испытает на нем какую-нибудь Руку мертвеца! Он сам все расскажет, Оберон!

Оберон устало вздохнул. Кивнул и пошел к провалу.

Элиза поняла, что победила.

Глава 7. Рука мертвеца

Подстаканника успели вытащить из ямы до того, как крысы взялись за него всерьез — так, куснули пару раз. Несерьезно; быстро оценив рану на ноге, Оберон понял, что крысы пока только развлекались. Глядя, как его тащат по тропинке к замку, Гнюк заметил с редким для крысы умом:

— У тебя благоразумная жена, декан. Смотри, изменит тебя в худшую сторону. Будешь жалеть тех, кого тебе положено убивать. Как там говорится в ваших книгах, возлюби врагов своих?

Элиза, которая терпеливо ждала чуть поодаль, сделала вид, что ничего не услышала. Хотя ее лицо удивленно дрогнуло, когда Гнюк упомянул книги.

Подстаканник стонал и вопил; работники замка, чьих коллегой он так и не стал, предметно рассуждали о том, как бы так его треснуть, чтоб заткнуть, но не убить. Очень уж шумный, зараза такая, а дело к ночи. Мало ли, какая дрянь выберется из гор на этот шум.

Оберон усмехнулся. Иногда ему казалось, что Гнюк тоже оборотень: застрял в крысином теле и решил не возвращаться в человеческий облик. Очень уж толково рассуждал.

— Почему же в худшую? — поинтересовался он. Гнюк совершенно по-человечески пожал плечами, сел и снова принялся рыть пузо. На шерсти Оберон увидел мазки крови: Гнюк взялся за Подстаканника одним из первых.

— Потому что ты охотник на чудовищ, — сказал Гнюк. — А охотник не должен жалеть свою жертву. Что там, кстати, о награде за наши труды?

Оберон кивнул — Гнюк своего не упустит, не та порода. И чужое прихватит, если выпадет случай.

— Вам уже несут коровью тушу, — ответил он. Острая морда Гнюка приняла такое выражение, которое можно было бы счесть довольной улыбкой.

— Да наградит тебя Крысиный король! — произнес он, и в следующий миг его уже не было на камнях. Оберон вздохнул и пошел в сторону замка.

Гнюк был прав: если бы не Элиза, которая так отчаянно умоляла его пощадить Подстаканника, Оберон и не подумал бы вытаскивать его из провала. Посидел бы в компании Гнюка и его приятелей, утром все сам рассказал бы, и о чем надо, и о чем не надо. Еще жалел бы, что мало знает. Но вот ведь, попалась добрая девочка, которая решила пощадить того, кто пришел ее убивать.

Нет, Подстаканника сюда отправил именно король. Больше никто не смог бы снабдить его метательным ножом из метеоритного железа. Да уж, напрасно они с Элизой думали, что их оставили в покое. Злоумышленник просто притих на время — то ли решал какие-то свои дела, то ли прикидывал, как расправиться с Обероном и Элизой.

«Если это Эдвард, то я знаю, чем он был занят, — подумал Оберон, входя во двор замка. Элиза тихонько шла за ним, не говоря ни слова, и он невольно заметил, что это отличное качество: иногда уметь промолчать. У Женевьев такого не было. — Он надевал корону нашего дорогого отечества. Дьявольщина, я уже серьезно думаю над тем, что он причастен к покушению и смерти генерала! Впрочем, почему бы и нет?»

Что же сделал Эжен Леклер, что Эдвард решил убить его и опозорить? О чем знает или не знает Элиза, что ее так настырно хотят уничтожить?

Фила Два Стакана, конечно, отпустят. Он не был ни в одной оперативной разработке и, по сути, не сделал ничего плохого. Ковыряться в мусоре законом не запрещено, делать ремонт в своей халупе из найденного мусора — тоже. Два Стакана отправится к нанимателю получать премию за молчание на допросе, а наниматель станет думать, что делать дальше.

Но Элиза! Добрая милая девушка, которая так сражалась не за того, кто покушался на их жизни — за самого Оберона! Гнюк, пожалуй, прав: если так пойдет и дальше, то Оберон скоро начнет думать о правах оборотней и водяных.

Он не знал, хорошо ли это или плохо. Но ему было приятно, что Элиза думала о нем, о том, как они будут жить дальше. «Правильно я сделал, что не стал ее ломать, как положено светскому цинику», — подумал Оберон, вошел в двери замка и первым делом увидел Мориса Лавалья.

Бывший чиновник министерства магии собирался спать, если судить по его одежде, но потом случилось что-то, что вырвало его из кровати.

— Вот вы где! — воскликнул Лаваль, увидев Оберона и Элизу, и кинулся к ним так, словно они

успели задолжать ему денег или могли спасти от неминуемой смерти. — Сейчас в замок принесли Обера Оссе, он вопил и все тут закопал кровью. Где вы его выкопали, этого пройдоху?

Оберон прикрыл глаза, с трудом скрывая довольную ухмылку. У Подстаканника нашлось имя, и то, что Лаваль это имя знал, говорило о многом. Он вспомнил, что ему было известно о самом Лавале: не великого ума человек, но отсутствие ума искупает педантичность, благоразумность и аккуратность. Очень много, по нынешним суровым временам.

«А Элиза умница, — подумал Оберон. — Мне очень повезло».

— А вы его знаете? — ответил он вопросом на вопрос.

— Конечно! — воскликнул Лаваль и растерянно провел ладонью по лбу. — Он сватался к моей дочери, видите ли, но мы ему отказали.

Вот, значит, как. Картина становилась все занимательнее.

— А почему отказали? — поинтересовался Оберон, и Лаваль тотчас же набычился.

— Какое это имеет значение? — спросил он и, наткнувшись на тот взгляд, который Оберон берет для ленивых студентов и крестьян в поселках, не желавших ему помогать, тотчас же ответил:

— Я навел о нем справки. А как было не навести, дочь у меня одна, и отдавать ее неизвестно кому... — Оберон кашлянул в кулак, и Лаваль продолжал: — Выглядит, как джентльмен, тратит, как джентльмен, но его поместье Подгорье почти не приносит дохода, и при этом в банках у него нет кредитов. Откуда деньги тогда? Постоянно крутится... — Лаваль пощелкал пальцами в воздухе, подбирая нужное слово: — Как та рыба в мутной воде, которая ловит добычу.

Ухмылка Оберона сделалась широкой и хищной. Навьи, которые видели ее, предпочитали удирать без оглядки — и, как правило, не успевали этого сделать. Значит, джентльмен, который переоделся в мастерского и отправился к академии выполнять задание.

— Он когда-нибудь работал на... — произнес Оберон и многозначительно указал пальцем на потолок. Лаваль замотал лысой головой, свет ламп сделал ее похожей на большой бильярдный шар с удивленно выпученными светлыми глазами.

- Нет-нет, со спецслужбами он не водился, это точно, — признался Лаваль. — Криминал, скорее всего. Он пару раз ездил в Левенийское княжество, но какого-то официального предприятия у него там не было.

Даже так... Левенийское княжество в прессе открыто именовали бандитским гнездом на великом пути с юга, и если Обер Оссе не возил оттуда наркотики, то вполне мог пробавляться ремеслом наемного убийцы.

Таким лихим господам всегда очень хорошо платят. Оттуда и деньги.

— Все понятно, благодарю вас, — кивнул Оберон, и Лаваль вздохнул с видимым облегчением. — Зайдите через полчаса во второй тренировочный зал, будьте так любезны.

Лаваль улыбнулся, поклонился, и Оберон подумал, что собирался с ним сражаться, когда узнал о его приезде. И вот на тебе, идеологические противники не воюют, а выступают вместе. Вот что делают алмазы и право собственности на них!

Зайдя во второй тренировочный зал, он увидел Оссе, которого за неимением дыбы прикрепили к столу для метания ножей, и громко сказал:

— Слышь, Подстаканник! Или как там тебя, Оссе... Хочешь снова к крысам? Они сказали, что ты вкусный, хоть и жилистый.

Оссе одарил его тяжелым мутным взглядом и ничего не ответил. Угрюмый Анри успел срезать с него штанину и теперь хлопотал над сломанной ногой, обработанной крысами. «Нет, он будет молчать», — подумал Обер и спросил:

— Анри, ты можешь сварить Руку мертвеца?

Оссе и бровью не повел, хотя обычно упоминание этого заклинания вызывало нервную дрожь и желание рассказать все, что только можно. После него человек обычно превращался в овощ — пускал слюни, мычал и ходил под себя.

Сколько же заплатили Оссе, если его и такая участь не пугает?

— Могу, разумеется, — фыркнул Анри. Тоже, по всей видимости, уже собирался ложиться спать, и

допрос негодяя, обгрызенного крысами, его не радовал. — Но Рука мертвеца стоит денег. А белевинская кожежорка везде растет бесплатно. Натрем его соком, кожа станет трескаться, он и заговорит.

Оссе снова не шевельнулся. Просто таращился куда-то вперед, в окно.

— Стойко, — одобрил Оберон и покосился на Элизу, которая присела на скамью и, сцепив руки в замок у груди, с ужасом смотрела на импровизированную дыбу. Нет, если они сейчас притащат сюда кожежорку, то все будет кончено: Обер обо всем расскажет, он не сможет не рассказать, но Элиза уже никогда не увидит в Обероне человека, а не мерзавца.

— Да бог с ними, с деньгами, — произнес он. — У нас денег теперь, что ли, мало? Заваривай Руку.

Анри пожал плечами.

— Уже заварил, — сообщил он и продемонстрировал Оберону большой серебристый стакан с металлической трубочкой. Спустя несколько секунд он проворно зажал рот Оссе и ткнул этой трубочкой в правую ноздрю.

— Дыши, дыши, сволочь такая, — негромко произнес Анри и сообщил, с трудом сдерживая нетерпение: — Слушай, дружище, а я ведь никогда не видел, как действует Рука мертвеца! Только читал о ней.

— Вот и посмотришь, — сказал Оберон. Взгляд Оссе помутился, и Анри убрал свой стакан. Из ноздри медленно заструилась темная кровь.

Оберон оглянулся на Элизу и произнес:

— Лучше тебе выйти. Посиди в коридоре, хорошо?

Элиза подняла на него усталый взгляд и едва слышно ответила:

— Нет, Оберон, я останусь здесь. Не волнуйся за меня.

Оберон решил, что лучше с ней не спорить. Пусть смотрит, раз уж ей так хочется. В конце концов, Элиза имеет право знать, кто именно пришел перерезать ей горло ножом из метеоритного железа.

— Ну что, Подстаканник... — вздохнул Оберон. — Как тебя зовут?

Голос Оссе прошелестел, словно струйка песка:

— Обер Оссе, лорд Вензени.

— Что лорд, неудивительно, — сказал Оберон. — Другие к дочери Лавалья не сватаются. Кто тебя сюда отправил?

— Я не знаю, — откликнулся Оссе, по-прежнему глядя в сторону окна и ничего не видя. Струйка крови размазалась по губам. — Заказ передали и оплатили анонимно. Проникнуть в академию магии, убить декана Ренара и его спутницу. Их окружает защитная магия академии, но нож из метеоритного железа мог ее разрушить. Я решил притвориться мастеровым, для студента у меня возраст уже не тот.

«Что же ты в яме-то об этом не рассказал! — сердито подумал Оберон и тотчас же добавил: — Да я бы ему и не поверил. А под Рукой мертвеца не лгут».

Конечно, его наняли анонимно. Не будет же король Эдвард лично встречаться с наемным убийцей, вручать ему оружие и давать наставления!

— У тебя сохранилось письмо? — спросил Оберон. Оссе отрицательно мотнул головой.

— Нет. Я уничтожаю их сразу же, как прочту. Но бумага была дорогой. И почерк изящный.

Да уж. Те, кто может позволить себе нанять убийцу, не станут писать на грошовом пипифаксе. Ничего они толком не выяснили, только потратили Руку мертвеца...

Оберону сделалось тоскливо.

В тренировочный зал заглянул Лаваль, чуть ли не приплясывая от нетерпения. Оберон жестом указал ему на Оссе, Лаваль подошел и посмотрел в лицо неудавшегося зятя.

— Похудел, — заметил он. Оберон устало вздохнул и спросил:

— Вы ведь были мастером зеркал одно время, не так ли?

Лаваль кивнул. Судя по выражению лица, ему понравилось, что Оберон об этом вспомнил.

— Конечно, мне далеко до Венфельда, — сообщил Лаваль со скромным достоинством, — но кое-что я могу.

— Запечатайте этого несчастного в каком-нибудь зеркале, — приказал Оберон, мотнув головой в сторону Оссе. — Это его спасет от разжижения мозга после Руки мертвеца. И спрячет от недовольного заказчика.

Элиза посмотрела на него и впервые за весь вечер улыбнулась.

Оберон понял, что все сделано правильно.

— Ему не больно?

Почему-то Элизе казалось, что человек, которого помещают в зеркало, непременно должен мучиться. Но Оссе не издал ни звука — просто закрыл глаза, и Лаваль стал водить над ним длинной палочкой из белого дерева, бормоча заклинание. Элиза не разобрала ни слова, но у нее стало ломить виски.

Теперь они с Обероном стояли перед небольшим зеркалом в изящной оправе — несколько минут назад его повесили на стене в малой лаборатории — и Элиза пристально вглядывалась в свое отражение. Иногда гладкая поверхность покрывалась волнами, и среди них проглядывал осенний лес и Обер Оссе, который сидел под деревом. Он был мертвенно бледен, но жив. Нога тоже не доставляла ему неудобств. Выражение его лица было спокойным и умиротворенным.

Не самый худший выход — особенно, если учесть, что Оберон изначально не собирался с ним церемониться. Он вообще не был особенно вежлив с теми, кто приходил его убивать: Элиза прекрасно это знала.

Охотнику иначе не выжить.

— Нет, — ответил Оберон, провел над зеркалом ладонью, и осенний лес рассеялся. Теперь Оссе будет сидеть за стеклянной гладью до скончания времен, конечно, если кому-нибудь не придет в голову блажь разбить зеркало. Тогда Оссе погибнет. — Слушай, я действительно изменюсь под твоим влиянием. Гнук был прав.

Элиза удивленно посмотрела на него, а потом поняла. Он оставил бы Оссе в той яме с крысами, если бы Элиза не настояла — и Оберон признал ее правоту, и отступил от той пропасти, на краю которой балансировал.

Элиза так радовалась за него, что едва не начинала танцевать.

— Хорошо, если так, — сказала она. — Я видела, что ты хотел его убить. И тогда, в яме, и потом.

Оберон кивнул и подался к выходу. Время было поздним, любопытствующие студенты и преподаватели уже успели разойтись по своим комнатам. Все разговоры о том, кого это притащили в замок, и зачем милорд Лаваль работал с зеркалами, продолжатся завтра.

Верный Пайпер важно шел рядом с таким видом, словно это именно он поймал и пленил Оссе. Элиза вспомнила, как он схватил полевку, а потом отпустил, и не сдержала улыбки.

— Охота на порождения тьмы — это всегда простые и действенные решения, — сухо ответил Оберон. Они спустились по лестнице, вышли в просторный коридор преподавательского этажа, и Элиза впервые подумала, что это похоже на возвращение домой. Как быстро это место сумело стать ее домом! Или это потому, что Оберон был рядом? — К тому же, он не стал бы нас жалеть. Он пришел сюда не за этим.

— Я знаю, — сказала она и взяла Оберона за руку. Тот устало улыбнулся, сжал ее пальцы. — И я рада, что все кончилось... ну вот так, как кончилось.

В спальне горел тихий свет лампы; пропустив Элизу вперед, Оберон остался в гостиной, давая ей возможность переодеться, и, развязывая ленты на платье, она слышала, как он устало ходит вдоль стены. Зашуршала книга, которую машинально взяли с полки и затем положили обратно, потом снова послышались шаги, и звякнул хрусталь — Оберон наливал себе вина, хотел успокоиться после вечера приключений.

Затем раздался грохот и негромкий вскрик Оберона — Элиза поняла, что он выронил графин, потому что...

Ее грудь и голову пронзила боль — такая, что выбила пол у нее из-под ног, оборвала дыхание, выкинула в обморок. Падая в серую пелену, Элиза еще успела подумать: неужели Оберон отошел дальше...

И все померкло.

Очнувшись, она поняла, что лежит головой на коленях Оберона — он массировал точку на ее переносице и выглядел таким бледным и потрясенным, словно только что заглянул в Ад. Элиза потянулась к нему и всхлипнула — движение вызвало тошноту и слабость.

— Что... произошло? — только и сумела прошептать она. Оберон провел ладонью по лбу, стирая пот, и ответил:

— Наша цепь лопнула, Элиза. Нас накрыло отдачей.

Он сделал паузу и произнес:

— Мы свободны.

Сначала Элиза не поняла, о чем он говорит, и просто повторила: цепь, цепь лопнула. Потом она опомнилась, рванулась было в сторону — свободна, наконец-то свободна! — и снова обмякла без сил.

Все было как в их первую ночь, когда они могли только лежать на кровати в Элизиной спальне и говорить. Все было, как тогда. Только теперь Элиза освободилась. Связь, что соединяла их с Обероном, разорвалась.

Они оба были свободны друг от друга. От понимания этого Элизу начало знобить. «Свободны, свободны», — повторяла она и не знала, радуется этому или же нет.

— Цепь лопнула... — прошептала она. Господи, почему в душе так пусто, она же должна быть счастлива! Оберон улыбнулся — Элиза давно заметила, что он всегда улыбается, когда ему не по себе, а на сердце темно.

— Да. Вареву Анри подействовало быстрее, чем мы все предполагали. Ты сможешь идти, куда захочешь, — спокойно сказал он, но Элиза чувствовала, как именно ему дается это наносное спокойствие. В нем сейчас все рвалось, все рушилось. Все, что он успел построить в себе, разлеталось во все стороны, словно соринки в урагане, и Оберон не знал, что теперь с этим делать.

Это было невыносимо.

— И ты не будешь меня удерживать? — спросила Элиза, стараясь заглянуть ему в глаза. Оберон усмехнулся. Погладил ее по руке.

— Нет. Да и зачем? Я не люблю птичек в клетках, — признался он.

«Клетка, — подумала Элиза. — Да, нас и правда загнало в клетку — но не изменило».

— И я могу пойти, куда угодно? — спросила она.

Оберон мог сказать сейчас: не так быстро, дорогуша. Забыла, кто спасал твою жалкую жизнь? Забыла, кто выплатил все долги и увез подальше, чтоб тебя не полоскали по всей столице, чтобы кумушки не тыкали в тебя пальцем, а слуги и продавцы не хихикали за твоей спиной? Вот и пришло время расплатиться за мою доброту.

Элиза не знала, что будет делать, если Оберон действительно скажет так. Впрочем... тогда он не был бы тем Обероном, которого она успела узнать.

Да, судьба загнала их в клетку — но не изменила и не испортила.

— Конечно, — ответил Оберон. — Куда ты хочешь пойти?

Элизе вдруг стало легко-легко. На мгновение ей показалось, что сейчас она взлетит. Она села, потом встала — Оберон поднялся тоже, и его улыбка стала шире.

— В столовую, — призналась Элиза. — Я страшно проголодалась после всего этого. Может, там есть что-то вроде пирожков и чая, да и от десерта я бы не отказалась... — она помолчала, потом взяла Оберона за руку и добавила: — И я буду очень рада, если ты пойдешь со мной... конечно, если ты не собираешься заниматься делами факультета.

Стопка желтых папок с отчетами лежала на прикроватном столике. Оберон покосился на нее и вдруг рассмеялся — ему тоже стало легко.

— С удовольствием составлю тебе компанию, — сказал он и потом произнес уже серьезнее: — Элиза, ты действительно свободна. Я не хочу тебя к чему-то принуждать, особенно к соседству со мной. Ты теперь и правда можешь выбирать так, как хочешь, а не так, как вынуждена. Хочешь жить в другой комнате — тебе стоит только приказать. Все сразу же будет сделано.

Элиза подумала, что надо сказать, как сильно она благодарна ему за это — и в ту же минуту поняла, что никогда об этом не скажет. Просто покажет делами. Их дальнейшей общей жизнью.

— Ты не забыл, что сделал мне предложение, и я его приняла? — рассмеялась она. — Оберон, ну что ты! Я согласилась не потому, что была к тебе прикована, не потому, что я тебе благодарна...

Элиза смущенно умолкла, понимая, что готова наконец-то выплеснуть то, что зрело в ее душе все эти дни. Оберон мягко погладил ее по щеке и негромко, словно боясь спугнуть что-то очень важное, произнес:

— Я все это делал потому, что я тебя полюбил. И хочу, чтобы ты была счастлива. Со мной, без меня — главное, счастлива.

— Без тебя этого точно не получится, — призналась Элиза. Оберон опустил руки ей на плечи и, откликаясь на его поцелуй, Элиза поняла, что поход в столовую придется отложить.

Глава 8. Лунный зов

Звук, который разбудил Элизу, был похож на тихий отклик струны, которую дернули пальцем. Как вздох — прокатился, погас.

Элиза села в постели и какое-то время не могла понять, проснулась ли она, или ей все еще снится сон. Все казалось ненастоящим, прозрачным. Оберон спал рядом, под кроватью тихонько посапывал Пайпер, комнату заливал свет полной луны.

Тишина была такой плотной, что ее, казалось, можно было нарезать ножом на кусочки. Все, кажется, было, как всегда, но Элиза откуда-то знала, что нечто очень важное пробудилось и пришло в движение.

Звук повторился — теперь это был аккорд. Музыка летела снаружи, из-за стен академии. Тихая, плавная, она была похожа не просто на музыку, но на речь. Кто-то говорил с Элизой на языке ее души, и она все понимала без слов.

«Приди, — услышала она призыв к тому, что таилось в самой глубине ее сердца. — Приди, мое осеннее дитя, я жду. Пришел твой час, наконец-то».

Элиза бесшумно выскользнула из-под одеяла и, не разбудив ни Оберона, ни квиссоле, вышла в темный коридор. Мрамор пола заледенил ноги, но холод сразу же отступил, когда Элиза вновь услышала музыку.

Из дальних, сокровенных уголков ее души поднималось что-то тайное, что-то очень стыдное и в то же время правильное. То, что было там заперто многие годы и, наконец, освободилось.

Элиза возвращалась домой. Она шла к самой себе, и с каждым шагом ей становилось легче дышать.

Она не запомнила, как спустилась по лестнице, прошла по коридорам и оказалась во внутреннем дворе. Запомнилось только, как из-под ее ног вырвался домовой, посмотрел в ее лицо и заскулил от ужаса, закрывая рот лапками. Серая шерсть поднялась дыбом.

— Глупый, — улыбнулась Элиза, и эта улыбка почему-то была шире, чем обычно, и зубов во рту тоже оказалось больше — но это совсем не удивило Элизу. Это было правильно. — Не бойся ты так, не трону я тебя.

Краски осенней ночи окутали Элизу, словно палантин, когда-то подаренный отцом — но сейчас она забыла обо всем, что было с ней раньше. Луна висела прямо перед ее лицом огромной золотой монетой. Большая, украшенная медовыми узорами, она звенела, пела и звала. Она была самым главным — и впереди лежал осенний лес с его радостями и тайнами. Все чувства Элизы обострились до предела — сейчас она слышала поскрипывание каждого дерева, вздохи белок в дуплах и зайцев в гнездах, чувствовала, как пахнет мох на древесных стволах и как поднимается сухой смолистый аромат от сосен.

С нее словно сняли кожу и поставили перед собой — настоящей. И заглянув в лицо луны — в свое собственное лицо — Элиза ощутила прилив острого, почти невыносимого счастья.

Все это время она была мертвой. А теперь ожила. Теперь наконец-то можно было быть собой — не прятаться, не таиться в тихих углах, а просто быть.

Луна мягко прикоснулась к щеке Элизы — с той же лаской, с которой несколько часов к ней прикасался Оберон, снимая одежду — и Элиза рванулась вперед.

К соснам, к лесным тропинкам, к заячьим норам! В настоящую жизнь! Вперед!

Молодая огненно-рыжая лисица пробежала по внутреннему двору и, перемахнув низкую стену, выбежала на дорогу, что вела к лесу.

Ночь, окружавшая лисицу, была до краев наполнена жизнью. Все в ней пульсировало, все дышало, все звало к себе. Ночь была полна красок, плывших в лунном сиянии — зелень и золото сосен, охра камней, малахитовый отблеск травы, старый янтарь мелких ягодок медовицы. Каждая травинка, каждый тихий осенний цветок окутывались тяжелым хмельным духом, и лисице казалось, что она пьяна. Она жадно пила эти запахи, словно густое вино, и с каждым глотком замок и человек в этом замке, который любил эту лисицу в людском обличье, уходили все дальше и дальше.

Мир людей больше не имел над ней власти.

Луна продолжала звучать. Теперь лисица слышала не одну струну, а тысячи. Взметались и опускались смычки, дымилась клавиши под невидимыми пальцами, все танцевало и пело, все жило настоящей, а не придуманной жизнью с чуждыми, бесполезными законами и правилами, и лисица

знала: все, что было прежде, вся ее старая жизнь были лишь прелюдией, лишь старой одеждой, которую надо было сбросить и никогда больше не вспоминать о ней.

Потом она выбежала на поляну и, запрокинув голову, увидела над собой пыльный водоворот созвездий. И весь лес, весь мир, тоже был частью этого водоворота — и она, лисица в траве, тоже.

Это единение с миром наполнило ее настолько светлой радостью, что лисица запрокинула голову к звездам и заскулила, затявкала, завывала. Она присоединилась к общему хору живого, хору, который славил ночь, луну, свободу. И мир принял ее не как людского захватчика, который мог лишь сокрушать и уничтожать, а как давно потерянное любимое дитя.

Свет луны был похож на материнские объятия. Мать обнимала ее и негромко пела: птичка моя, птичка, выйди на крылечко. Вот ты и нашлась, моя девочка, вот ты и вернулась... Лисица уже не думала словами, и песня просто окутывала ее, как воспоминание. Она видела свою мать — та была облаком, и по краю скользила серебристая молния, которая запечатывала и сковывала ее подлинную суть.

Но ночь осеннего полнолуния все сняла и освободила. Молодая лисица бежала по траве и слышала рядом с собой легкую поступь — белые лучи сплелись в изящный силуэт, и лунная лиса скользнула возле сосен.

«Мама, — позвала лисица, узнав ее. — Мамочка, мама».

«Беги! — рассмеялась лунная лиса. — Беги, моя хорошая! Сегодня все позволено! Сегодня нет запретов! Лунное серебро в твоей крови, беги!»

И лисица бежала среди сосен, поднимаясь все выше и выше в горы. Иногда внизу мелькала громада спящего замка, но лисицу это не пугало — она знала, что все охотники погрузились в сон, луна убаюкала их и покрыла ржавчиной их оружие. Небо полностью очистилось от туч, и лисица подумала, что оно похоже на чашку из черного фарфора с причудливым узором. Прохладный ветер нес сладковато-грустный запах осенних цветов и дыхание сырой после дождя земли.

Лунная лиса бежала рядом.

Лес остался позади — обернувшись, лисица увидела только непроглядный сгусток мрака. Над головой плыли пригоршни колючих звезд, и небо говорило с ней на языке, который умер задолго до того, как первые люди спустились с деревьев. И лисица слушала, боясь спугнуть удивительный голос, наполнявший ее до краешка:

Батюшка, батюшка Носит корону. Мельника доченька Носит его дитя. Лунные темные яды Знает сестрица моя. Вот бегу я, бегу Лисой среди сосен. Вот бегу я, бегу, Облик людской потеряв. Бегу я, бегу Лисой за луною. Бегу я...

Где-то в стороне почти по-человечески вздохнула вода, и лисица опомнилась, встрепенулась, поняла, что глотка пересохла, и хочется пить. Голос рассмеялся, рассыпался по камням золотой пылью, и лунная лиса махнула хвостом и побежала по камням.

Лисица бросилась за ней.

Ручей струился по камням хрустальной лентой. Ледяная вода обожгла; лисица пила с такой жадностью, словно боялась, что ручей может иссякнуть. Лунная лиса прыгнула на мокрый камень, и в ее взгляде была грусть и любовь.

Как же хорошо было здесь!

«Детка моя, ты вернешься в мир людей, — услышала лисица, и слова окатили ее зимней стужей. Люди? Лисица не хотела к людям! Сама мысль об этом наполняла ее ужасом. — Запомни: я не была оборотнем. Меня им сделали».

«Кто сделал?» — спросила лисица, и лунная лиса подпрыгнула и начала таять. Тоска, охватившая лисицу, была такой густой и горькой, что она смогла лишь запрокинуть морду к небу и заскулить.

«Ты узнаешь, — донесся до нее тающий голос матери. — Ты скоро обо всем узнаешь. У тебя есть все, что для этого нужно».

Оберона разбудили сразу две вещи: невесомый Пайпер, который прыгнул ему на грудь и заскулил с тоскливым всхлипыванием, и чутье охотника, которое заявило: рядом оборотень, поднимайся.

Он открыл глаза, сел в постели, подхватив квиссоле на руки. Элизы не было, и Оберон как-то сразу понял, что произошло.

Пайпер заплакал почти по-человечески. «Поднимайся же! — почти услышал Оберон его горестные стенания. — Она убежала! С ней случилась беда!»

Оберон оделся и схватил все нужное для охоты за сорок секунд — в его студенческие времена ребят с факультета учили собираться, пока горит спичка. Оборотни, навьи, водяные не будут ждать, пока ты примешь утреннюю ванну и выпьешь кофе. Должно быть, лопнувшая цепь повредила нить, которая запечатывала оборотничество Элизы, а сейчас, как назло, было полнолуние.

И она сорвалась.

Дьявольщина, ну почему он вчера не додумался проверить нить!

Оберон поймал себя на том, что думает обо всем почти спокойно — и увидел, как у него дрожат руки, впервые после смерти Женевьев.

Элиза, Господи, Элиза... После той ночи, которую они провели вместе, после того, как он поверил, что счастье возможно и для него тоже — почему все это случилось именно сейчас? Жива ли она?

«Жива, — подумал Оберон. — Иначе я бы не почувствовал, что рядом оборотень. Надо взять себя в руки и не наворотить дел».

Он выбежал в коридор и почти сразу же наткнулся на Марка — тот, бодрый и энергичный, несся ему навстречу в полной охотничьей выкладке и, увидев, сразу же воскликнул:

— Господин декан! Оборотень!

— Я знаю, — бросил Оберон через плечо, сбегая по лестнице. Марк бесшумно двигался за ним, и Оберон некстати подумал, что на тренировках Марк был лучшим. Он метал ножи и заклинания и работал с сетями гораздо успешнее остальных студентов. Иногда Оберон думал, что если Марк продолжит учебу уже в министерстве магии, то однажды сможет сменить Оберона на посту декана.

— Это миледи Элиза? — спросил Марк, и Оберону стало холодно.

Как далеко она смогла зайти? Что в ней осталось от той девушки, которая несколько часов назад трепетала от страсти и желания в его объятиях, той, которая закусывала губу, чтобы не закричать — и все-таки не удержала стона.

В груди Оберона что-то натягивалось и звонко лопалось — душа не находила себе места, металась и рвалась. Что, если обращение успело разрушить разум Элизы? Оберон читал, что такое случалось, и мысль об этом приводила его в стылый ужас.

Он ведь может найти лишь обезумевшее, разрушенное существо вместо Элизы. То, которое будет вынужден убить из милосердия.

— Да, это она, — ответил Оберон и побежал по коридору к выходу.

Что она делала этой ночью? Что, если ей повстречался какой-нибудь незадачливый прохожий? Лисы-оборотни очень редко нападают на людей, но все же...

Сможет ли он вернуть ей разум, когда найдет?

Мысли путались и сбивались в клубок.

— Вернись в замок, — приказал Оберон, не глядя в сторону Марка. Вот здесь Элиза окончательно утратила человеческий облик, вот здесь перемахнула через низкую ограду. Оберон протянул руку и снял с валуна длинные рыжие волосы.

Лиса. Не так страшно, как волк или медведь — охотники на оборотней почти не имеют дела с лисами. Только бы ей не встретился какой-нибудь безрассудный путник, который решил бы, что лиса — легкая добыча!

— Вот уж нет, — твердо откликнулся Марк. — Я пойду с вами.

Оберон усмехнулся. Принюхался, ловя далекие следы в ленте ветерка. Лисица ушла через лес почти к вершине горы.

— Хочешь проверить, как я убью оборотня? — спросил он, прекрасно понимая, что эта охота может закончиться трибуналом.

Тут Марк сделал то, за что студентов обычно отчисляли в течение часа — довольно ощутимо толкнул Оберона в плечо и с искренней обидой ответил:

— Хочу убедиться, что вы этого не сделаете. Верю, что мы служим закону, а не желанию убивать.

Оберон вздохнул, перебрался через ограду и двинулся в лес.

«Не думать о ней, — сказал он себе. — Не вспоминать. Так будет проще, охота не должна быть окрашена чувствами». Марк шел за ним след в след, и Оберону не надо было оглядываться: он знал, что парень выглядит сосредоточенным и сердитым.

— Решил, что я ее убью? — бросил он. Марк фыркнул. Их обогнал Пайпер: покрутился на тропинке, выбирая направление, а затем рванул к соснам, не разбирая дороги.

— Это ваша работа, убивать оборотней, — ответил Марк. — И моя тоже. К тому же, вы уже...

Он не договорил.

— К тому же я один раз уже убил свою жену, — произнес Оберон. Рыжий маячок щенка несся впереди, квиссоле правильно выбирал направление. — И ты решил, что это вошло у меня в привычку.

— Ну да, — в придачу ко всем своим достоинствам, Марк был еще и честным. — Решил.

— Лучше помолчи, — посоветовал Оберон. — Лисицу спугнешь.

Марк сразу же умолк, даже дыхания его не было слышно — Оберону в какой-то момент даже показалось, что он идет по лесу один.

Недавно прошел дождь, воздух был чистым и холодным. Сырые запахи леса щекотали ноздри, и Оберон вслушивался в них, ловя тот единственный, который был ему нужен. Но пока оборотень был слишком далеко — его следы звучали тихо, почти неуловимо.

Лес просыпался, жил своей обычной, знакомой Оберону жизнью. Вот тяжело взмахивая крыльями, взлетела серая сова, с суровой важностью проплыла над охотниками и полетела к югу, вот ветер прошел по вершинам сосен, о чем-то невнятно проговорил и умолк, вот прынула в сторону огненная стрела белки.

Элиза лишилась оков и шагнула в свой мир — откликнулась на тот уверенный зов, который шел к ней из леса. Трава, деревья, камни, водоворот созвездий, медный диск солнца — все это было ее частью, и она сама стала частью мира, ее голос влился в тот хор, который славит саму жизнь. Вот чем было оборотничество для оборотня.

А потом приходило безумие. Человек становился зверем, и это было необратимо.

Узнает ли она Оберона, когда увидит? Поймет ли, что это он — любящий, а не желающий нести смерть?

Чем больше они углублялись в лес, тем сильнее, тем острее и резче звучала музыка охоты. Оберон чувствовал озноб — не от прохлады осеннего утра, а от того нетерпения, которое всегда охватывало его, когда он становился на след. То, что сейчас он шел за Элизой, своей Элизой, ничего не меняло.

Он был охотником. Впереди был оборотень.

Сила, завладевшая Элизой, была дикой и жестокой. И Оберон шел делать то, ради чего жил — спасти человека от чудовища.

Он надеялся, что успеет. Он уверял себя, что Элизе еще можно помочь.

Они поднимались все выше и наконец выбрались к краю леса и пошли по камням туда, где бойко шумел ручеек, лопоча свою невнятную песенку. Пайпер, который отважно бежал впереди и уже успел оставить где-то в зарослях клочки рыжей шерсти, вдруг остановился и залаял, завилал хвостиком, приплясывая от радости — нашел!

Ответом ему был сдавленный стон, похожий на скуление.

Оберон вскинул руку, приказывая Марку остановиться. Впереди, там, где ручеек убежал к старым сосновым стволам, что-то белело. Оберон сделал несколько бесшумных шагов и увидел Элизу.

Она обратилась на рассвете и не поняла, как попала в лес, Оберон прочел ее в дрожании золота, которое плавало в магическом поле Элизы. Кровь на ночной сорочке не была человеческой — Оберон принюхался, понял, что это заяц или белка угодили в лисьи зубы. Мелькнули растрепанные темные волосы, сверкнули усталые испуганные глаза, и Оберон снова услышал стон.

«Ранена», — подумал он. Оборотни не чувствуют боли, но, возвращаясь в человеческий облик,

начинают страдать от тех ран, которые получили в пылу танца под луной, когда бежали среди зарослей и прыгали по камням.

— Элиза, — мягко произнес Оберон и шагнул вперед. Элиза сидела на корточках под деревом, руки и босые ноги были грязными и исцарапанными, но Оберон облегченно понял, что обошлось без травм. Так, несколько царапин. Пайпер махал хвостом, улыбался хозяйке, но не подходил — боялся.

Запах зверя был густым и давящим. Он окутывал девичью фигурку, словно саван. Но его можно было сорвать.

— Элиза, — негромко повторил Оберон, сделал еще один шаг, протянул руку. Сейчас следовало быть очень осторожным. — Элиза, это же я, Оберон. Все хорошо, маленькая, все хорошо.

Элиза всхлипнула, уткнулась лицом в ладони. Еще один шаг.

— Я здесь, я тебе помогу, — пока Оберон говорил, Марк скользнул за сосны бесшумной серой тенью, заходя Элизе за спину. — Пойдем домой. Все хорошо, но тебе надо полежать. Да?

Плечи Элизы затряслись, и она разрыдалась. Пайпер бросился к ней, прижался к грязной ноге, заскулил, залаял — его страх смыло жалостью. Оберон сделал еще один бесшумный шаг и, подхватив Элизу под локти, поднял и прижал к себе.

Все. Вот она, в его руках.

В тот же миг Марк нанес удар. Над лесом вспыхнула серебряная молния, впиваясь в ауру Элизы, сковывая и сминая все, что принесла ей эта ночь, отделяя зверя от человека. Элиза застонала от боли и обмякла в объятиях Оберона.

Темное, бессмысленное лицо сделалось живым, страдающим и разумным.

Зверь ушел — мелькнуло что-то рыжее среди сосен и растаяло без следа. Элиза вернулась.

Оберон поднял глаза на Марка — парня ощутимо знобило. Первая настоящая охота — почти то же самое, что на тренировках, и в то же время совсем-совсем другое. Первая охота словно что-то вырезает в человеке, режет по-живому, делает его не таким, как прежде.

Это было страшным и единственно верным.

— Все правильно, — одобрительно выдохнул Оберон. — Будем считать, что ты сегодня окончил курс с отличием.

Марк всхлипнул и ничего не ответил.

Возвращения в замок Элиза не запомнила.

Она плавала в темном облаке беспамятства, которое иногда разрывалось прорехами, как уходящая грозная туча — и в них Элиза видела верхушки сосен, серое небо и птицу под облаками. Птица кружила, потом опускалась и, подхваченная воздушным потоком, снова поднималась все выше, выше.

— ...потому что по протоколу, если оборотень не совершил убийств, его надлежит лечить, — проплыл над ней голос, и Элиза подумала: Марк. Откуда он тут взялся?

Он сейчас должен быть на занятиях, а не в лесу.

Что произошло?

— И почему же их не лечат вот так, сразу? — а это уже был Оберон. Когда Элиза услышала его, то ей сразу же сделалось не легче, но как-то спокойнее. Оберон был рядом, значит, ничего плохого с ней не случится.

— Потому что по сводкам министерства магии большинство оборотней совершает первое убийство в ночь первого обращения, — официальным тоном ответил Марк, а потом его голос дрогнул, и он добавил: — Это, как правило, члены семьи. Иногда соседи, односельчане. Отведав человеческой крови, оборотень уже не способен окончательно обрести разум.

«Он кого-то потерял, — подумала Элиза. — Оборотень убил его близкого человека, и Марк решил стать охотником».

Мысль была ленивой и сонной. Птица кружила над соснами, и серое небо становилось все ниже.

— А эта кровь? — поинтересовался Оберон, и Элиза удивленно подумала: какая кровь? О чем он говорит? Она никому не сделала ничего дурного!

Или сделала? Голову наполнял вязкий туман, и Элиза никак не могла вырваться из него на свободу.

«Моя мать не была оборотнем. Ее зачаровали, эти чары и увидел отец при первой встрече», — хотела сказать Элиза, но язык и горло не слушались. Собственное тело казалось чужим, неловким, сломанным, словно душу Элизы вынули и вдохнули в куклу, и теперь она не знала, как ею управлять.

Что сделать, чтобы поднять руку? Как заговорить?

Она не знала, и это было невыносимо. Она должна была рассказать Оберону о том, что случилось с ее матерью — Элиза боялась, что может забыть об этом.

Голову жгло — Элиза понимала, что это работает новая серебряная нить, которая сковывает в ней зверя. Она помнила каждое мгновение блаженной лунной ночи, помнила свое невыносимое светлое счастье и понимала, что это больше не должно повториться. Никогда, нет.

Она Элиза Леклер, она человек, а не зверь.

— А это кровь зайца, — ответил Марк. — Она охотилась в лисьем облике.

Потом тучи снова затянули небо над головой Элизы, и она поплыла в пустоте. Не было ничего, кроме этой пустоты — она вслушивалась, пытаясь уловить голос Оберона и, зацепившись за него, выплыть к свету и жизни, но ничего не было.

Элиза очнулась от того, что рядом кто-то всхлипнул, и что-то теплое и влажное прикоснулось к щеке. Ей казалось, что она никогда не может открыть глаза — и все же смогла. Элиза увидела, что она лежит на кровати в спальне Оберона, а на подушку забрался растрепанный и несчастный Пайпер: квиссоле всхлипывал совсем по-человечески и лизал ее щеку.

— Тихо, тихо, — услышала Элиза и поняла, что тоже плачет. Над ней склонилась госпожа Летиция, и холодное стекло уткнулось в губы. Элиза сделала глоток — прохладная жидкость пахла яблоком, но на вкус была такой отвратительной, что Элизу едва не вырвало.

— А вот этого не надо, — строго сказала госпожа Летиция и, зажав нос Элизы цепкими сухими пальцами, приказала: — Пейте!

Элиза послушно выпила зелье до конца, и пальцы разжались. Госпожа Летиция смотрела с искренним сочувствием — так могла бы смотреть мать или бабушка, которая готова была не спать всю ночь и подавать лекарства больному ребенку.

— Ну как вы? — заботливо спросила она, присев на край кровати. Элиза прислушалась к себе и ответила:

— Чувствую себя чем-то вроде макарон.

Госпожа Летиция понимающе качнула головой.

— Неудивительно. Столько магии меньше, чем за сутки! — сказала она и, понизив голос, призналась: — Я, честно говоря, удивляюсь, как вы вообще живы после всего этого.

Мысли едва ворочались в голове, но Элиза сосчитала: разрыв цепи, которая соединяла их с Обероном, потом превращение в лисицу и новая сдерживающая нить, брошенная Марком.

— Многовато... — вздохнула она, и декан факультета зельеварения ободряюще улыбнулась:

— Ничего, теперь дело пойдет на лад. Видите эти шарики? — она указала на прикроватный столик, и Элиза, с трудом повернув голову, увидела серебряный подносик, на котором лежала грудка шариков в белой обсыпке, похожих на кокосовые конфеты. От них и пахло чем-то конфетным, сладким, и этот запах воскрешал воспоминания: неясные, но хорошие, из далекого детства. — Их обязательно нужно съесть в течение этого дня, иначе магическое поле академии начнет вас отторгать. Ничем хорошим это не кончится, сами понимаете.

— Как... принца Жоана? — прошептала Элиза, и госпожа Летиция кивнула.

— Это разные процессы, но принцип похож, — ответила она.

Элиза попробовала шевельнуться, но руки сразу же налились такой густой тяжестью, что она без сил обмякла на кровати.

— Не знаю, как буду их есть, — призналась Элиза, и по тонким губам госпожи Летиции скользнула понимающая улыбка.

— Все будет хорошо, вы справитесь, — уверенно сказала она. Элиза посмотрела по сторонам, прислушалась и спросила:

— А Оберон? С ним все хорошо?

Госпожа Летиция кивнула.

— Он сейчас в ректорате, о чем-то приватно говорит с Акимой. А до этого вместе с невыносимым Анри пытался учить меня, как приготовить лекарства для вас.

Должно быть, Оберона не ждет ничего хорошего. Он декан факультета, который готовит борцов с чудовищами. Он лучше всех знает, как сражаться с темными силами, он успел доказать свою непримиримость в этой борьбе — и он привел в академию оборотня. Он готов был жениться на той, которая превратилась в лисицу.

Элиза вспомнила круглое лицо полной луны, мелодию земли и жизни, согласный хор всего, что наполняло этот мир, и поняла, что до конца дней своих будет жалеть о том, что отказалась от этого чуда. Будет жалеть — но никогда не согласится вернуться к нему.

Там, за гранью невыносимого счастья, лежала лишь такая же невыносимая боль, сплетенная с безумием.

Что теперь будет с Обероном? Что теперь будет с ней?

— Госпожа Летиция, — почему-то Элиза не сомневалась в том, что с этой женщиной можно говорить искренне и ничего не бояться, — у Оберона не будет сложностей из-за меня?

Госпожа Летиция вздохнула, отставила стакан и взяла поднос с белыми шариками.

— Вы не сделали ничего, что каралось бы законом, — ответила она и, взяв один из шариков, поднесла его к губам Элизы. На вкус шарик был похож на виноград и рассыпался во рту мелкими каплями. Голова прояснилась, словно прошло опьянение. — Да, оборотней положено убивать, но не за то, что они оборотни.

— Первое убийство в день первого обращения... — проговорила Элиза. — Вернее, в ночь. Кажется, Оберон говорил об этом с Марком.

Госпожа Летиция кивнула.

— Совершенно верно. Оборотней убивают именно поэтому. Потому что они становятся безумными мясниками. Но вы-то не из таких.

Элиза услышала хриплый стон и поняла, что это она так смеется. На мгновение ей сделалось невыносимо жутко, но потом страх отступил.

— Я убила зайца в лесу, — призналась Элиза. Госпожа Летиция махнула рукой.

— Я тоже убивала зайцев, — сказала она. — В детстве отец брал меня на охоту, мы жили на краю Залесских гребней. Я тоже убивала зайцев, однажды подстрелила лису, — госпожа Летиция осеклась, вспомнив, в какое именно животное оборачивалась Элиза.

— Я не хочу оборачиваться, — выдохнула Элиза. — Никогда.

Госпожа Летиция ободряюще погладила ее по плечу. Только сейчас Элиза поняла, что с нее успели смыть ту грязь, что налипла в лесу, и переодели в чистую сорочку. От этого невольно становилось легче.

— Вот и замечательно. А ваши отношения с Обероном... ну что ж, знаете, как говорят: с кем поведешься, от того и наберешься. Курьез, в определенном смысле анекдот — но не то, за что снимают чины и головы.

«Как же это хорошо», — подумала Элиза и вновь скользнула во тьму — но на этот раз теплую, сонную и совсем не страшную.

— Это, я думаю, как раз тот случай, о котором никто не должен узнать.

Акима выглядел так, словно ничего особенного не произошло. Он бродил по кабинету с чашкой

крепчайшего чая в руке и был похож на этакого доброго дедушку, который уже знает, как выручить глупого внука, угодившего в не менее глупую ситуацию.

— Как о нем не узнают? — Оберон угрюмо заглянул в чайную тьму в своей чашке и подумал, что это утро полностью выпило из него все силы. Сейчас он готов был вытянуться прямо на полу ректорского кабинета и заснуть дней на пять. — Мы принесли Элизу утром, когда и студенты, и преподаватели уже проснулись. Все видели, что с ней случилось, все поняли, что она оборотень.

Акима сделал глоток, прикрыл глаза и поцокал языком.

— Я имел в виду, что никто за пределами академии не должен об этом узнать, — уточнил он. — В конце концов, ничего сверхъестественного не произошло. Да, ваша невеста оборотень. Ну и что? Она кого-то успела убить за то время, пока была лисицей?

— Нет, — ответил Оберон. — Напугала нашего домового и задавила зайца в лесу. Все.

Когда он оставил Элизу на попечение госпожи Летиции, та еще не пришла в себя, но Оберон знал: все должно наладиться. Декан факультета зельеварения знала толк в лекарствах и обещала поставить Элизу на ноги уже к завтрашнему дню. Выходя из спальни, Оберон оглянулся и посмотрел на Элизу — она лежала в его кровати, бледная и холодная, и те магические силы, что схлестнулись над ней за последние часы, наполняли ее звенящей тьмой.

Он все бы отдал за то, чтобы Элиза открыла глаза и посмотрела на него прежним взглядом. Чтобы мутный испуг, который он увидел в ней в лесу, ушел и никогда бы не вернулся.

Она выживет. Она снова станет прежней Элизой. Оберону хотелось в это верить, но что-то ему мешало. Как раньше, уже не будет. Ночь осеннего полнолуния разделила их жизни на «до» и «после».

Осталось решить, что с этим делать.

Госпожа Летиция поймала его взгляд и, кивнув на поднос с шариками целебного медзенго, сказала:

— Она поправится. Даже не сомневайся.

И Оберон ей верил. Ему хотелось думать, что он вернется в свои комнаты после разговора с Акимой, а Элиза уже придет в себя, бледное неживое лицо наполнится румянцем, и все звериное, что принесла ночь осеннего полнолуния, покинет ее и со временем сотрется из памяти.

— Заяц это пустяк, — отмахнулся Акима. — Миледи Элиза не совершила ничего противозаконного, теперь в ней снова нить, которая удерживает оборотничество, так что ни ее, ни вас не в чем обвинить. Никто здесь вас не упрекнет. А за стенами академии, увы, найдется много злых языков, особенно в министерстве магии. Вы декан, дорогой мой, это хорошая должность. И оплачивается отлично. То, что ваша невеста оборотень, это курьез, не более — для тех, кто мыслит разумно и здраво. Но есть те, кто ухватится за него и сделает все, чтобы вы стали обычным преподавателем. Есть очень много задниц, которые хотят опуститься в ваше кресло. Сами знаете, при желании можно найти изъян в чем угодно.

Оберон угрюмо признал, что Акима прав — стоило только вспомнить его «дружбу» с чиновниками из министерства магии. Но получится ли утаить в мешке это шило?

Кто-то из студентов или преподавателей обязательно проболтается. И господа вроде Лавалья и Азуле сразу же станут спрашивать, а имеет ли право Оберон занимать пост декана, если приблизил к себе девушку-оборотня. Он ведь должен сражаться с ними, разве нет? А что, если она уже успела убить кого-нибудь, а он теперь ее прикрывает?

— Вам ведь нужен именно я на посту декана? — спросил Оберон. Акима кивнул.

— Разумеется. Знакомый бес лучше незнакомого, а нам нового беса могут назначить со стороны. Понимаете, в чем дело, — Акима снова сделал глоток и отставил чашку. — Я потратил очень много времени и сил на то, чтобы создать именно такую академию. С именно такими деканами и преподавателями, опытными, знающими свое дело. И мне сейчас не нужны здесь никакие министерские сморчки.

«Конечно, — подумал Оберон, — потому что со сморчками придется делиться алмазами. А ты уже поговорил с нужными людьми, выяснил финансовые перспективы и возможности сбыта, так что тебе лучше обойтись без посторонних».

Оберон перевел взгляд за окно — дождь усилилась, темная осень царила и правила безоглядно. Он с тоской подумал, что ему всегда нравилась его работа деканом — нравились лекции, студенты, практические, даже хлопоты с бумагами и расписанием. Оберон чувствовал себя в прямом смысле

слова на своем месте — и мог все это потерять.

Он поморщился, сжал переносицу. В конце концов, сколько можно бегать по болотам? Он заработал столько, что за несколько жизней не потратить. Если что, он напишет прошение об отставке, и они с Элизой уедут куда-нибудь на юг, на Малагарское побережье... Почему бы нет?

— Мысли путаются, честно говоря, — признался Оберон. — Хорошо, господин ректор, я вас понял. Мы живем дальше так, словно ничего не произошло.

— Совершенно верно! — радостно произнес Акима. В академии есть студенты, чьи близкие погибли в клыках оборотней — и его совершенно не беспокоило, что они будут делать и какими глазами смотреть на декана с невестой, которая перекидывается в лисицу. — А этические проблемы... что ж, они есть всегда, в любой работе. Пусть ваши ребята учатся решать их на чужом примере, чем на своем опыте.

Да, Акиму волновало только то, что из-за щекотливой ситуации он может лишиться своего декана. Оберон понимал, что с точки зрения управленца это правильно. Веди себя хорошо, будь умницей и тебя не бросят.

Пока это его устраивало. Вполне.

— Есть, конечно, и простой вариант, — предложил Акима. — Расстаться с миледи Элизой. Свою часть наших алмазов она получит, этого ей вполне хватит для достойной жизни.

Оберон демонстративно почесал в ухе.

— Я правда услышал именно то, что услышал? — поинтересовался тем холодным тоном, после которого все понимали, что с ним лучше не спорить и глупостей не говорить.

Акима кивнул. Отпираться и уверять, что его неправильно поняли, было не в привычках господина ректора.

— Я сказал, что это простой вариант, — произнес он, — но не говорил, что он вас устроит. Не переживайте, друг мой, и живите, как жили. Надеюсь, с вашей невестой все будет в порядке.

На этом и закончили.

Оберон вернулся к себе и увидел, что Элиза дремлет, свернувшись клубочком под одеялом. По ее лицу скользили тени — воспоминания о минувшей ночи. Никогда они ее не оставят: сгладятся, стихнут, но не уйдут. Песня луны всегда будет с ней. Рядом лежал верный Пайпер, выглядел так, словно ему было стыдно.

— Ты бы ее не остановил, — сочувственно произнес Оберон, погладив квиссоле по голове. — Еще разорвала бы тебя, как того зайца.

Из-под кровати высунулся домовой — тот самый, который недавно удивился вежливости Элизы — и с самым важным видом доложил:

— Я того... шарики даю. По часам. Так велено было.

Оберон кивнул. Присев на край кровати, он задумчиво дотронулся до щеки Элизы, провел костяшкой согнутого указательного пальца. Живая, теплая — и все равно она была похожа на призрак, собственную тень. Как влажный отпечаток тумана на стекле: придет солнце, и он растает.

Он ведь мог и опоздать. С Элизой могло бы случиться что-то страшное; Оберон не хотел об этом думать и все равно думал.

— Принеси что-нибудь поесть, пожалуйста, — попросил Оберон. Домовой кивнул и, свернувшись в шар, проворно покатился к выходу. Элиза вдруг шевельнулась и, не открывая глаз, проговорила:

— Оберон...

— Я здесь, — сказал он, мягко сжал ее руку. Губы Элизы дрогнули в улыбке, словно все наконец-то стало хорошо.

— Моя мать не была оборотнем, — прошептала она. — Ее сделали оборотнем...

— Что значит «сделали»? — спросил Оберон. Весь его опыт говорил: оборотничество — это врожденное свойство. Если твой дед был оборотнем, ты тоже можешь им стать. Успей вшить нитку и избежишь многих бед — конечно, если у тебя будут деньги на серебро.

Но чтобы из обычного человека сделали оборотня? Оберон никогда о таком не слышал — и почему-

то был уверен, что Элиза говорит правду.

Элиза не откликнулась. Ресницы дрогнули, дыхание стало ровнее, а сон глубже.

В комнату вкатился домовый с подносом, но Оберону расхотелось есть. Он поднялся с кровати и негромко сказал:

— Присмотри за ней. Мне нужно в библиотеку.

— Чтобы человека превратили в оборотня? Никогда о таком не слышала.

Оберон провел в библиотеке несколько часов, но даже в самых старых книгах, которые почти рассыпались у него в руках, не нашел ничего, что хоть как-то прояснило бы слова Элизы. Выходя из библиотеки, он встретил Аверну и устало спросил, не знаком ли ей обряд или заклинание для превращения человека в зверя.

Он и сам не знал, почему вдруг заговорил с ней об этом. Может быть, потому, что Аверна была родом с Черного Юга, а там была своя, древняя и жуткая магия, несколько не похожая на волшебство Сандарона. Авторы книг, по которым учился Оберон, в один голос советовали: ни в коем случае не соваться туда, костей не соберешь. Это единственный способ защиты от тех, кто способен дотронуться до низких звезд кончиком охотничьего копья.

— Это ведь врожденное, правильно? — уточнила Аверна. Оберон кивнул, и она нахмурилась. — Страшная вещь, если это действительно возможно. Идеальный способ расправиться со своим врагом. Ты полагаешь, что так поступили с твоей невестой?

Оберон снова кивнул, невольно обрадовавшись тому, как Аверна говорила об этом: спокойно, уверенно, с готовностью помочь. Они не были близкими друзьями, но сейчас Оберон с радостным теплом почувствовал, что Аверна ему не просто коллега.

Возможно, это как раз было то, что так ценил Акима. Сплоченные люди, готовые прийти на помощь в любой ситуации, от охоты на оборотней до замещения занятий.

— С ее матерью, — сказал он. — Потом это свойство передалось Элизе.

Аверна ахнула. Пестрые перышки в ее высокой прическе качнулись, рассыпая искры, и Оберону послышались трубные голоса слонов над саванной, рык леопарда, жаркий запах трав. Должно быть, Аверна скучала по родине в этих тоскливых северных горах, и мелкая сеть заклинаний напоминала ей о доме.

— Скорее всего, это был обряд, — предположила она. — Для заклинания это слишком сложно. В моих краях такого точно нет, я бы знала. Очень уж любопытная вещь.

— Чего это нет в твоих краях? — полюбопытствовал Анри, который шел по коридору, держа в одной руке стопку исписанных листков, контрольные работы первокурсников, а в другой — мешок, от которого пахло мятой. В мешке кто-то ворочался и счастливо вздыхал. Аверна вздохнула.

— На Черном Юге чего только нет, — ответила она, — но Оберон сейчас поставил меня в тупик. Ты что-нибудь слышал об обряде, который может сделать человека оборотнем?

Анри уставился на нее с удивленным видом барана возле новых ворот. Оберон хмуро подумал, что они невольно собирают педагогический совет в коридоре. Сейчас к ним еще и Акима присоединится, а этого Оберону совсем не хотелось.

— Это врожденное, — уверенно заявил Анри. — Будь иначе, я даже предполагать не хочу, кто и как воспользовался бы такой возможностью.

Ну разумеется, такой случай никто не упустит. Вот есть у тебя, допустим, злейший враг. Разорить его, опозорить, опорочить, да даже просто нанять наемного убийцу — все это, конечно, хорошие способы отомстить. Но превратить его в чудовище, за которым начнется охота, которое всегда, до конца дней своих, будет балансировать между разумом и безумием и передаст это безумие своим детям — о, это гораздо слаще. За такое можно выложить любые деньги.

— Если с матерью твоей невесты так поступили, то ее хотели уничтожить, в этом нет сомнений, — заявила Аверна. — И уничтожить чужими руками, чтобы самому остаться чистеньким. Поймал бы ее какой-нибудь охотник на оборотней в полнолуние... И тут наверняка была работа с кровью, раз оборотничество стало наследственным.

Оберон и Анри кивнули. Без крови тут явно не обошлось.

— Сложно, — сказал Оберон. — Как бы я это сделал? Пришел и сказал: а дай-ка мне, мил-человек, твоей крови? Я тут хочу обряд провести.

Аверна прищелкнула пальцами.

— Не обязательно брать его собственную кровь! — воскликнула она. — У нас есть обряд на исцеление ребенка: колдун забирает у матери кровь, работает с ней, а потом дает выпить больному. Считается, что работать надо со здоровым, а не с больным. И ребенок выпивает и выздоравливает. Я своими глазами видела такие случаи. Возможно, так было и здесь.

Оберон нахмурился.

— То есть, если они родственники, то этот человек мог бы взять собственную кровь? — предположил он. — Поработать над ней, а потом, допустим, опохмелить...

— Ты не путай исцеление и проклятие, — сказал Анри. — На своей крови такого никто не будет делать — пойдет отдача, сам станешь оборотнем. А вот, допустим, на умирающем родственнике по формуле Узла Фаретти...

Аверна махнула рукой. Оберон вспомнил, что она всегда довольно скептически относилась к знаниям Анри там, где они не касались зельеварения.

— Узел Фаретти это в основном боевое заклинание, — сказала Аверна тем тоном, которым обычно советуют помолчать и не умничать.

— Механизм второй части Узла, — парировал Анри. — Вполне подойдет для переноса энергии смерти.

— Не подойдет, простите, — прозвучал четвертый голос. — Его выбьет.

Все обернулись и увидели принца Жоана, который стоял рядом с самым невозмутимым видом, опираясь на метлу. Оберон понял, что Жоан вернулся с отработки — мел где-нибудь коридор или лекторий.

— У отца был колдун, как раз работал с Узлом Фаретти, — объяснил Жоан. — Решил разобрать его по частям... хорошо, что не покалечился. Всю его лабораторию разнесло. Как раз на второй части.

Аверна посмотрела на него тем взглядом, после которого хочется убежать подальше или провалиться поглубже. Жоан на всякий случай сделал шаг назад и объяснил, посмотрев на зельевара:

— Господин Анри, я закончил уборку в лектории. Что теперь?

Оберон хотел было пошутить про трудотерапию, но не стал.

— Теперь — не вмешиваться в разговоры преподавателей, — рыкнул Анри, но Аверна вскинула руку, приказывая ему молчать, и спросила:

— А зачем вообще он взялся за разделение Узла, ваш колдун?

— Решил, что одна из частей сможет как-то усмирить проклятие моей семьи, — ответил Жоан и объяснил: — Видите ли, в чем дело... абаринская правящая семья была проклята много лет назад. Грубо говоря, когда любой кровный родственник нашего короля встречает людей из другой владыческой династии, то между ними неизбежно возникает конфликт. Некое помутнение разума, которому невозможно противостоять. Еще и других задевает. Со временем, конечно, оно проходит, но... сами понимаете, приятного мало. Мой дед женился на шавенийской принцессе, первые два дня они просто орала друг на друга и били посуду. Потом утихли. Отец с матерью тоже не сразу привыкли.

Оберон запустил руки в волосы. Голову наполнило болью: части гигантской головоломки стали соединяться в одно — картина, которую Оберон увидел перед собой, была настолько яркой и жуткой, что он едва удержался на ногах.

— Великий владыка восстанет из пепла и крови, и оживит подземные реки, — пробормотал он. Аверна, Анри и Жоан смотрели на него с одинаковым потрясенным выражением. — Вы сорвались в первый учебный день потому, что рядом с вами была девушка с королевской кровью. Чужачка, которая привела вас в бешенство. Господи Боже...

Жоан даже рот приоткрыл от удивления, словно пытался что-то сказать и не мог. Глаза Аверны округлились, от перышек в прическе снова полетели искры — она была взволнована.

— То есть, у нас все-таки владычица? — шепотом предположила Аверна. — Ваша невеста — девушка

из королевской семьи?

— Да, — кивнул Оберон, понимая, что это разрушает все, что могло быть у него с Элизой, разрушает злее, чем ночь осеннего полнолуния. — Поэтому ее и хотят убить.

Глава 9. Девушка из владыческой династии

Оберон сидел на подоконнике, уткнувшись лицом в ладони — эта привычка была у него со времен студенчества. Вынужден быть с людьми, но хочешь закрыться от них — сядь вот так.

Ему хотелось побыть одному. Просто сесть и на несколько минут поверить, что все еще может быть по-другому, и тот хрупкий мир, который он так старательно выстраивал все эти дни, не рухнет песочным замком.

Их импровизированный совет был похож на заседание заговорщиков. Аверна привела всех в собственный кабинет при деканате факультета предвидения, набросила дополнительные чары, которые никому не позволили бы подслушивать их разговор, и приказала домовым принести ужин на всех и вино. Предусмотрительно — такие новости следовало запить.

— Ее отец генерал Леклер, верно? — уточнил Жоан, и Оберон наконец поднял голову и посмотрел на него.

— А вы откуда знаете? — поинтересовался он, чувствуя, насколько язвительно звучит его голос. — В Абарине и Гелевии знают сандаронских генералов?

— Знают, — с достоинством кивнул Жоан. — Я всегда интересовался армией. Надо же реформировать нашу... а для этого следует посмотреть, что есть у соседей. И кто есть. Я, верите ли, даже хотел ему контракт предложить. А потом он покончил с собой.

— Не покончил, — буркнул Оберон. — Его убили.

— Я уверен, что эта история с самоубийством была ради того, чтобы полностью его опорочить, — заявил Жоан. — У военных это не просто грех, а позор. Никто из тех, кто любил и уважал его, не поддержал бы Элизу.

— Подождите! — Анри вскинул руку, во второй держал бокал вина. Зельевар никогда не упускал случая как следует выпить и закусить, особенно за чужой счет. — То есть, мать Элизы из королевской семьи? Или Элиза не родная дочь? Воспитанница? Потому что сам-то генерал не королевских кровей, это точно.

Оберон снова уткнулся лицом в ладони. В ушах шумело, и понимал он теперь только одно: несмотря на то, что он спасал жизнь Элизы, несмотря на то, что они провели вместе ночь, она уйдет от него навсегда. Он терял ее — прямо сейчас, в эту минуту — и это было невыносимо.

Кто он такой вообще, Оберон Ренар? Сын уездного полицейского, который оказался запредельно талантлив в магии и охоте на порождения тьмы. Он заработал дворянский титул, он обеспечил и себя, и своих потомков, но он никогда не будет ровней девушке из королевской династии. Это невозможно. Как только Элиза узнает правду о себе, то оставит его.

Подобное притягивается к подобному. Королева Сандарона — а Оберон не сомневался в том, что Элиза станет королевой, от такой возможности никто в здравом уме не откажется — может лишь улыбнуться декану на каком-нибудь приеме, не больше. А он, дурак, станет потом вспоминать эту улыбку, и тьма в зеркалах рассыплется ядовитым смехом...

Это будет правильным, и Оберон знал, что никогда не станет осуждать Элизу за такой выбор. Да, он прикипел к ней всем сердцем, он полюбил ее так, как может полюбить одиночка, привыкший к своему одиночеству. Теперь придется ее потерять.

Должно быть, такова его судьба — хотя Оберон и не верил в судьбу. Когда-то она решила соединить их цепью, а потом разорвала эту цепь. Вот и все. Потом Элиза заключит какой-нибудь династический брак, да хоть бы и с принцем Жоаном, а Оберон женится, например, на бывшей студентке — просто потому, что устанет жить один. И все пойдет своим чередом — прилично, скучно, невыносимо больно.

Аверна дотронулась до локтя Оберона — он снова поднял голову и увидел, что она протягивает ему бокал вина и тарелку с мясным рулетом.

— Ты всегда говорил, что нельзя есть и волноваться, — понимающе сказала Аверна. — Давай, перекуси.

Оберон кивнул, поставил бокал на подоконник и, угрюмо посмотрев на рулет, произнес:

— Возможно, у Элизы есть какие-то права на престол. Перед смертью ее отец сказал, что знает правду. Может, это она и есть, эта правда. Элиза должна была занять место Эдварда.

Жоан снова принялся мерить кабинет быстрыми шагами. Анри посмотрел на него так, словно хотел

посоветовать сесть и не раздражать, но промолчал. Он тоже волновался — Оберон видел, как Анри нервно покачивает ногой.

О чем он думал, интересно? Жалел, что не успел свести с Элизой более близкое знакомство? Не постарался вовремя завязать отношения потеснее?

Оберон невольно подумал, что выглядел продуманным наглецом, когда настойчиво делал Элизе предложение стать его женой. Возможно, узнав правду о себе, она решит, что он каким-то образом смог узнать обо всем раньше, и старательно суетился, чтобы потом стать принцем-консортом или даже королем.

— Сгибельник, — продолжал Оберон. — Артефакт у убийцы в поезде. Фил Два Стакана и Обер Оссе, которые не работают за большое человеческое спасибо. Сколько денег на это угрохано, вы представляете?

Аверна кивнула.

— Никак не меньше ста тысяч, — ответила она. — Скрутить крупного сгибельника — это минимум сорок тысяч. Такие деньги не тратят на пустяки.

— Но она сама не знала правду, — Оберон сердито опустил тарелку на подоконник, даже мысль о еде сейчас вызывала у него гнев. Да, надо же на что-то сердиться, не на Элизу ведь. — Поэтому на нее начали охоту только тогда, когда она выставила сластолист, а в дом вошел я. Потому что я докопался бы до правды... — он вздохнул и добавил: — Что, собственно, и произошло.

Некоторое время все молчали, потом Анри доел свою порцию рулета и сказал:

— У меня два вопроса в связи с этой историей. Даже, скорее, три. Первый — где бумаги, которые подтверждают права Элизы? Они должны быть, генерал не мог о них не знать, если говорил о правде. Второй — если их все-таки нет, то как доказать, что она королевской крови? Потому что истерический припадок его высочества Жоана... ну это не доказательство, простите, — Жоан угрюмо посмотрел на него, но Анри сделал вид, что не заметил этого взгляда исподлобья, и продолжал: — Просто балованный наглец, как и большинство принцев, для которых все кругом холопы. Да и пророчество может не иметь к Элизе отношения. Пророчества штука туманная, уж прости меня, Аверна, но это так. Любой крестьянин после бутылки манжуйской водки и не такого может напроорочить. А после двух и валяется не хуже.

Аверна склонила голову к левому плечу и посмотрела на Анри так, словно настоятельно рекомендовала ему держать язык за зубами и не открывать рта. Оберон снова услышал рык леопарда.

— Никаких бумаг в ее доме не нашли, — ответил Оберон. — Ни люди из министерства магии, ни Фил Два Стакана. Как доказать ее происхождение, я не знаю.

— Зато я знаю! — подал голос Жоан. Все снова удивленно обернулись к нему, и принц многозначительно сообщил: — У нас есть такой способ, о нем особо не распространяются, и я попросил бы вас тоже не говорить о нем. Нужно взять кровь и добавить несколько капель в смесь кровохлеба и сандской соли. Если кровь владыческая, то смесь позеленеет. Если кровь обычная, то ничего не случится.

— Кровохлеб, — Анри защелкал пальцами, — это абаринское название гореедки? У меня есть!

Оберона окутало той липкой тоской, которая иногда появлялась на болотах, когда он долго преследовал какую-то тварь, убивал ее, а затем выходил к людям. Почему-то даже в сон потянуло.

«Все ты прекрасно понимаешь, — подумал он. — Сейчас выяснится, что Элиза принцесса, и ты ее потеряешь навсегда».

— Тогда давайте не тратить время даром, — сухо произнес Оберон и поднялся с подоконника. — Чем скорее это выяснится, тем лучше.

— ...так какой же третий вопрос? Ты сказал, что у тебя их три.

— Что ты теперь будешь со всем этим делать?

Далекие голоса выплыли из глубин мрака и снова утонули в ней. Элиза потянулась было за ними, но потом поплыла туда, где возле кровати Оберона горела лампа, и за окнами была ночь — та самая, когда все началось, но луна еще не имела над Элизой власти.

Казалось, время тогда сделалось густым и неспешным, и каждая минута тянулась, словно мед. И

мир тоже был другим, он вздрогнул и куда-то поплыл, накрывая Элизу томной слабостью — она поняла, что теперь сможет только таять, растворяясь в ритмичных движениях Оберона, которые сейчас наполняли ее неведомым доселе, тягучим удовольствием.

Это было настоящим волшебством. В ту ночь Оберон мог читать ее мысли и ловить малейшие оттенки чувств, зная, чего именно ей хочется. А потом реальность взорвалась, рассыпаясь горячими осколками, и Элиза обмякла на кровати, балансируя на грани обморока и чувствуя, как пульсирующие волны блаженства медленно растекаются по телу.

Это было счастьем. Это было...

— Так, готово, — ночь, лампа, воспоминания скользнули прочь, энергичный женский голос смел их. Госпожа Аверна, декан факультета предвидения — Элиза как-то слышала, как она распекала одного из нерадивых студентов, и ей понравился ее голос. Таким бы петь где-нибудь на юге, под бархатным низким небом. Почему она здесь? — Анри, неси свое зелье!

Значит, и Анри здесь. Значит, скоро все кончится, она придет в себя, и счастливая ночь осеннего полнолуния больше не будет иметь над ней власти.

— Вот, пожалуйста! — Анри говорил с непривычной серьезностью. Ни малейшего следа светской беспечности, лишь холодное спокойствие ученого.

Какое-то время было тихо, а затем Оберон произнес каким-то чужим, неживым голосом:

— Зеленая. Она действительно из владыческой семьи.

Кто из владыческой семьи? Что происходит? Элиза попробовала открыть глаза, и тьма рассыпалась пестрыми пятнами и снова загустела мраком.

— Ну-ка, позвольте! — а это уже принц Жоан, он-то что тут делает? — Вот такой оттенок означает, что она максимально близка к престолу. Дочь или внучка правителя. Не какая-нибудь семиюродная племянница!

Он помолчал — Элиза чувствовала, что Жоан растерян — а потом добавил:

— Да, поэтому я так себя и вел в первые дни. Она-то уже приехала. Господи, я и предположить не мог, что рядом принцесса!

Принцесса? Кто? О ком они говорят?

Элиза вновь открыла глаза, и по зрачкам ударило болью, вышибая слезы. Но боль прошла почти сразу, и Элиза увидела, что лежит на кровати в спальне Оберона, серебряный поднос для шариков опустел, а чуть поодаль стоит целая компания. Госпожа Аверна держала в руке металлический шприц для забора крови, Анри хмуро смотрел в большой стакан с какой-то зеленой дрянью, а Жоан, который стоял рядом, со знанием дела говорил:

— Этот оттенок называется «королевский изумрудный». Когда меня так проверяли, то он был в точности таким же.

— Вас проверяли? — удивилась госпожа Аверна. Жоан хмуро кивнул.

— Да, мой король отец искал причину, чтобы лишить меня короны, — ответил он. — Даже решил, что я не его сын. Мама очень расстроилась тогда, плакала. Даже хотела уезжать.

Ко лбу прикоснулись прохладной тканью, и Элиза едва не вскрикнула от радости. Оберон, он был здесь, он просто стоял так, что она его не видела!

Теперь все будет хорошо. Теперь страх и тьма уйдут и не вернуться.

— Как ты себя чувствуешь? — негромко спросил Оберон.

— Лучше, — откликнулась Элиза. Туман отступал, голова была на удивление свежей. — Оберон, о ком вы все говорите? Кто принцесса?

Спальню накрыло тишиной, словно все сразу утратили дар речи. Оберон сел на край кровати, осторожно взял Элизу за руку и ответил:

— Ты.

Элиза с трудом удержала желание сунуть палец в ухо, чтобы проверить, хорошо ли она слышит. Может, сон продолжается? Оберон ведь не мог говорить такие вещи с таким серьезным, даже строгим лицом!

Да и она, Элиза, не могла быть принцессой. Ее мать, Анна, была внучкой старого мельника — когда она окончательно пришла в себя, отец начал искать ее семью и нашел в соседнем регионе. Никаких королевских кровей там и рядом не было.

Да и сам Эжен Леклер не имел никакого отношения к владыкам. Он получил дворянство только после Трехдневной войны, когда одним сокрушительным ударом принудил к миру княжество Моави.

— Господи, какие глупости! — Элиза даже сумела рассмеяться. — Моя мать внучка мельника, мой отец...

Она осеклась. Перед глазами мелькнул говорливый ручеек в горах, и голос лунной лисицы пропел: «Батюшка, батюшка носит корону. Мельника доченька носит его дитя... Я не была оборотнем, Элиза. Меня им сделали».

Элиза сжала руку Оберона, словно она была тем якорем, который не позволил бы ей рухнуть в безумие. В ночь осеннего полнолуния ее мать говорила с ней, она рассказала все, что могла.

Призраки и мертвецы никогда не говорят прямо.

— То есть... — прошептала Элиза. В голове шумело, слова комкались в горле, и тяжесть наполняла руки. — Как вы это узнали?

— Великая наука зельеварение, — ответил Анри и продемонстрировал свой стакан. — Ваша кровь, Элиза, вступила в реакцию с особой смесью, и по цвету стало ясно, что вы из владыческой семьи.

— У нас так определяют, — вставил Жоан. Сейчас он смотрел на Элизу с оценивающим любопытством, словно пытался понять, как именно может вывернуться эта ситуация и как можно извлечь из нее пользу.

— Я не верю, — Элиза сама не поняла, как села. Оберон подложил ей под спину несколько подушек и сказал:

— Конечно, это все очень странно. Но получается, что пророчество о тебе. Ты восстала из пепла и крови, когда я убил сгибельника. Ты оживила подземные реки, когда подошла к зеркалу Венфельда. Жоан так бесился в первые два дня потому, что ты была рядом — так на него влияет проклятие его семьи.

Он болезненно поморщился и закончил:

— И поэтому убили твоего отца и теперь пытаются убить тебя. Король Эдвард боится, что ты заберешь его корону.

— Да не нужна мне никакая корона! — воскликнула Элиза. По щекам потекли слезы, но она этого не заметила. В груди сделалось горячо и больно. — Моего отца убили... из-за какой-то короны? Моя мать пережила... такой ужас... из-за короны?

Слова вырывались жгучими брызгами, боль и обида пульсировали, не давая дышать. Жоан едва слышно охнул: кажется, у него в голове не укладывалось, как это кто-то может так говорить о короне, словно это какая-то невыразимая мерзость.

Оберон снова взял Элизу за руку, и тогда гнев и боль растаяли: она разрыдалась и уткнулась лбом в его плечо. Госпожа Аверна сориентировалась первой — она подтолкнула Анри и принца к выходу, и вся компания покинула спальню.

Элиза не знала, сколько времени провела вот так, в руках Оберона, который гладил ее по голове и повторял что-то тихое, успокаивающее. Снова пошел дождь — капли загрохотали по подоконнику. Все изменилось, все стало совсем другим.

— Не уходи, — только и смогла прошептать Элиза. — Оберон, не уходи. Не оставляй меня, пожалуйста.

Он тихо рассмеялся. Снова погладил ее по голове, и Элиза почувствовала, что ему сейчас тоже больно. Очень больно, невыносимо.

— Я здесь, — произнес Оберон. — Я никуда не уйду.

— Я не хочу быть принцессой, — Элизе казалось, что у нее в груди рана, глубокая и грязная, и слезы сейчас вымывают эту грязь, вычищают рану, освобождают. Скоро они кончатся, и тогда Элиза точно будет знать, что делать.

— Ты будешь той, кем захочешь, — ответил Оберон. — А я буду тебе помогать. Любой тебе. Потому

что я тебя люблю, Элиза. Не твою корону. Тебя. Любую.

Эти слова исцелили ее. Они не исправили того, что случилось, не вернули Элизе отца и мать, не заставили тех, кто охотился на нее, отречься от своих планов — но ей стало легче.

— И я тебя люблю, Оберон, — выдохнула она. — Люблю.

— Да, это несомненно повод для убийства.

Тьма за окнами была густой, плотной — до рассвета далеко, и Элизе казалось, что они с Обероном зависли вне времени. Можно быть вместе, держаться за руки и надеяться, что ничего плохого с ними не случится. Потом придет утро, надо будет жить дальше, но пока они могли просто быть рядом.

Их маленький мир был ограничен стенами спальни и светом лампы.

— Есть бумаги, которые подтверждают твоё происхождение, — произнес Оберон. Он выглядел спокойным, иногда даже улыбался, привычно и знакомо, и тогда Элизе становилось легче. — Твой отец знал о них и, возможно, показал Эдварду. Поэтому все его документы были сожжены перед убийством. Но Эдвард подозревает, что генерал мог что-то и припрятать — потому и послал Фила Два стакана на поиски.

Элиза чувствовала, что ее окунули в грязь. Ей никогда еще не было настолько мерзко, даже в тот день, когда она решила выставить на окно горшок со слаголистом. Отца убили из-за какой-то короны! Из-за власти! Да не нужны ей ни троны, ни короны, больше всего Элиза хотела, чтобы отец был жив, чтобы весь ее мир не рухнул с его смертью! А кто там займет престол — право же, это полная ерунда.

— Я не хочу быть королевой, — призналась Элиза, и пальцы Оберона дрогнули и сильнее сжали ее руку. Он улыбнулся очень светлой и беспечной улыбкой и поинтересовался:

— Это почему же?

Элиза удивленно посмотрела на него: говорит весело, но не шутит.

— Почему я должна хотеть? — ответила она вопросом на вопрос.

— Все хотят. Спроси своих новых приятельниц, Клер и Примроуз, хотят ли они быть королевами, — ответил Оберон. — Ответ немного предсказуем. Они бегом кинутся к трону, если у них будет даже призрачная возможность занять его.

— А я не хочу, — упрямо повторила Элиза. — Потому что... знаешь, Оберон, лучше я буду оборотнем в лесу, чем тем, кто убивает ради того, чтобы усесться на троне. Это неправильно. Это мерзко.

Оберон мягко погладил ее по щеке, и прикосновение отдалось в душе едва уловимым тихим звуком — так бывает, когда кто-то близкий разделяет твою боль. Элизе захотелось плакать.

— Почему отец не рассказал мне? — спросила она. — Я бы отговорила его идти к Эдварду. А ведь он наверняка пошел.

— И хорошо, что не сказал, — уже без улыбки откликнулся Оберон. — Тебя решили пощадить потому, что тогда ты ничего не знала. А две смерти подряд это уже очень подозрительно.

Элиза вспомнила, как Примроуз изогнулась дугой, исторгая свое пророчество, как ее скрюченные пальцы скребли по камням, ломая ногти. Великая владычица пришла на север — от этой мысли было одновременно тоскливо и больно. И меньше всего Элизе сейчас хотелось возвращать корону, которую у нее отняли.

Вести ту жизнь, к которой она уже успела привыкнуть: разбирать малую лабораторию Анри, любить Оберона, выйти за него замуж — разве ей хотелось так много?

— Давай сходим к зеркалу, — негромко попросила Элиза. — Может, оно покажет нам что-то еще?

Оберон кивнул.

Академия была погружена в непроглядный мрак. Элиза вспомнила, как бежала по этим коридорам за властным лунным зовом, и удивилась: тогда в ней не было страха, ни капли. А сейчас, несмотря на то, что Оберон уверенно шел рядом, Элизе было не по себе. Тьма сгущалась в углах и вдоль стен, и в этой тьме было что-то, следившее за Элизой с пристальной цепкостью: убить ее? Пощадить?

Она сильнее сжала руку Оберона, и тьма с усмешкой отвела взгляд: мол, поживи пока, лисичка. Я всегда успею сделать то, что сочту нужным.

— Что-то не так? — спросил Оберон. Он, судя по всему, не испытывал ни малейших неудобств.

— Как-то не по себе, — призналась Элиза, спускаясь рядом с ним по лестнице. Здесь тоже были погашены все лампы, и Элиза подумала: если мы здесь не упадем и не переломаем ноги, то это будет просто чудо.

— Я с тобой, — со спокойной твердостью ответил Оберон. — Тебе нечего бояться.

Когда Оберон открыл нужные двери, и в малой лаборатории вспыхнул свет, Элиза поняла, что ее знобит от страха. Они прошли к зеркалу, Оберон снял с него покрывало и сказал:

— Что ж, давай посмотрим, может, подземные реки потекут к нам. Должна же ты их оживить, если верить пророчеству.

Несколько минут в зеркале были лишь отражения их усталых посеревших лиц, и в какой-то момент Элиза с надеждой подумала, что зеркало ничего не покажет, что все то, что она видела в нем раньше, было лишь случайностью. Но потом их лица потемнели, и зеркало затянуло ледяной коркой — почти сразу же она растрескалась, и Элиза увидела незнакомый зал. Пламя камина едва разгоняло сумрак, играя на позолоте старых рам, и в одном из портретов Элиза рассмотрела короля Арнота, отца ее величества Раймунды. Окна были занавешены так плотно, что не пропускали дневной свет.

— ...так что здесь у меня документы, которые подтверждают права моей дочери на престол Сандарона, — голос отца звучал тяжело и властно, он так даже с прислугой не говорил. — Вы и ваша мать узурпаторы, ваше высочество, как ни больно мне это говорить.

«Почему я их не вижу? — подумала Элиза и растерянно повторила: — Узурпаторы... ваше высочество...»

— Значит, у вас есть документы, — прозвучал незнакомый молодой голос, и Элиза наконец-то увидела принца Эдварда — теперь уже короля. Облаченный в траур, с потемневшим от боли и гнева лицом, он был похож на призрак.

— Да, ваше высочество, — ответил отец. — Что еще важнее, у меня есть пятьдесят тысяч гвардейских штыков. И если вас не остановит ваше благоразумие, то это сделают они. Моя жена и дочь сильно пострадали от вашей семьи, и я готов пойти до конца.

Эдвард усмехнулся — болезненно, нервно. Он понимал, что генерал Леклер не блефует, и это понимание заставляло его сжимать и разжимать кулак.

— Что ж, — ухмылка снова искривила его рот, оттянула вправо, и Элиза испугалась, как бы его не хватил удар. «Не хватил, — тотчас же напомнила она себе. — Он жив и здоров, он приказал убить моего отца, а теперь охотится за мной».

В ней закипела ярость, застучала молоточками в висках.

— Меньше всего я хочу крови, — продолжал Эдвард. — Завтра я объявлю о том, что сандаронский трон занимает моя кузина, законная наследница короля Арнота. Взамен вы...

Зеркало снова покрылось изморозью. Когда она растеклась по стеклу серебряными каплями, то Элиза увидела Оберона и какую-то незнакомую девушку рядом с ним.

«Это же я, — подумала она, вглядываясь в помертвевшее лицо. — Я, Элиза, внучка Арнота...»

Пол дрогнул под ногами. Оберон успел подхватить Элизу, не давая ей упасть — она уткнулась лицом в его грудь и попросила: заплакать, снова заплакать, выплеснуть все это...

И в тот же миг Элиза поняла, что больше не будет плакать. Нет. Ей стало ясно, что делать дальше — и Элиза поклялась памятью родителей, что пойдет по этому пути до конца.

«Оберон, прости меня», — подумала она и едва слышно сказала:

— Вот, значит, как все это было. Моя мать — дочь короля Арнота, незаконная дочь.

Оберон кивнул. Погладил ее по волосам, и Элиза с пугающей ясностью поняла, что теряет его — сейчас, в эту минуту. Потому что после того, что она сделает, они уже не будут вместе. Никогда.

— Помнишь, что ты сказала, когда узнала, что я убил Женевьев? — голос Оберона дрогнул. — Что тогда она уже не была собой. Кто бы ни был твоим дедом, ты всегда будешь Элизой. Доброй,

хорошей, честной девушкой. Помни о том, кто ты. Помни.

Элиза смогла лишь кивнуть. Невидимая рука легла на ее шею, стиснула пальцы.

А в ушах так и звучало: добрая, хорошая, честная.

Оберон и сам не знал, что понесло его в лабораторию — вроде бы понадобилась какая-то мелочь, чтобы показать студентам, но потом он, хоть убей, не мог вспомнить, какая именно. Дверь была не заперта, значит, Элиза работала; Оберон сделал несколько шагов, маневрируя между коробками с перьями и связками сухих трав, и услышал голоса, доносившиеся из пыльных глубин лаборатории.

— Скажу сразу, мое предложение имеет исключительно деловой характер, — принц Жоан говорил очень серьезно, должно быть, тем тоном, которым он общался со своими сподвижниками на родине. Какого дьявола ему тут понадобилось?

Оберон невольно стал двигаться тише, словно шел не по лаборатории, а по болоту, и на него в любой момент мог броситься глубинный выползень.

— Даже не знаю, ваше высочество, как я могу вам помочь, — голос Элизы прозвучал устало. Конечно, она вымоталась за эти дни, ей бы полежать, прийти в себя. А она пошла работать.

Впрочем, иногда именно труд помогает отвлечься от тягостных мыслей. А узнать, что твоя тетка и двоюродный брат загубили твою семью — да, в этом приятного мало.

Оберон и сам бы посоветовал Элизе заняться чем-то полезным. Просто переключить разум.

— Я предлагаю вам выйти за меня замуж, — прежним строгим тоном произнес Жоан, и Оберон вовремя удержался, чтоб не споткнуться об одну из коробок, предательски торчавшую из-за стола.

Замуж? Он совсем разума лишился, этот ссыльный щеголь? И ведь говорит серьезно, ни капли веселья в нем сейчас не было.

Элиза даже рассмеялась.

— Замуж? — переспросила она так, словно говорила с безумцем. — Жоан, вы шутите!

— Почему же?

Смех Элизы сделался натянутым и нервным. Должно быть, принц и подумать не мог, что на его предложение могут ответить вот так. Всем девушкам, которым принц говорит волшебное слово «замуж», полагается падать в обморок от такого невероятного счастья.

Дрянь какая, а. Хотя почему, собственно, дрянь? Просто молодой человек, который не упускает возможность. Ему хочется воплотить свои идеи и надежды в жизнь — вот он и стремится к этому.

— Потому что мы с вами почти не знакомы, — холодно ответила Элиза. В этой части лаборатории было невероятно пыльно, и Оберон с трудом подавил нарастающее желание чихнуть. Это было бы совсем водевильно. Незадачливый жених подслушивает, как принц делает предложение его невесте.

— Ну и что? Познакомимся, у нас для этого будет вся жизнь, — Оберон услышал шаги: принц снова принялся ходить туда-сюда по лаборатории. — Знаете, это обычное дело в правящих семьях. Люди женятся и выходят замуж за тех, кого им выберут родители. При этом они исходят из нужд и выгод государства, а не из чувств детей. Хорошо, если перед свадьбой хотя бы покажут портрет. А мой отец увидел мать как раз на свадьбе. Он боялся, что невеста будет дурнушкой, и потом очень обрадовался...

Голос принца дрогнул. Волновался, надо же. Оберону захотелось взять нахального юнца за шиворот, разложить на лавке и задать ему розог, да так, чтобы он потом сидеть не мог. Иногда розги отлично добавляют ума в пустую голову.

— Я предлагаю вам династический брак, Элиза, — продолжал Жоан. — Мы объединим две наши страны в одну. Когда-то Абарин и Сандарон уже были едины, и мы с вами в каком-то смысле вернемся к золотому веку. И сделаем его действительно золотым. Не под ружьями наших войск и страхом, а под властью просвещенного разума и свободы.

Шаги принца сделались звонче, чеканнее. Оберон почти услышал звонкий грохот армейских сапог по брусчатке. Куда принц Жоан хотел отправить соединенную армию?

Похоже, Элиза слушала его, оторопев и боясь прерывать — сумасшедшие бывают агрессивны, а

такие вещи мог говорить только безумец. Абарин и Сандарон единое государство? Впрочем, почему бы и нет? Новая страна займет половину материка, от северных льдов до южных морей, а государь-реформаторы поднимут ее до немыслимых высот.

Нет, это бред. Такое могло прийти только в голову Жоану, обиженному на весь белый свет.

— Вы не пустоголовая светская бабочка, Элиза, — продолжал Жоан с такой проникновенной искренностью, что у Оберона засвербило в носу. Нет, этот безумный мечтатель действительно умел впечатлять! — Вы, внучка мельника, понимаете, какова на самом деле жизнь тех, кого обычно никто не замечает. Неужели вам никогда не хотелось изменить эту жизнь к лучшему? Протянуть руку тем, кто мог получить от высшего сословия только плети?

Элиза не ответила. Оберон подумал, что Жоан движется в правильном направлении. Такие добрые девочки, как Элиза, всегда готовы помочь несчастным и облагодетельствовать бедных. К тому же, если у них есть алмазы и горячее сердце.

— Я законный наследник своего отца. Вы внучка вашего деда...

— Стойте! — оборвала его Элиза; Оберон почти увидел, как она вскидывает руку, приказывая принцу замолчать. — У меня нет никаких доказательств! Та склянка с зеленой жидкостью ничего не значит, как и то, что было в зеркале! Нужны бумаги, нужны документы, а у меня их нет. Для всего мира я лишь дочь опозоренного генерала, не больше! — она сделала паузу и тихо добавила: — Советую вам думать так же.

«Все правильно, — подумал Оберон. — С такими притязаниями ее просто поднимут на смех».

— И я обручена с Обероном, — припечатала Элиза. — Я люблю его и не представляю, что стану женой другого человека. Для меня это... — она замялась, подбирая нужное слово. — Дико.

Жоан усмехнулся.

— Вы, должно быть, неправильно меня поняли, — мягко сказал он. — Я не требую от вас нежных чувств. Мне вы нужны не как красавица в постели, а как единомышленник, человек, с которым мы пойдем вместе, одной дорогой. Поверьте, Элиза, я не покушаюсь ни на ваше сердце, ни на ваше тело. Я не настаиваю на том, чтобы разделять с вами ложе.

Тут Оберону захотелось засмеяться в голос. А кому же он тогда передаст корону своего королевства? Или признает детей, которые родятся у его жены от декана факультета темной магии? Ну шуткарь, ну фокусник!

Папаше Висену не надо было придумывать каких-то особенных оснований, чтобы выбросить сына из числа претендентов на престол. Сын у него уродился дурачком, ничего не поделаешь. Такие вещи может говорить только дурачок.

— Вы любите господина Ренара? Вот и замечательно! Потому что...

— Вы безумец, — выдохнула Элиза. — Циничный дерзкий безумец.

— Безумцы правят миром, дорогая Элиза. Безумцы изменяют его дорогу и направляют вперед. Давайте побезумствуем вместе, все вместе, — горячо и нетерпеливо предложил принц. — Этих алмазов нам хватит для того, чтобы построить новый мир, наш новый мир. Без свободы нет счастья, так мы дадим людям свободу — свободу и справедливость, без предательства и вероломства. Мы сможем, Элиза!

Оберон вздохнул и решил, что слишком долго слушал эти восторженные бредни. Пришла пора выйти из-за кулис на сцену.

— Насколько я помню, ваше высочество, у вас сейчас должна быть практика по боевой магии, — звонко произнес он, выходя из-за коробок. От неожиданности принц вздрогнул и шарахнулся от Элизы так, словно ему дали хорошего пинка. — А в боевой магии вы полный профан, и вам из жалости ставят самые низкие баллы, а не отправляют на пересдачи. Я прав?

Невозможно было удержаться от шпильки в адрес самозванного соперника. Оберон ожидал, что Жоан хмуро выслушает его, смиренно опустив глаза, однако принц, наоборот, дерзко вскинул голову и заявил:

— А подслушивать — это низко!

— Я табуретку взял, чтобы повыше было, — прорычал Оберон. — Низко — это соблазнять дурными посулами чужую невесту.

Элиза невольно сделала шаг назад. Оберон заметил, как она побледнела, как испуг наполнил ее

взгляд.

— Оберон, я... — начала было она, словно боялась, что он не слышал их разговор и все не так понял.

— Пока девушка не замужем, посвататься к ней может любой, — парировал Жоан с гордым видом задетой добродетели. — К тому же, я объяснил, каким именно будет наш брак. Союз двух разумных людей, которые желают блага миру, — он устало усмехнулся. — И ваша любовь здесь никому не помешает.

Когда-то отец говорил, видя особенную глупость: «А ты возьми, да и пропиши ему промеж ушей, как следует, всю дурь-то как рукой снимет». Отец был очень простым человеком и методы выбирал такие же, простые и действенные. Оберон никогда не дрался из-за девушки, но тут вдруг рука двинулась вперед сама, и принц сдавленно вскрикнул и покатился по полу, сбивая собой коробки и ящички и с воем зажимая разбитый нос.

Вот чем кончаются мечты о счастье для всех и даром — расквашенной физиономией.

Элиза вскрикнула, отшатнулась, и Оберон запоздало подумал, что сейчас она бросится к раненому принцу, будет жалеть его и постепенно проникнется к нему теплыми чувствами. Вот и то, чего так боялся Оберон, подобное притянется к подобному. И он создал это притяжение своими руками.

Однако Элиза лишь ахнула, но не сделала и шага в сторону Жоана, и Оберону сделалось легче. Пусть немного, но легче.

— Подберите сопли, ваше высочество, — сухо посоветовал Оберон. Он понимал, что выглядит полным идиотом, но уже не мог остановиться. Его понесло. Жоан поднялся с пола, ощупывая нос, и во взгляде его была такая ярость, что Оберон невольно подумал: вот теперь точно надо готовиться к дуэли. Принц этого не забудет и не простит.

— Еще раз заговоришь о таком с моей невестой и уже не отделаешься разбитым носом, — пообещал Оберон. — А теперь шагай на занятия и занимайся хорошо.

Принц исчез так, словно все-таки владел магией. Только что был здесь — и уже пропал, только топот оседает эхом.

Оберону стало холодно. Он ведь не сможет удержать Элизу. Однажды она уйдет за тем, что принадлежит ей по праву — это сейчас можно отказываться от короны, потом она привыкнет к мысли о том, кем является на самом деле, и покинет академию. Ее не удержать, как ни пытайся.

Великая владычица вернет себе то, что у нее отобрали. Пророчество Примроуз сбудется.

«Если она сейчас скажет, что я...» — подумал Оберон и угрюмо посмотрел на Элизу. Что ж, говори, что я злобный и ревнивый идиот, и что так нельзя.

Но она ничего не сказала — просто подошла к Оберону, взяла его за руку и уткнулась лбом в плечо. И если бы Оберон знал, что это последние минуты, которые они проведут в академии вместе, то никогда бы не выпустил ее теплые пальцы. Поперек порога бы лег, а не дал ей уйти.

Только он не знал.

Глава 10. Внучка мельника

Когда Элиза добралась до вокзала, то часы на кирпичной башенке пробили одиннадцать. Расплатившись с возницей и подойдя к доске с расписанием, она подумала, что у Оберона сейчас должен начинаться урок у второго курса, и парни в сером рассаживались за столами в лектории и открывали тетради, готовясь записывать новую тему. Оберон наверняка думает, что Элиза в малой лаборатории, там, где они расстались. Надо же, заклинание, которое соединяло их, рассыпалось, а они все равно старались держаться как можно ближе друг к другу.

И Оберон не знал, что Элиза схватила заранее приготовленную сумку с вещами и выскользнула из замка сразу же, как только он ушел в свой кабинет.

«Надо было ему рассказать, — с запоздалым сожалением подумала Элиза и тотчас же добавила: — Нет. Есть вещи, которые нужно сделать самой. Не втягивая в них других людей».

Оберону и без того хватило неприятностей по ее милости. Он много раз спасал ее жизнь — пришла пора ответить добром за добро. Элиза вспомнила о маленьком Пайпере, который наверняка будет тосковать по хозяйке, искать ее и не находить — она ведь его бросила, это так! — и сердце снова стиснула боль.

«Я вернусь», — пообещала она, понимая, что, скорее всего, уже не вернется.

«Когда отправляешься на последнее сражение, верь, что победишь, — говорил отец. — И не забывай, что можешь погибнуть. Главное, чтобы дело было сделано».

Она пообещала ему, что справится. И понимала, что этого может не случиться.

Неподалеку от кассы Элиза увидела открытую дверь, над которой красовалась надпись «Меняльный угол». Дождавшись, когда из каморки выйдет господин прежде благородной, а теперь весьма потертой наружности, Элиза скользнула внутрь и закрыла за собой дверь.

Меняла, сидевший за стойкой, был чем-то похож на большого таракана с рыжими усами и сверкающей лысиной, который устроился в темном углу и превратил его в свое царство. Чего тут только не было! Среди того бумажного, тряпчатого, металлического хлама, который никогда не нашел бы своего покупателя, Элиза заметила аккуратную бархатную стойку с золотыми цепочками и обручальными кольцами и поняла, что попала по адресу.

— Чего угодно миледи? — сипло поинтересовался меняла. Элиза подошла к стойке, вынула из кармашка грязно-желтый алмаз размером с ноготь на большом пальце и, положив его на стойку, осведомилась:

— Сколько вы дадите за это?

Меняла опустил увеличительное стекло со лба на правый глаз и принялся крутить алмаз в коротких пальцах, хмурясь и что-то невнятно бормоча себе под нос. Элиза подумала, что сейчас она будто бы попала в роман о пиратах и контрабандистах и стала отважной искательницей приключений, которая торгует сокровищами из клада великого султана. Для полноты картины меняле следовало бы иметь грязные и обкусанные ногти, но его руки были чистыми и аккуратными.

— За это я дам вам... — он нырнул под стойку и, вынув небольшой саквояж, прыгнул со стула и поковылял с ним куда-то за завалы барахла. Элиза услышала, как защелкнулся замок сейфа, и что-то зашелестело. Вскоре меняла вернулся, и Элиза увидела, что саквояж наполнен пачками купюр. Королева Раймунда смотрела с них презрительно и величаво.

— За это я дам вам пятьдесят тысяч крон, — сказал меняла и придвинул саквояж к Элизе. Потом смерил ее уже не оценивающим, а сочувствующим взглядом, и посоветовал: — Послушайте старого Гиршема, миледи, защелкните замочки и не открывайте, пока не приедете. А еще такие камушки есть?

— Нет, — коротко ответила Элиза, подхватила чемодан и быстрым шагом покинула меняльный угол.

Рядом с вокзалом был и банк — здесь Элиза провела полчаса, открывая счет. Путешествовать с чековой книжкой, а не с саквояжем, набитым деньгами, ей казалось разумнее. Когда унылый клерк в клетчатом сюртуке и со здоровенным прыщом на носу принялся пересчитывать деньги, Элизу вдруг пронзило стрелой ужаса: а вдруг они фальшивые? Что она тогда будет делать, пойдет обратно в академию пешком? Это если клерк не вызовет полицию, чтобы сцапать фальшивомонетчицу... Но клерк собрал пачки купюр, глядя на Элизу с нескрываемым любопытством, и вскоре у нее в руках уже была чековая книжка и кошелек с деньгами на мелкие расходы.

— Редко у нас такие знатные барыни бывают, — сообщил клерк, когда Элиза поставила последнюю

подпись в банковских бумагах. — Вы это, вы не из академии ли часом?

— Из академии, — ответила Элиза. Откуда бы еще ей быть?

Оберон сейчас читает лекцию об охоте на болотных трупников — готовился к ней с утра. Элиза подумала о нем с болью. Со временем Оберон простит ее, обязательно простит. Элизе хотелось на это надеяться. Со временем у него будет совсем другая, счастливая жизнь, пусть и без нее.

Но она больше не может подставлять под удар его и академию.

Они уже не увидятся. Когда Элиза окончательно это поняла, то ей сделалось настолько тоскливо, что она едва сдержала стон.

Элиза знала, что не вернется.

Билет в Заболотские пустоши обошелся Элизе в четверть кроны — вагон первого класса, день в пути, прибытие завтра после обеда. Когда показался поезд, то Элиза обернулась на рыжие склоны гор и высоко впереди увидела замок академии.

Тоска обняла ее за плечи. День был солнечным, красным, золотым, день был наполнен сладостью яблок и горечью опавшей листвы, день звенел и пел, и Оберон в замке еще не знал, что сегодня они расстались навсегда. Он рассказывал студентам о том, как охотиться на порождения тьмы и думал, должно быть, что они с Элизой пойдут обедать в яблоневый сад. Погода хорошая, незачем сидеть в комнатах...

Он поймет. Он обязательно поймет, что у Элизы не было другого выхода. Прятаться, как мышь под венником, жить в постоянном страхе, что люди короля придут за ними, рисковать жизнью любимого человека — нет, Элиза не хотела такого для Оберона.

Это была ее судьба и ее история. Сейчас Элиза твердо знала, как сможет ее закончить.

Оставалось надеяться, что она успеет это сделать так, как задумала. Что у нее хватит сил, и та книга, которую Элиза нашла в залежах малой лаборатории, ей в этом поможет.

- Миледи?

Элиза вздрогнула, обернулась. Проводник в темно-синей форме уже приставил лесенку к вагону и смотрел на Элизу с угодливой улыбкой.

— Ваш билет, миледи?

Элиза протянула ему полоску плотной бумаги и снова оглянулась в сторону замка — отсюда он был маленьким и уже не той нелепой громадиной, которая предстала перед Элизой в первый ее день на севере, а воздушным и легким призраком, что не верит в наступление зимы и готов вечно гореть в рыжем костре осени.

Элиза вздохнула и поднялась по ступенькам в вагон.

Долгие проводы — лишние слезы.

— Болотные трупники цепенеют от чистого железа. Поэтому...

Понимание ударило Оберона, схватило за плечи, встряхнуло: он неожиданно обнаружил, что Элизы нет в замке.

Магу не надо видеть человека или слышать его, чтобы понять, где он: маги ловят едва заметные колебания общего поля — и сейчас они говорили, что Элиза покинула академию.

Оберон почувствовал, как немеют губы. Ушла? Да, ушла. Он механически опустил указку на подставку у доски и скользнул разумом по академии — все были на месте, и студенты в лекториях, и Акима в кабинете, и домовые в тайных ходах, проложенных в стенах. Элизы не было. Она ушла.

Где-то далеко-далеко плакал покинутый Пайпер.

Тихие звуки аудитории — перелистывание страниц в тетрадах, скрип стульев, дыхание — застыли, как вода в декабрьском ручье. Студенты неотрывно смотрели на Оберона, не понимая, что с ним произошло. А он перевел взгляд в окно и там, в далеком осеннем золоте, увидел, как вспыхнула и погасла рыжая лисья звезда.

Элиза садилась в поезд.

— Занятие окончено, — пробормотал Оберон. Тишина в кабинете, кажется, стала еще глубже. — К следующему уроку прочтите пятую и шестую главу Иш-наранзони.

Сейчас он и сам не знал, когда у второго курса будет следующий урок — и будет ли вообще.

Спустя четверть часа Оберон в полной охотничьей выкладке спускался по дороге к вокзалу. За эти четверть часа он успел собраться, быстро поговорить с Акимой и с руганью и угрозами выбить из него часть алмазов и внеплановый академический отпуск.

— Немыслимо! — возопил Акима, когда Оберон вышел из кабинета и загрохотал сапогами по лестнице. — И это самое начало учебного года! Где я сейчас найду вам замену? Вот где? Подумать только, какая невыносимая дерзость! В конце концов, решайте свои семейные проблемы после работы!

Он предусмотрительно прокричал все это после того, как Оберон уже ушел и не стал бы возвращаться. Акима никогда не сказал бы такого ему в лицо.

Тонкая лента запаха Элизы мягко плыла в воздухе, то переплетаясь с ароматом яблок, то ныряя под сухую листву придорожных лип — Оберон ловил ее и отчаянно, словно Элиза могла его услышать и ответить, повторял про себя: ну почему ты ушла, почему вот так, почему?

Он и сам прекрасно понимал, почему. Потому что если Элиза сказала бы, что покидает академию, он не отпустил бы ее. Действительно лег бы поперек выхода и схватил за ногу. Но неужели она не понимает?

Элиза все прекрасно понимала. Сейчас, когда академия осталась позади, и следы девушки четко проявились в магическом поле, Оберон видел, что именно ею двигало — это было настолько благородно и наивно, что ему хотелось рассмеяться в голос. Она решила уйти, чтобы больше не подвергать его опасности, и теперь, зная о своем происхождении, Элиза задумала что-то еще.

Кассир на станции сообщил, что поезд на Заболотские пустоши отошел буквально десять минут назад. Оберон даже стукнул кулаком по стойке кассы — дьявольщина, какая досада! Не успел, идиот! Надо было не учить таких же кретинов, а слушать, что делает его женщина, особенно после такой пылкой беседы с принцем!

И не быть ревнивым идиотом, который на несколько мгновений допустил возможность того, что Элиза может и поддаться на пылкие уговоры радетеля за судьбы людские. Ревность ослепляет, пора бы это знать.

— Вы, господин декан, не переживайте, — посоветовал кассир, пошелестев каким-то журналом в синем переплете. Когда-то его дочь училась в академии, потом уехала в Кереврен, и кассир всегда низко кланялся Оберону, когда видел его на станции. — Через полчаса придет экспресс до Хаканвира, у них с заболотским одна большая стоянка в Эбро. Успеете пересесть.

Оберон вздохнул с облегчением, и кассир оторвал билет.

— Вы еще к Гиршему загляните, — посоветовал он и, высунувшись из окошка, ткнул пальцем в сторону меняльного угла. — Я видел, как миледи в его каморку зашла.

Разумеется. Денег для путешествия у Элизы не было, и она решила что-то продать. Возможно, какой-то пустяк, который захватила из малой лаборатории: магические вещицы, пусть даже не работающие, иногда находят своих покупателей среди любителей курьезов.

Подойдя к меняльному углу, Оберон невольно насторожился — оттуда так и веяло неприятностями. У менялы кто-то был; прислушавшись, Оберон уловил:

— ...швырса принесла. Откуда у нее, я не шванкаю.

Швырсами в местах, где привык гулять Фил Два Стакана, называли благородных барышень. Значит, Элиза действительно что-то продала. Послышалась ухмылка.

— А ты бы шванканул, шнырь. Сколько отслонявил ей?

— Пятьдесят. Там по-хорошему все двести, но откуда б ей в таком скандраваться. Я бакавану треканул, он скляшку зажменил.

— И что, куда она потом зарылась?

— Пошла к бабырям. Тут это, шкаляга прошла, что у мажья большой прибыток. Скляшки — корзинами поднимают. Может, пощупать их за мягкое?

— А это уже не по твоей масти рассуждать.

Оберон прикрыл глаза. Все, что нужно, он уже узнал. Захватив из академии не просто пустяк, который ничего не стоит, а один из алмазов, Элиза продала его в меняльной лавке. Потом она благообразно отнесла деньги в банк — мысленно Оберон похвалил ее за это.

То, что об алмазах, найденных на территории академии, уже знали, Оберона не удивило. У тех, кто держит такие вот меняльные углы, очень острый нюх на деньги. Отойдя в сторону досок с расписанием, Оберон подумал, не зайти ли в банк? Впрочем, что он там может узнать...

Спустя пару минут из меняльного угла выскользнул человек самой непритязательной наружности. Мятая шляпа, истертый сюртук явно с чужого плеча и штаны заплата на заплате — это был Жак-Звонарь, Оберон видел его пару раз в поселке в четверти мили к северу. То-то голос показался знакомым! Увидев Оберона и поняв, что тот смотрит прямо на него, Звонарь приподнял шляпу и поклонился:

— Здрав будь, охотник! Дело пытаешь, аль от дела лытаешь?

— И тебе не хворать, Звонарь, — в такт откликнулся Оберон. — Тебе какой интерес до моих дел?

Звонарь подошел поближе и негромко ответил, на чистейшем литературном языке и без следа дурашливости:

— Здесь за несколько минут до тебя появился некий господин, который очень интересовался тем, куда поехала невеста декана факультета темной магии. Два поезда сразу уходило, он не разобрался. Кассир сказал, что эту информацию сообщает только полиции или родственникам, на что господин ответил, что он послан ее братом. Но посланник брата это не сам брат, так что пришлось ему разворачиваться ни с чем.

Оберону показалось, что кто-то провел по его позвоночнику ледяным пальцем. Такое же чувство у него появлялось во время охоты, когда удавалось разминуться с кем-нибудь вроде горного барбака, способного выпустить человеку кишки одним ударом когтистой лапы.

Элизе очень повезло. Оставалось надеяться, что Оберон успеет перехватить ее в Эбро.

Эдварду не сиделось на троне, пока Элиза была жива. Господи Боже, зачем она отправилась куда-то без Оберона, без защиты и помощи, в одиночку! Пока ей везет, но сколько продлится это везение?

— А до этого миледи зашла в наш ломбард, — продолжал Звонарь и мотнул головой в сторону меняльного угла. — И продала там необработанный алмаз, с нашей выгодой, разумеется. Естественно, мы все сразу же заинтересовались ее родней и посланниками этой родни.

Оберон усмехнулся.

— И где же сейчас этот посланник? — поинтересовался он, прекрасно зная, что тот не ушел отсюда своими ногами.

Щербатая улыбка Звонаря была просто очаровательной.

— Один мой приятель уложил его отдохнуть, — ответил он. — Там, возле спуска. Найдут его через часок-другой. Извини, конечно, что мы так с твоей якобы родней и ее слугами, но уж очень стало неприятно, что он тоже тут толчется и вынюхивает. Сам понимаешь, у вас интерес, у нас интерес, полиция и управа постоянно жалом водят, все смотрят, не видать ли где барыша, а тут еще и новые лица замаячили. Да и к тому же, — Звонарь усмехнулся и потер грязное пятно на носу, — у генерала Леклер сыновей не было. Мы тут газеты не только на подтирку используем.

— Я не в обиде, легкой тебе ноги, — произнес Оберон старое воровское пожелание, и Звонарь снова осклабился.

— И тебе не хворать, охотник, — ответил он, снова приподняв шляпу.

На том и разошлись. Звонарь скользнул в боковой выход с вокзала и пошел по дорожке в сторону поселка. Оберон вышел на перрон, сел на лавку — скоро придет его поезд, скоро он перехватит Элизу.

Оставалось немного.

Еще ни один оборотень не уходил от Оберона Ренара.

Эбро был крупным транспортным узлом с огромным гулким зданием вокзала и несколькими перронами, здесь на стоянке было одновременно пять поездов, и Оберон добежал до нужного вагона практически в последнюю минуту — угрюмый кондуктор убирал лесенку и готовился

запирать дверь. Уже почти стемнело, недавно прошел дождь, и свет фонарей размазывался по мокрой брусчатке, словно следы оборотня. Входя в коридор вагона первого класса, Оберон невольно дернул носом, поймал лисий запах, и ему сразу же сделалось легче.

Элиза была жива. Их преследователи, возможно, уже обнаружили мертвеца возле северного вокзала, но пока у Оберона и Элизы еще было время. Пока отрапортуют руководству, пока решат, что делать дальше — они успеют добраться в Заболотье.

Проводник открыл дверь купе, поклонился, ожидая чаевые. Оберон прошел мимо него, и тот мрачно посмотрел вслед: тоже, знатные баре, едут первым классом, а кроны жалеют доброму человеку. Оберон сел на диванчик и, глядя в окно на то, как вокзальные полицейские лениво мутузят какого-то оборванца, подумал, что Элиза сейчас в соседнем купе, за стеной.

Он прислушался, но ничего не услышал. Элиза сидела тихо, как мышка, Оберон чувствовал ее тихий запах и надеялся, что она заперлась изнутри. Когда поезд мягко качнулся и неспешно поплыл вдоль перрона, Оберон легонько стукнул в стену.

Тишина. Потом Оберон уловил едва слышный вздох.

— Ну неужели ты думала, что сможешь от меня сбежать? — негромко сказал он и сунулся в свой рюкзак. В его недрах было много интересных вещиц, и одна из них — универсальная отмычка. Оберон выглянул в коридор — никого. В мягком сиянии ламп вагон казался каким-то неживым, но Оберон уловил негромкие голоса в одном из купе. Компания выпивох; он повел носом, ловя малейшие изменения в магическом поле — никакой опасности. Просто господа, которые едут по своим делам и скрашивают дорогу приятной беседой и хорошей выпивкой и закуской.

Он бесшумно прошел к отнорку проводника, заглянул — тот сидел, уткнувшись в газету с крестословицами, вписывал буквы в клетки, высунув язык от усердия. Оберон понимающе кивнул и двинулся к двери в купе Элизы.

Отмычка сработала легко и мягко, послышался негромкий щелчок, и дверь поплыла в сторону. Оберон скользнул в теплый полумрак купе, и на него тотчас же обрушилось что-то тяжелое и душное, а в следующий момент его весьма ощутимо ударили по печени маленьким крепким кулачком, и ледяной голос Элизы произнес:

— Только дернись, тварь.

Оберону захотелось рассмеяться. Элизу так просто не возьмешь! Понимая, что за ней могут прийти, она сидела в засаде с одеялом. Набросить это одеяло на взломщика, сбив его с толку, ударить, а далее действовать по ситуации. Допустим, заорать — проводник примчится на помощь, да и те выпивохи просто так сидеть не будут. Чем хмельнее человек, тем сильнее его тянет на приключения.

Оберон с искренней радостью подумал, что обращение все-таки изменило Элизу — обращение и правда, которую она узнала о себе. Теперь она готова была сражаться, и это ему нравилось.

— Не убивайте, миледи! — рассмеялся он. — Смилуйтесь над несчастным охотником! — и добавил уже серьезнее: — Это я, Оберон.

Элиза ахнула. Оберон сбросил одеяло и порывистым движением обнял ее — жива, здорова, с ней все в порядке. Эти часы она провела в купе, готовясь к встрече незваных гостей и, возможно, даже спать не собиралась.

— Оберон... — всхлипнула Элиза. Ее лицо было горячим и влажным. — Как ты здесь... — и, встрепенувшись, торопливо прошептала, словно по-детски боялась, что он будет ругать ее: — Я все объясню.

— Ну неужели ты думала, что есть оборотень, который может от меня убежать? — улыбнулся Оберон: отстранил Элизу, посмотрел ей в глаза и снова прижал к себе. Элиза всхлипнула, поезд шел все быстрее, и Оберону казалось, что он готов ехать вот так вечно: в сумраке купе, с любимой женщиной в руках.

Вот оно, счастье. Держи, не упускай.

— Я все объясню, — повторила Элиза. — Понимаешь...

— Да понимаю, — улыбнулся Оберон. — Ты решила держаться от меня подальше, чтобы очередной Фил Два Стакана не проломил мне голову. Потому что пока мы рядом, академию не оставят в покое. А если твой кузен стукнется с папашей нашего принца, то с них станет сбрасывать на нас что-нибудь вроде Шара Божьего гнева. Какая академия, там и пыли не останется...

Про Шар Божьего гнева он читал на первом курсе, и сама мысль о существовании такого магического оружия приводила Оберона в ужас. Когда-то самые опытные маги соединились в цепь, создали колоссальный ступок энергии и отправили его на один из необитаемых островов в Аранзонском море. После взрыва на когда-то цветущем острове не осталось ни следа живого. Почва выгорела до минерального слоя.

Элиза не знала об этом, но все равно поехала. Название звучало впечатляюще, и у Эдварда и Висена будут и деньги, и желание, чтобы окончательно избавиться от проблем. Потом всем объяснят, что маги академии готовили, допустим, прорыв порождений тьмы, и мерзавцев, которые собирались уничтожить весь мир и царствовать на его развалинах, следовало остановить самым надежным образом.

И им поверят. Даже поблагодарят. Убийцу чудовищ всегда благодарят, Оберон это знал на собственном опыте.

— Только ты не подумала об одной простой вещи, — сказал Оберон. Из коридора послышался шум — он выглянул и увидел, что один из выпивох, покачиваясь, пошел в сторону туалетов. — О том, что я никуда тебя не отпускаю одну. Мы погибнем вместе и выживем тоже вместе.

Он подумал, не рассказать ли о том, что на вокзале Элиза чудом разминулась с посланником Эдварда. Если бы не Жак-Звонарь с приятелями, которым не понравились конкуренты в охоте на алмазы, ее уже бы вычислили и поймали. А так, возможно, у Эдварда есть информация о том, что Оберон и Элиза покинули академию, но вот куда они отправились?

Оберон подумал, что надо будет отправить сообщение Акиме. Пусть усилит охрану замка. Впрочем, Акима и без него трепетал над алмазами, как квочка над цыплятами.

— Я не хочу погибать, — ответила Элиза, и ее голос прозвучал решительно и твердо. — Я хочу выжить и все это закончить.

Оберон кивнул и, быстро сходя в свое купе за рюкзаком, устроился на одном из диванчиков и сказал:

— Я подозреваю, что у тебя даже есть план. Поделишься?

Элиза села рядом, подобрала ноги, и прильнула к Оберону, завладев его рукой. Он снова подумал: вот бы так ехать и ехать, чтобы были только она и я, и никого больше не надо.

— Куда мы едем? — спросил Оберон. — Что там, в Заболотье?

— Там живет мой дедушка, — ответила Элиза. — Мельник, отец моей мамы. Он уже совсем старенький... Но если кто и скажет мне правду о маме, то это он.

Оберону показалось, что с этими словами что-то окаменело в Элизе, словно она так боялась заглядывать в прошлое, что и дышать не могла. Он сел поудобнее, обнял ее и поинтересовался:

— А потом?

— Потом... — эхом откликнулась Элиза и вдруг сказала: — Знаешь, до того, как поставить сластелист, я думала: да пропади оно все пропадом, я уеду в Заболотье. К деду. А потом поняла, что не смогу там жить. Я не справлюсь с крестьянским трудом, а мои переводы там никому не нужны. Какая разница, где умирать? А потом появился ты, и все изменилось.

Поезд летел среди осенних полей, и Оберону иногда казалось, что он видит едва уловимые призрачные тени, скользящие над сжатыми нивами — плясали травяные духи, прощались с летом, готовились рухнуть под землю и заснуть до весны. Потом поезд с головой нырнул в леса, и в купе становилось темно и неуютно.

Кто там смотрит на них из-за древесных стволов? Кто видит в них добычу? Кто прикидывает, стоит ли прыгнуть на крышу вагона и проверить, откроется ли окно?

«Впереди зима, — вдруг подумалось Оберону. — Хочется верить, что мы встретим ее живыми».

Он провел ладонью по воздуху, и в купе на мгновение сгустился серебристый туман. Защитное заклинание окутало его — никто не смог бы войти сюда без приглашения. Они с Элизой смогут спокойно спать и не бояться незваных гостей. Оберон представил, как какой-нибудь приятель Фила Два Стакана ищет дверь в купе, понимая, что она должна быть здесь, и не видит ее, и не сдержал ухмылки.

— Не убегай от меня, — негромко сказал Оберон. — Знаешь, я никогда не буду тебя держать, хватит с нас цепей. Если захочешь уйти, просто скажи, что уходишь. Хорошо?

— Я не убегу, — откликнулась Элиза. Оберон погладил ее по волосам и спросил:

— Так что же ты хотела делать потом?

Элиза не ответила. По ее ровному дыханию Оберон понял, что она заснула.

«Спи, лисичка, — подумал он, глядя, как за окном пролетают черные гребни лесов за полями. — Спи и не убегай. У тебя был длинный день».

Элизе снилась тьма.

Существо, которое двигалось к ней сквозь эту тьму, сверкало алмазными боками, хрустело телом горы, вздымалось и опускалось. Не Эдвард призвал его, чтобы уничтожить Элизу, никто и никогда бы не мог такого сделать. Оно пришло само, и его приход заставил Примроуз упасть на землю и выгнуться дугой в бесконечной боли своего предвидения.

«Великий владыка явился на север! — услышала Элиза. — Он вернет корону, которую у него отняли!»

Поезд все шел и шел в Заболотье, и ночь казалась вечной. Иногда она смотрела на окна вагона бесчисленным множеством желтых глаз, и тогда защита, которую Оберон поставил на купе, наливалась серебром.

«Дедушка должен знать правду. Он все мне расскажет», — думала Элиза, и тьма смирялась, и сон тек дальше, уже не пугая и не грозя.

Жерар Тома когда-то был крепкой громадиной — несколько раз он приезжал в гости к дочери в столицу, и маленькая Элиза замирала от сладкого восторга, смешанного с таким же сладким ужасом, когда огромные дедовы руки подхватывали ее и подбрасывали к потолку, чтобы поймать в ту самую минуту, когда Элиза начинала бояться, что дед ее не поймают.

«Ай, девчонка! — рокотал дедов голос на весь дом. — Ай, хороша девчонка растет! Эжен, готовь ружье да палку, скоро будешь женихов разгонять!»

Но с тех пор прошло много лет, дед постарел и, передав мельницу одному из племянников, проводил время на скамейке в саду. Входя в калитку, Элиза вдруг испугалась, что не узнает его — и узнала.

Она замерла, и Оберон, который шел следом, едва не толкнул ее. Элизе вдруг показалось, что она рухнула в какой-то другой мир. Все, что было раньше — ее жизнь в столице, академия, ночь осеннего полнолуния — вдруг отступило. Теперь перед Элизой был лишь облетающий осенний сад, озаренный тихим солнцем бабьего лета, алые звезды яблок в траве и одряхлевший человек в белоснежной домотканой рубахе и серых штанах, который сидел к ней спиной.

— Он уже совсем старенький, — негромко сказала женщина, которая привела их в сад. Элиза так и не поняла, кто она была: то ли родственница, то ли свойственница. — Ослаб, а ведь какой богатырь был! Двумя пальцами монетку в трубочку сворачивал.

— Ослаб... — повторила Элиза, не сводя взгляда с дедовой спины и вспоминая, как когда-то он держал ее на коленях и рассказывал: вот приедешь ко мне, поведу тебя на мельницу, покажу зеленых русалок, что воду крутят. Хлебца им накидаем, уж очень они охочи до хлеба, а они тебе за это жемчужный гребешок принесут...

Женщина кивнула, глядя на Элизу и Оберона с теплым ласковым любопытством.

— Ну вот, дождался родных, — сказала она. — Дай Бог, еще годок-другой протянет, а там уж, — женщина махнула полной красивой рукой и спросила: — Давайте я вам прямо тут обед накрою, полетнему? Устали же с дороги. А там и баньку!

Оберон кивнул, и женщина двинулась к дому. Краем глаза Элиза вдруг увидела, как она изменилась: растаяла белая рубашка, шитая красным, растеклась туманом темная юбка с цветочным узором, и повеяло тихой свежестью реки, запахом трав, далекой песней.

«Русалка, — подумала Элиза и почему-то совсем не испугалась. — Принесет ли гребешок?»

— Принесу, — бросила женщина через плечо и улыбнулась. — Жерар всегда говорил: лучший жемчуг моей внучке. Он знал, что вы приедете.

Элиза улыбнулась и едва не расплакалась, настолько это было спокойно и светло.

И с кем еще жить старому мельнику, как не с русалкой? Оберон одарил женщину цепким взглядом охотника, но ничего не сказал.

Элиза тихонько подошла к старику. Дед дремал; его лицо было похоже на деревянную маску, покрытую трещинами. Поднялся ветер, пробежал по яблонево́й листве, взъерошил седые волосы. Элиза присела на край скамьи, дотронулась до большой сухой руки и негромко позвала:

— Дедушка!

Старик вздрогнул всем телом. Сверкнул молодой и острый взгляд голубых глаз и лицо прорезала еще одна трещина — улыбка.

— Ох ты ж, Господи, — выдохнул он. — Лисичка моя приехала! Как же ты тут?

Совершенно неожиданно для самой себя, Элиза вдруг разрыдалась в голос и обняла деда. От него пахло яблоками и свежим хлебом, тяжелая рука гладила Элизу по плечу, и дед тихо-тихо повторял: ну, ну... Так они и сидели на скамье, переживая обжигающие минуты тоски и счастья, а потом Элиза сказала:

— Дедушка, расскажи мне о бабушке. Бабушке и маме.

Женщину звали Мари — ее настоящее имя было не выговорить, как ни старайся. Она накрыла обед в глубине сада — свекольный суп с протертым мясом, картошка в мундире, соленья — и Оберон помог деду перейти за стол. Опираясь на его руку, старик с каким-то смущением сказал:

— Раньше-то я таких молодцов мог пачками разбрасывать, а теперь вон как. Но ты смотри, внучку мою не обижай. У меня вон, палка наготове.

— Даже мысли такой не было, — серьезно ответил Оберон, помогая деду усесться на скамью. Тот одобрительно кивнул.

— Славный ты парень, вижу. На отца ее чем-то похож, тот тоже был такой, основательный, — он посмотрел на Элизу и с искренней печалью произнес: — Что ж так, лисичка, за что же убили-то его?

Элиза удивленно взглянула на деда. Она ни слова не говорила об убийстве отца.

— Откуда ты знаешь, дедушка? — спросила она. Мари повязала деду салфетку, осторожно придвинула к нему тарелку с супом. Тот опустил ложку в свекольную глубину и ответил:

— Газеты мне Мари читала, я уже сам не вижу. Там писали о нем. Но я сразу сказал, что не таков человек твой отец, чтобы деньги проиграть и застрелиться. Не та порода, и тот дурак, кто в это поверит. Не отдал бы я свою дочь за сволочь. Костями бы лег поперек порога, а не отдал.

— Дедушка... — Элиза чувствовала, как язык и губы начинают жечь от того, что она должна была сказать. — Дедушка, кто был отцом моей мамы?

Старик вдруг грохнул ладонью по столу с такой силой, что вся посуда подпрыгнула. Мари, присевшая было рядом с ним, ахнула и опустила руку ему на запястье. В воздухе отчетливо повеяло свежескошенной травой.

— Я был ее отцом, — проговорил дед с такой ненавистью и болью, что Элизе сделалось холодно. — Мне ее повитуха на руки дала, вот такую. Я ее отец, а не мразь в короне.

Оберон вздохнул, провел ладонью по лицу. Элизу стало знобить. Солнечный осенний день утратил краски, делаясь черно-белым, мертвым, ледяным. В облетающий сад заглянула зима — безжалостная, скорая.

— Отца убили из-за этого, — сказала Элиза и не узнала своего голоса. — Меня тоже хотят убить. Дедушка, расскажи мне все, как было.

— ...Адель мне всегда была по сердцу. Вот как увидел ее, так и сказал: будет моя, и другой мне не надо. Пришел к ее отцу: осенью ждите сватов. Тот меня палкой гнал от самой своей мельницы! Ну да ничего, обычай такой. Так полагается.

Об обеде все забыли: свекольник остывал в тарелках, Мари принесла было чаю с кренделями, но и на него никто не обратил внимания. Дед говорил медленно, погружившись в те далекие дни, когда был молодым и сильным, завидным женихом, и вся его жизнь лежала перед ним — красивая, светлая, правильная.

— А потом сюда дьявол принес Арнота. Приехал в гости принц к нашему владетельному князю. Поохотиться, — губы деда презрительно скривились, лицо дрогнуло и потемнело от нескрываемой

ненависти. — Ну и встретили они мою Аделю, и вспомнил Арнот старый обычай... Кто мы для них, для господ? Так, вещи. Бери, когда захочешь, да пользуйся. Вот он и попользовался.

Он поднес к губам дрожащую руку, словно пытался удержать свою боль — старую, но по-прежнему живую. Элиза всхлипнула. Перед ней словно наяву предстала дорога и девушка в разорванном платье, которая шла, спотыкаясь и захлебываясь слезами, и хотела упасть и больше не подняться.

— Она потом повеситься пыталась, — дед справился с собой, его голос стал ровнее, но лицо по-прежнему было темным. — Я же ее из петли вытащил! Господи Боже, как вспомню... Заглянул в сарай, а она висит, я за ноги ее схватил, веревку рванул, а сам думаю: если умрет, я вот этими руками Арноту голову сверну на сторону. И будь, что будет. Меня тогда ни плаха, ни каторга не пугали.

Мари дотронулась до его плеча, протянула кружку с чаем. Дед словно опомнился, качнул головой.

— Я ей сказал тогда: люблю, от слова своего не откажусь, ждите сватов, — продолжал он, сделав глоток из кружки. — А она, голубка моя, говорит: а если я понесла от него? Так и что, отвечаю, мой ребенок будет перед людьми и миром. А если кто хоть посмотрит косо, я ему быстро рыло за спину заверну. И что ж, спрашивает, ни разу не попрекнешь, что опозоренной взял? Убей меня Господь на том же месте, говорю, если попрекну. Нет тут ни твоей вины, ни стыда, ни позора, — дед отпил еще чаю, вздохнул и продолжал: — Ну что, обвенчались, стали жить. Ее отец, твой прадед, меня к своему мельничному делу приспособил. А потом Анна родилась.

Несколько минут они молчали. Элиза вдруг поняла, что кругом ярко светит солнце, что ветер очень теплый для осени, что вот они все, на ладонях у мира — живые, любящие, настоящие, что зимы нет и смерти нет тоже.

По лицу деда пробежала слеза. Он провел ладонью по щеке, вздохнул.

— Мама ведь не была оборотнем? — спросила Элиза.

— Нет. В Заболотье тогда навье лютовало, как их истребили, так всех нас осматривали, искали скрытые порождения тьмы. Бумажки, говорят, в столицу отправили, в министерство. Не было в Анне никакого зла, никакой черноты. Знаешь, лисичка, я потом много думал об этих бумажках, что Арнот из них узнал про дочь. Из-за этого ее потом и похитили.

Он умолк и какое-то время рассматривал свои руки — большие, натруженные, все еще сильные.

— Я в жизни так не боялся, как тогда. Аделя умерла к тому времени, а тут единственную мою радость забрали, — дед вздохнул, посмотрел на Элизу. — Я почему-то был уверен, что ее забрали. Хотя искали ее тут, конечно, народ поднялся, Анну все любили. Батюшка наш, отец Ансельм, говорил, что ее волки задрали, а я сказал, что сейчас штакетник выворочу и поперек хребтины ему пройду. Потом и искать перестали. А осенью, помню, я вышел — смотрю, Анна моя. Одета по-городскому, офицер какой-то молодой с ней рядом. Я глазам не поверил, подумал, что сплю. Забрали мою девочку, ума, памяти лишили, в зверя дикого превратили. Если бы не Эжен, она бы там в лесу и умерла.

Элиза вспомнила зеркало в малой лаборатории, свою мать, которая брела через лес, не понимая, куда идет. Ярость, нахлынувшая на нее, была настолько густой и давящей, что какое-то время Элиза смотрела и ничего не видела.

В ушах шумела кровь.

— Вот, ларчик у нее был, — произнес дед и указал на шею Элизы; она машинально дотронулась до подвески с жемчужиной. — Эжен подарил на свадьбу.

— Ларчик? — хрипло переспросила Элиза. Дед кивнул.

— Это же зачарованная жемчужина, — подала голос Мари. — Ее можно открывать, что-то хранить. Вы разве не знали?

Шум крови в ушах стал еще громче. Все это время Эдвард искал бумаги, которые подтверждали права Элизы, а она, возможно, носила их на шее. Элиза сжала жемчужину в кулаке, закрыла глаза и услышала:

— Ты добрая девочка, лисичка. И Анна, и Аделя, они ведь тоже добрые были. Отомсти за них тем тварям. Что же они, так и будут жить да радоваться? Свое счастье на нашем горе строить?

Элиза всхлипнула, посмотрела на деда. Он сидел, огромный, прямой и строгий, и она вдруг увидела сильного молодого мужчину, который полюбил и стойко жил с тем, что принесла ему эта любовь. Это было похоже на глоток воды в пустыне; глядя на деда, Элиза окончательно поверила в то, что

справится.

Теперь она не имела права сдаваться. Теперь она должна была до конца пройти по выбранной дороге. Ради деда и его любви, ради матери и бабушки.

— Надо понять, как открыть жемчужину, — прошептала Элиза.

Они с Обероном провозились с жемчужиной до вечера, но она так и не открылась. Мари увела деда в дом, уложила отдыхать; Элиза проводила их, и дед, с надеждой глядя на нее, спросил:

— Побудешь еще? Хоть пару деньков.

— Побуду, — улыбнулась она и поцеловала деда в сухую щеку. Еще одна крошечная слезинка вытекла из его глаза, но дед улыбнулся в ответ, и Элиза подумала, что он счастлив. Как и она — и счастье было особенным, горьким.

Потом они с Мари вышли из дома, и Элиза спросила:

— Простите, вы ведь русалка?

Губы Мари дрогнули в улыбке, и Элиза показалось, что на них не помада, а сладковатый сок осенних ягод. Мелькнула зеленая нить водорослей в волосах, повеяло холодной водой глубокого озера, и Мари ответила:

— Когда-то была. Я бракованная, мои меня прогнали, — в темных глазах женщины проплыли тени, словно огонек мелькнул и погас в глубине. — А ваш дедушка подобрал у мельницы, вылечил. Я тогда совсем маленькая была.

Элизе подумалось, что, заботясь о русалке, дед вспоминал о дочери и внучке.

— Он меня первым делом принес в церковь, — снова улыбнулась Мари и, запустив пальцы за ворот рубашки, вынула шнурок с образком Святой Девы. — Я теперь человек. Даже ваш муж с этим согласен.

Элиза вспомнила, каким взглядом Оберон проводил Мари, и кивнула. Будь в ней хоть капля тьмы, он не сидел бы просто так, в этом Элиза не сомневалась.

— Я так рада, что вы с ним, — призналась Элиза, и Мари благодарно улыбнулась.

— Я тоже рада, — ответила она. — Ваш дед хороший человек.

Сидя за столом и крутя в руках подвеску Элизы, Оберон с некоторой растерянностью признался:

— Честно говоря, я давно не слышал о таких вещах. Заклинание называется Отнорок, это что-то вроде ямки в пространстве. Много туда не набьешь, разумеется, но вот стопку бумаг вполне можно уместить.

— Там и правда что-то есть, — сообщила Мари, ставя перед Обероном и Элизой большую тарелку с яблочными пирожками. Оберон одарил ее тяжелым оценивающим взглядом, словно прикидывал, сколько в ней осталось русалочьего, и Мари торопливо добавила: — Я чувствую жемчуг. Порода такая.

— Я вижу, — кивнул Оберон, но больше ничего не сказал. Элиза толкнула его ногой под столом, Оберон покосился в ее сторону, но промолчал.

— Как же это сделать? — растерянno спросила Элиза. — Я понятия не имела, что это ларец! Как их обычно открывают?

Она с ужасом подумала, что могла бы отнести подвеску в ломбард и не выставлять сластолист на подоконник. У нее ведь мелькнула такая мысль — отложить свой неминуемый позор хоть на несколько дней, а там вдруг все изменится? У Элизы всегда была надежда, которая потом растаяла с едва уловимым хлопком мыльного пузыря.

Она решила сохранить хоть что-то из прежней жизни. Из того времени, когда у нее была семья, любовь, мечты...

— Раньше их запирали на слово, — ответил Оберон. — Может, тут тоже что-то похожее?

Элиза пожала плечами.

— Анна и Эжен, — сказала она. Ничего не произошло. Жемчуг по-прежнему горел мягким лунным светом на ее ладони.

— Эжен и Анна, — произнес Оберон.

Все было по-прежнему. Элиза почувствовала, как где-то в груди, там, где раньше была цепь заклинания, которая соединяла ее и Оберона, словно бы натянулась невидимая нить. Ей сделалось тревожно — так зверь в лесу чувствует еще не взгляд охотника, но его запах.

— Эжен любит Анну. Анна любит Эжена, — промолвила она. Подвеска даже не шевельнулась. Оберон нахмурился, забрал ее и принялся крутить в пальцах.

— Нет, тут не так просто, — заметил он. — Подвеска не должна открыться случайно, это был бы казус. А твои родители постарались бы его избежать, если бы прятали такие важные бумаги.

Они провели за столом несколько часов, подбирая возможные варианты, и в конце концов Элизе показалось, что у нее сейчас взорвется голова. Ничего не получалось. Она давно не чувствовала себя такой несчастной и растерянной. Что, если бумаги действительно там, в жемчужине, и они так и не смогут их достать? Никогда не смогут?

Она почти отчаялась, когда Оберон снова взял подвеску в руки и, отчетливо проговаривая каждое слово, произнес:

— Ее величество Элиза, королева Сандарона, владычица Заокраинных земель, защитница веры.

Элиза даже ахнула: настолько торжественным и тяжеловесным был титул, которым Оберон ее поименовал. Какое-то время ничего не происходило, но потом подвеска дрогнула в руках Оберона, и ее затянуло серебристым туманом. Через несколько мгновений он развеялся, и Элиза увидела на столе стопку бумаг, перевитых красной лентой. Некоторые листы — толстые, золотистые — были украшены крупными багровыми печатями.

Ларец открылся.

Элизе стало жутко так, что в глазах потемнело. Она испугалась, что не сможет прикоснуться к этой стопке — и в ту же минуту протянула руку и взялась за ленту.

— Красиво прозвучало, — Оберон улыбнулся, но улыбка вышла напряженной и болезной. — Давай посмотрим.

— Как ты догадался? — спросила Элиза и взяла первый документ. «Божьей волей и милостью Завещание Арнота, короля Сандарона, владыки Заокраинных земель, защитника веры, — прочитала она и подумала: — Мой дед».

В ту же минуту Элиза поправила себя: «Мой дед отдыхает дома. А это человек, который разрушил три поколения нашей семьи».

— Подумал, что твой отец поставил особый замок, — ответил Оберон. — И очень важный для него лично.

«Я, Арнот, король Сандарона, находясь в здравом уме и твердой памяти, перед лицом Господа нашего и сандаронского народа объявляю свою последнюю волю, — прочла Элиза. — Я признаю Анну Тома моей законной дочерью, первенцем, наследницей престола Сандарона. Да правит она долго, и пусть ее правление будет достойным и искупит мой грех перед ней и ее матерью. Раймунде, моей дочери, остается титул королевского высочества при королеве Анне, ее старшей сестре».

Она протянула завещание Оберону и внезапно поняла, что давно сгустился вечер, Мари успела принести в сад большую лампу, и в комнате деда тоже горит свет за белой кружевной занавеской. Издалека доносился веселый лай собак и голоса, залиvisto пела гармонь под аккомпанемент сверчков. Поселок жил, кругом были люди, отдыхавшие после работы — а Элизе казалось, что она падает в непроглядный мрак.

Ее мать действительно была наследницей престола. Откуда-то из-за деревьев повеяло тихим ветром, и Элиза услышала перезвон колокольцев и далекую песню — лунная лисица бежала по траве и камням:

Батюшка, батюшка
Носит корону. Мельника доченька
Носит его дитя. Лунные темные яды
Знает сестрица моя...

— Я так понимаю, королеве Раймунде не захотелось делиться властью с деревенской девчонкой, — сухо произнес Оберон. Элиза кивнула. Если младшая дочь пошла в отца, то она не обладала такими

глупыми качествами, как порядочность и честность.

Впрочем, кто бы на месте Раймунды просто встал и отошел в сторонку? Да никто.

Элиза взяла следующий листок с печатями — свидетельство о рождении своей матери, где отцом был указан Арнот, король Сандарона. Король действительно признал Анну своей дочерью. Видимо, совесть у него все-таки была, раз он всю жизнь помнил о том, как надругался над Аделью, и постарался исправить свой грех.

— А это завещание? Свидетельство о рождении? — спросила Элиза. — Почему она их не уничтожила?

— Как правило, такие документы создают в нескольких экземплярах, — произнес Оберон. — И если король Арнот знал о характере старшей дочери, то обязательно припрятал копию. На тот случай, если она решит сделать вид, что никакого завещания не было.

Дальше в стопке было несколько листков, исписанных рукой отца. Элиза взяла их, и ей почудилось, что Эжен Леклер выступил из сумерек — живой, молодой, сильный.

«Элиза, если ты читаешь это письмо, то меня уже нет в живых.

Я пишу это и надеюсь, что правда восторжествовала. Что ты, моя дочь, сейчас королева Сандарона, и эта корона принадлежит тебе по праву. Ее отняли у твоей матери, но ты — ты должна быть на своем месте.

Но может быть, что у меня ничего не получилось. И тогда я верю, что ты жива. Что рядом с тобой есть люди, которые тебя поддержат».

Элиза подняла голову и взглянула на Оберона. Тот смотрел на нее с искренней любовью и теплом, он разделял все, что она чувствовала сейчас, и Элиза подумала: да, такой человек есть. И больше я его не оставлю.

«Ты, я полагаю, уже видела завещание твоего деда и свидетельство о рождении твоей матери. На старости лет у Арнота завелась совесть, и он решил, что дочь отмолит его грехи, если он ее признает. Признал, узаконил, передал ей трон. Как думаешь, понравилось ли это принцессе Раймунде, которая тогда уже примеряла корону?

Нет, разумеется. Все экземпляры завещания были тотчас же уничтожены, а нотариус, который их составлял, умер от разрыва сердечной мышцы; было объявлено, что Арнот не изъявил последнюю волю, и принцесса Раймунда становится королевой по закону о престолонаследии.

Раймунда не училась в академии магии, но у нее были опытные помощники, которые посоветовали ей, как расправиться с Анной. Когда Арнот умирал, лейб-лекарь взял его кровь, и на ней был проведен обряд, который сделал твою мать оборотнем. Те, кто похитил Анну, оставили ее в одном из лесов Прихолмья; там в то время работали охотники на порождения тьмы, и они убили бы ее.

Все было бы кончено.

Знаешь, я думал, почему Раймунда не приказала просто убить Анну. Кто стал бы искать деревенскую девчонку, которая заплутала в лесу? Возможно, делая сестру оборотнем, Раймунда так мстила отцу, который всю жизнь притворялся не тем, кем был. Сволочь и насильник, что делал вид, будто он приличный и порядочный человек, и потом, умирая, отобрал у нее все, на что она надеялась, то, без чего не представляла своей жизни».

Элиза отложила письмо, уткнулась лицом в ладони и какое-то время сидела без движения. В голове было пусто и звонко, щеки горели, глаза были злы и сухи. Оберон протянул руку, погладил Элизу по плечу, и она опомнилась.

Да, все это время они были правы, считая ее наследницей престола. Да, семья короля Арнота разрушила жизнь семьи Элизы.

«Когда Анна умирала, то рассказала мне, кто ее настоящий отец, — прочла она. — И я сказал себе, что обязательно докажу это и верну тебе то, что у тебя отняли. Несколько лет я провел в поисках бумаг Арнота и, в конце концов, нашел их. Раймунда и подумать не могла, у кого еще отец мог сохранить копию завещания — у своей любовницы! Дама умерла, а я успел выхватить бумаги буквально за час до того, как наследники опечатали все ее документы!

Ты королева Сандарона, Элиза. Я верю, что ты будешь править долго и станешь достойной владычицей. Береги себя, моя девочка.

Отец».

Элиза выпустила из рук письмо и долго смотрела вперед — сквозь Оберона, сквозь дом, куда-то туда, где, возможно, была ее новая жизнь и новая правда.

Ночь сгустилась, рассыпала над ними пригоршни созвездий, расплескалась тоскливыми криками птиц на болотах, а она так и не шевельнулась.

Глава 11. Проклятие оборотня

— Что ты теперь собираешься делать?

Вечер, ночь и утро Элиза провела в молчании. Оберон не настаивал: в конце концов, когда окончательно узнаешь правду о себе и своей семье, к этой правде следует привыкнуть. Иногда человека надо просто оставить в покое и не надоедать расспросами. Захочет заговорить — заговорит. Но после завтрака, когда Элиза поднялась из-за стола и медленно направилась к воротам, Оберон пошел за ней.

Начался новый день, и ее уже не стоило оставлять в одиночестве. Перебродившие мысли становятся не лекарством, а отравой, а яд нужно вычистить из раны.

— Сейчас? — Элиза будто бы впервые увидела его, настолько удивленным и чужим сделалось ее лицо. — Сейчас хочу погулять. Тут березовая роща за поселком, там красиво.

— А грибы там есть, интересно? — поинтересовался Оберон. — Можно было бы собрать, Мари пожарила бы на обед.

— Грибы? — нахмурилась Элиза. — Ах, да... Нет, я не за грибами, я просто хочу погулять.

Оберон вопросительно поднял левую бровь.

— Не собираешься сбежать от меня? — осведомился он, стараясь говорить максимально безопасно.

Отстраненное выражение покинуло ее лицо; Элиза словно опомнилась и стала той, к которой Оберон привык — не чужой и далекой, а прежней.

— Я не собираюсь от тебя убежать, Оберон Ренар, — ответила она. — Я же обещала. Но все это... — Элиза дотронулась до жемчужной подвески, в которую убрали завещание и письма. — Это правда тяжело.

Они вышли в ворота и пошли по улице в сторону белого гребешка березовой рощи. Соседи старого мельника смотрели на них с почтительным любопытством; кто-то даже шапку снял и поклонился. За домами мелькнула круглая крыша церквушки, и Оберон вдруг вспомнил, что так и не сделал обручальное кольцо.

Он сунул руку во внутренний карман сюртука, вынул розовый камешек и, подбросив его на ладони, безопасно произнес:

— Я его достал из разлома, чтобы сделать для тебя обручальное кольцо. Да так и не успел.

Губы Элизы дрогнули в улыбке, и Оберон запоздало подумал, что сказал полную чушь. Обозвав себя круглым дураком — ну кто так разговаривает с девушкой? — Оберон кивнул в сторону церкви и сказал:

— Давай пойдем туда. Здесь нас поженят и без колец. Потому что... — Оберон запустил руку в волосы и рассмеялся. — Потому что тебе нужна опора. Нужно что-то, что не изменится, не уйдет и не бросит. Кем бы ты ни была.

Элиза обняла его — прижав ее к себе, Оберон почувствовал, что в ней все дрожит от боли и счастья в эту минуту — и негромко ответила:

— Я знаю, что ты не бросишь. Знаю.

— Ты мне нужна, — признался Оберон. — Не потому, что ты займешь престол. Потому, что ты — это ты.

— Я помню, Оберон, — откликнулась Элиза. — Ты говорил.

— Я тебя люблю, — выдохнул Оберон, чувствуя, что все это похоже на прощание навсегда. И пусть — у них тогда останется этот солнечный осенний день, золото берез, надежда.

И пусть будет, что будет.

— Я тоже тебя люблю, — услышал Оберон. — Пойдем?

Служба закончилась около двух часов назад, и священник был занят самым приземленным делом: стоял на клумбе с ножницами и обрезал крупные сиреневые астры — Оберон вспомнил, что в этих краях цветами украшают иконы и статуи святых. Поклонившись священнику, как требовал обычай, Оберон произнес:

— Здравствуйте, святой отец! Мы хотим пожениться!

Священник улыбнулся, срезал еще одну астру и поинтересовался:

— Это решение обдуманное или энергичное?

Элиза улыбнулась в ответ — по-настоящему, светло и ласково. Оберон подумал, что давно не испытывал такого чувства — того, что почти поднимало от земли.

В этот момент он забыл обо всем. Все, что было раньше, потеряло смысл, отступило, сделалось старой запыленной картиной на стене — уже и не различишь, что на ней было, да и не надо различать. Важно было лишь то, что рядом: Элиза, осеннее солнце в ее волосах и особая, умиротворенная тишина сентября.

Это было больше любви и сильнее надежды.

Это было то, к чему он шел все эти годы.

— Это обдуманное решение, — сказал Оберон, и Элиза кивнула: сейчас все, что с ней случилось за эти дни, тоже отступило и померкло. — Только у нас нет обручальных колец, так получилось. Это не помешает?

Священник рассмеялся и покачал головой:

— Если Господь так горячо призывает вас соединиться, то что вам может помешать? В храмовой лавке есть кольца, не волнуйтесь.

— Дедушка! — воскликнула Элиза, и на ее щеках вспыхнул румянец: ей стало стыдно. — Его надо позвать, и Мари тоже!

Жерар Тома со своей русалкой пришел к церкви через час. К тому времени по поселку уже прокатилась новость о том, что внучка старого мельника выходит замуж за охотника на порождения тьмы, и у церкви стал собираться народ. Люди в поселке любили праздники, всегда готовы были отметить свадьбу или день рождения, и Оберон, глядя на них, вдруг почувствовал себя совсем юным, тем пареньком, который убежал из своего захолустья учиться магии и охоте на нечисть. Отец хотел, чтобы Оберон стал полицейским, даже форму ему заказал — а он взял и сбежал.

Тогда Оберон был уверен, что на свете нет ничего хуже таких вот поселочков в глуши, где сонная жизнь еле теплится и тащится куда-то по той колее, которую проложили много веков назад. Родись, ковыряйся в той же грязи, в которой ковырялись отец, деды и прадеды, наплоди таких же неудачников и тихо умри, сойди в ту землю, которая принимала всех до тебя. Все доступные тебе развлечения — пугать коров, напиваться до потери разума и тискать соседок. Но сейчас Оберону казалось, что он вернулся домой — туда, где был тихий свет и любовь, где его принимали таким, каков он был.

Он будто бы умирал от жажды, а ему дали воды — вдоволь, пей, сколько захочешь. Тот ручей, который питает твою жизнь, никогда не иссякнет. Он всегда будет ждать тебя, и однажды ты вернешься к нему.

— А что, друзья? — громко спросил Оберон, и поселяне, которые с любопытством рассматривали его из-за церковного заборчика, заулыбались в ответ. — Не устроить ли нам пир на весь мир?

Предложение, которое Оберон незамедлительно подкрепил купюрой в тысячу крон, нашло в жителях поселка самый живой отклик. Народ засуетился, и вскоре прямо на улице выставили длинные столы, застелили их белоснежными скатертями, и хозяйки принялись выносить соленья и варенья, закуски и напитки — все, что хранили здешние погреба. Усадив старого мельника на скамью рядом с внучкой, Мари сказала:

— Я сейчас сало принесу. Отличное сальце припасла, как знала, что будет случай! И ветчину с брусникой тоже, хорошо?

Жерар кивнул. Сейчас, в нарядной белой рубашке, серых штанах и жилете с вышивкой, он выглядел кем-то вроде старого жреца или учителя: Оберон невольно почувствовал робость.

— Дожил я до счастья, — произнес старик. — Теперь и умирать не жалко. Смотри, парень, не обижай мою внучку. А то я тебя и с того света палкой вытану.

— Я никогда не обижу ее, господин Тома, — ответил Оберон и негромко признался — не пафосно, для красного словца и по случаю, а открыв то, что в самом деле сейчас наполняло ее душу: — Я умру за нее, если потребуется.

Жерар снова качнул головой, и в его глазах появился влажный печальный блеск.

— Смотри, смотри... — только и смог повторить он.

В церковь Оберон и Элиза вошли вдвоем, как и требовал свадебный обряд. Священник закрыл двери, прошел к алтарю, и Оберон увидел, как воздух наполняет золотистым дымом от жертвенника, словно осень, сметавшая листья со всех деревьев, сейчас шагнула под эти своды и опустила солнечные ладони на плечи жениха и невесты.

Оберон взял Элизу за руку; она посмотрела на него и улыбнулась. «Я тебя потеряю, — подумал Оберон, глядя в ее лицо, юное и чистое. — Но это будет потом. А сейчас...»

— Мои возлюбленные чада! — священник обернулся к ним, и Элиза тотчас же сделалась очень серьезной. — Вы пришли сюда, чтобы пред лицом Господа нашего принести священную клятву и соединить две души.

Где-то высоко-высоко захлопали птичьи крылья. С улицы донеслись голоса.

— И я спрашиваю тебя, Элиза, дитя Божье, — на мгновение Оберону почудилось, что Элиза готова расплакаться. — Согласна ли ты взять в мужья этого мужчину, по доброй воле и с чистым сердцем, любить его и делить с ним посланное Господом до конца ваших дней?

Простенькие обручальные кольца на маленьком блюдце почему-то показались Оберону ненастоящими, словно все это было во сне. «Я женюсь», — подумал он и поймал мысль Элизы: «Я выхожу замуж».

Конечно, она представляла свою свадьбу по-другому. Но Оберон знал: важно то, что будет потом. То, как они будут жить и любить друг друга.

— Да, я согласна, — кивнула Элиза и, взяв кольцо, надела его на палец Оберона: так осторожно, словно могла что-то сломать. Священник важно кивнул и произнес:

— А ты, Оберон, дитя Божье? Согласен ли ты взять в жены эту женщину, по доброй воле и с чистым сердцем, любить ее и делить с ней посланное Господом до конца ваших дней?

— Согласен, — ответил Оберон. Кольцо было маленьким и легким, а рука Элизы горячее; он надел кольцо на безымянный палец и улыбнулся.

Та дорога, которая началась с горшка со салом, привела их сюда, в сельскую церковь, к ним настоящим.

— Тогда, дети Божьи, — улыбка священника стала такой, словно он действительно был счастлив, — объявляю вас мужем и женой перед лицом Господа и людей. Любите и берегите друг друга!

Они покинули поселок поздним вечером — обняв деда, Элиза сказала, с трудом сдерживая слезы:

— Так надо, дедушка. Так надо.

Дед понимающе качнул головой, махнул рукой. Элиза испугалась, что он отвернется, но он не отвернулся, лишь сильнее сжал руку Мари и посмотрел на Элизу с такой глубокой любовью и печалью, что в груди сделалось больно и горячо.

Увидятся ли они снова?

— Да я понимаю, — произнес дед. — Раз вас ищут, то сюда придут, это уж точно. Ну мы-то понятно, не видели вас и не слышали. А ты приезжай еще, лисичка. Бог даст, я и правнуков увижу.

Элиза подумала об этом уже в вагоне, когда Оберон запер двери и укутал купе защитным заклинанием. «Я замужем, я вышла за него замуж», — эта мысль казалась Элизе странной и непривычной.

Теперь они действительно были соединены — не заклинанием, а чем-то намного сильнее и важнее. Чем-то лучшим. Хорошим.

Она представляла свою свадьбу совсем не так — и подумать не могла, что все получится настолько красиво и целомудренно. И не надо было ни белого платья от лучшего столичного портного, ни цветов, привезенных с юга, ни щебечущих подружек невесты. Когда-то Элиза мечтала об этом, но теперь точно знала, что все это лишь шелуха. Пустяки, которые не стоят внимания.

Взгляд Оберона в гулком здании церквушки и чувство соединения навсегда — вот что было по-настоящему важным.

Оберон сидел на диванчике, молчал, смотрел в окно — там пролетали платки полей, серебристые в лунном свете, и над травами поднималось и опускалось что-то прозрачное, словно там танцевали привидения. Элиза вспомнила песню, которую отец иногда пел, когда оставался один — о девушке, которую заманили призраки, и теперь она вынуждена танцевать с ними вечно.

— О чем ты думаешь? — спросила Элиза. Оберон задумчиво улыбнулся краем рта.

— О том, какой же у тебя план, — ответил он. — Ты так и не рассказала. А я как твой муж и защитник все-таки имею право знать.

Он говорил с привычной веселой легкостью, и Элиза в очередной раз подумала, что не должна его втягивать во все это.

— Я еду в столицу, чтобы встретиться с королем, — ответила она. Оберон кивнул.

— Это я уже понял. Посмотреть на кузена, пообщаться, — он усмехнулся и цинично заметил: — С родней надо поддерживать связь.

— В каком-то смысле, — ответила Элиза. Ей вспомнился Пайпер — маленькое золотое облако. Как он сейчас в академии? Должно быть, скучает. Возможно, думает, что его бросили. Элиза хотела пообещать ему, что вернется, и не могла этого сделать.

— И как ты собираешься это проверить? — поинтересовался Оберон. — Придешь к воротам дворца, скажешь, что ты сестра короля? Таких сестер прогоняют дровком копыта пониже спины.

Глазам сделалось горячо. Оберон поймал взгляд Элизы, нахмурился и сказал уже серьезнее:

— Я волнуюсь за тебя. И уверен, что нас примут под белы ручки сразу же, как мы сойдем с поезда.

Элиза понимающе кивнула. Чего-то в этом роде она и ожидала. Эдвард не будет сидеть, сложа руки. Элизе казалось, что он боится ее — так те, кто вроде бы победил и надел завоеванную корону, боятся мстителей из прошлого.

— И мы не уедем дальше отделения железнодорожной полиции, — продолжал Эдвард. — Нами займутся прямо там, а то, что от нас останется, потом просто вывезут куда-нибудь за город и утопят в болоте.

Элиза усмехнулась — усмешка получилась кривой и нервной. Увидел бы ее Эдвард — прыгал бы до небес от радости.

— Что ты предлагаешь? — спросила она. — Попетлять? Замести следы хвостом?

Оберон рассмеялся так легко и свободно, словно Элизе удалось очень хорошая шутка.

— Знаешь, как говорят на Востоке? Муж и жена из одного мякиша слеплены, — сказал он. — Мы с тобой и правда одной породы.

Элиза тоже рассмеялась. Оборотень и охотник на оборотней, замечательная парочка!

— И как же мы будем замечать следы? — спросила она. Оберон нахмурился, задумчиво постучал указательным пальцем по носу, и это выглядело настолько комично, что Элиза рассмеялась снова.

Думала ли она, что будет ехать к королю вот так, заливаясь хохотом? Серьезное мероприятие требовало серьезного отношения, а не смеха на все купе. Но Элиза не могла не смеяться.

В ее смехе было грядущее поражение Эдварда.

— Сойдем на какой-нибудь мелкой станции в Прихолмье, не говоря проводнику, — произнес Оберон. — Доберемся до поселка, там найдем лошадку с повозкой и поедем в Свирт. В Свирте у меня есть приятель-артефактор. Густо замазан в криминале, готовит всякие любопытные штуки для рыцарей с большой дороги. Полиция периодически берет его за бока, но потом отпускает.

— И что же он приготовит для нас? — спросила Элиза. Оберон пожал плечами.

— Я вот думаю, как именно изменить нашу внешность. Может, превратить меня в старика, а тебя в мальчика-поводыря? Впрочем, нет, так мы вряд ли подберемся к дворцу. Надо выбрать что-нибудь попримечательнее. Допустим, модный художник с юным помощником, которые пришли рисовать портреты — фрейлины такое просто обожают.

Элиза ахнула.

— Это возможно, вот так изменить внешность? — удивилась она. Оберон пожал плечами.

— Раньше такого не было. Но пока я ехал за тобой в Эбро, то набросал схему того, как это должно работать. Надо было как-то отвлекаться от тягостных мыслей, я ведь все купе готов был разнести...

— Прости, — искренне сказала Элиза, глядя ему в лицо. Оберон кивнул и вдруг молниеносно переместился со своего дивана и сел рядом с ней. Элиза невольно подумала, что так он двигался на охоте, и никто не мог скрыться от него.

— Прощаю, — улыбнулся он, мягко погладил Элизу по лицу, и от этого спокойного и какого-то невинного прикосновения ее вдруг бросило в жар. — Знаешь, никогда не думал, что у меня будет первая супружеская ночь в поезде.

— Я... — начала было Элиза и не успела ответить: Оберон склонился к ней, поцелуй обжег губы, и больше Элизе не хотелось ни говорить, ни думать. Жаркая волна разливалась по всему телу, опьяняя, почти лишая сознания. Оберон целовал ее то нежно, едва касаясь губ, и Элизе казалось, что она не выдержит этого — просто умрет от желания.

Вагон мягко покачивался на рельсах, плыл огненной лодкой сквозь ночь, к луне, к звездному водовороту. И теперь, растворяясь в объятиях Оберона, становясь с ним единым существом, Элиза чувствовала, что вновь возвращается к самой себе — той, которая бежала за полной луной по лесу.

Но это не лишало разума. Это делало ее настоящей и правильной. Наконец-то былью стала не страшная, а хорошая сказка.

И потом, когда все закончилось, окатив ее волной опаляющего, почти невыносимого восторга, Элиза вдруг ощутила, как звездный водоворот над ними вдруг замер, и в нем запульсировала новая звезда — лисья, маленькая, невыносимо яркая.

Дом приятеля-артефактора располагался в крошечном угрюмом поселке; стоял на отшибе, заросший кустами сирени и шиповника. Было видно, что привести сад, забор и крыльцо в порядок у хозяина не доходят руки. Судя по острому химическому запаху, окружавшему дом, у артефактора находилось множество других, более важных проблем и забот. Пока Оберон с Элизой шли по дороге, обитатели этого места несколько раз наградили их такими взглядами, что впору было хватать немногочисленные вещи и бежать отсюда, как можно дальше. Но Оберон выглядел настолько спокойно и беспечно, что и Элиза перестала волноваться.

Оберон поднялся на тоскливо заскрипевшее крыльцо, постучал в дверь, и вскоре из дома донесся сварливый голос:

— Вали давай отсюда! Никого не принимаю!

— А старых друзей? — с улыбкой осведомился Оберон. Из дома немедленно сообщили, что таких друзей берут за определенные места и отправляют в музей первым же поездом и без остановок, но дверь все-таки открылась, и на свет высунулось маленькое востроносое лицо с хитрыми желтоватыми глазками, украшенное треснувшими очками и бумажной нашлепкой на лбу. Всмотревшись в Оберона, хозяин поморщился, будто отведал кислого, и поинтересовался:

— Ренар, ты, что ли? Жив еще, собачий сын? Я думал, тебя уже волки съели на твоих болотах.

— Я, Базиль, кто ж еще? Жив-здоров твоими молитвами, — широко улыбнулся Оберон. Базиль фыркнул, но открывать дверь и приглашать гостей не спешил.

— И какого же лешего тебе тут понадобилось? — полюбопытствовал он.

Оберон мигом смахнул с себя веселый и приветливый вид и хмуро сказал:

— Есть работа. Чем быстрее ее сделаешь, тем быстрее получишь... — и он вынул из кармана маленький желтоватый алмаз и продемонстрировал Базилю. Глазки артефактора наполнил энергичный блеск, тот высунул из дверей руку и быстрым движением сцапал камень и принялся его рассматривать и обнюхивать.

— Академический? — поинтересовался он. Оберон кивнул.

— Даже здесь все уже знают... — вздохнул он. Базиль снова издал презрительное фырканье.

— Везде знают, — сообщил он. — Шило вот такущее, с медвежьей ногой, а вы его решили в кисете спрятать? По всем артефактам волна прошла, а там уж дело хозяйское выяснить, с какой стороны она взялась и чем была направлена, — Базиль довольно спрятал камень в карман, бросил быстрый взгляд в сторону Элизы и поинтересовался: — Так чего тебе надо-то?

Оберон вынул аккуратно сложенный лист бумаги, махнул им, и Элиза увидела какую-то схему с множеством стрелок и формул, похожих на химические.

— Сработает? — спросил Оберон. Базиль таким же проворным движением выхватил листок и приблизил его к лицу так, словно хотел облизать все буквы. Элизе показалось, что он даже принюхивается.

— Так, так, мда... — пробормотал Базиль и, приподняв очки на лоб, осведомился: — Это кто намалевал? Ты?

— Я, — угрюмо кивнул Оберон, и Базиль покачал головой.

— Рехнуться можно. Как ты до такого додумался? Пил, что ли, неделю? Обычно от питания такие мысли приходят.

— Нужда заставила, — сказал Оберон. Элиза почти слышала, как в голове Базиля проворными мышами скачут мысли: это же сколько можно получить, это же теперь никакие легавые нас не выследят, но надо со своим интересом... Ей сделалось противно.

Артефактор чем-то напоминал Гнюка — только крыс теперь казался Элизе намного приличнее.

— Кревашно, братко, — осклабился Базиль и отступил в дом. — Покорпачу, выдам к ночи.

В ту же минуту дверь захлопнулась так громко, что Элиза вздрогнула. Оберон ошарашенно покачал головой.

— Что он сказал? — спросила Элиза. Оберон выругался, пнул ни в чем не повинную дверь и ответил:

— Что подумает, поработает и вечером выдаст готовые артефакты.

Они прошли к кривой скамейке у забора, сели, и Элиза заметила:

— Какой-то он негостеприимный.

Оберон усмехнулся.

— Да, я тоже надеялся на чашку кофе с булочкой, — он провел ладонями по лицу и заметил: — Ты какая-то странная. Как будто постоянно к чему-то прислушиваешься.

Элиза вдруг поймала себя на том, что улыбается, наивно и растерянно, совершенно детской улыбкой.

— Да, — кивнула она. — Мне кажется, случилось кое-что очень важное...

Элиза не договорила; Оберон вскинул голову и, прикрыв глаза, потянул носом воздух, словно где-то что-то горело.

— Девочка, — уверенно сказал он. — Еще одна рыжая лисичка. Но она устроит нам веселье! Будет такая же красивая и добрая, как ты... и такая же упрямая и дикая, как я.

— Ты не дикий, — промолвила Элиза, не понимая до конца, о чем он говорит, и в то же время чувствуя невероятную, сокрушающую правоту.

Девочка. Рыжая лисичка. Та, чья звезда сегодня вспыхнула и зазвучала в общем хоре мира. Та, которая бежала к Элизе через лунную ночь — и Элиза ждала ее, раскинув руки.

«Я беременна? — удивленно подумала Элиза и тотчас же сказала себе: — Да. Беременна. Почему бы и нет?»

— Еще какой дикий! — рассмеялся Оберон. — В нашем поселке не было такого забора, на который я бы не залез. И не было собаки, на которой бы я не покатался. А пробраться на праздник и сколоть дамские платья булавками? О, это я любил, умел, практиковал, — его улыбка стала еще шире. — Дамы в разные стороны, а ткань рвалась. И все хором кричали: ох уж этот негодный мальчишка Ренар! И призывали моего отца задать мне хорошую трепку, чтобы сидеть не мог неделю.

— Я... — прошептала Элиза и накрыла живот ладонью, словно что-то могло ранить или обидеть ее звездочку. Оберон снова рассмеялся, мягко обнял ее за плечи.

— Тебя это так удивляет? — спросил он. — Знаешь, когда люди любят друг друга, то у них обязательно появляются дети. Такие вот беспокойные и озорные рыжие лисички. А потом еще и рыжие лисы, я всегда хотел большую семью. Мне было скучно без братьев и сестер. Вот тогда-то академия будет под ударом! Мои дети никому не дадут покоя, это точно. Будут бегать по коридорам

и мазать полы той помадой, которой Анри укладывает волосы. А потом смеяться над тем, как студенты падают.

Элиза тоже рассмеялась и услышала, как где-то далеко-далеко над горами, поросшими лесом, над ручьем, над кленовыми листьями рассыпается тихий звон.

— Ты волнуешься, — сказала она, и Оберон кивнул.

— Волнуюсь. И всегда начинаю вот так болтать, как дурак, когда волнуюсь по-настоящему. А летом мы привезем ее к твоему деду. Он будет рад.

«Летом. К деду», — повторила Элиза, и сквозь веру в будущее вдруг пробился страх. Она вспомнила, куда и к кому должна прийти, и вдруг у нее мелькнула наивная мысль: а что, если спрятаться? Сменить имя, уехать — да хоть в другую страну, и жить там. Она думала о том, каким станет ее будущее, и сейчас оно пульсировало под ее ладонью, светилось яркой лисьей звездой.

«Ради нее, — подумала Элиза. — Ради нее я не имею права отступать. Эдвард ведь не отступит, он будет искать меня, а жить в постоянном страхе за себя, за Оберона, за наших детей... Нет. Это будет предательством».

Она должна была закончить историю своей матери, бабушки и отца. Вернуть честное имя генералу Леклер. И потом жить так, как решит сама, а не так, как ее заставят охотники.

— Да, — ответила Элиза. — Он будет рад.

И сжала руку Оберона так, словно она могла удержать ее от падения в пропасть.

Немолодой художник, щегольски одетый по последней столичной моде, сел в вагон первого класса поздним вечером. Мальчишка-помощник, который тащил большой саквояж, сумку с красками и несколько тубусов с холстами, несколько раз налетел на двери и едва не свалил лесенку — проводник, который проверял билеты, даже сердито сказал ему:

— Ты хотя бы смотрел, куда идешь! Бессовестный!

Художник презрительно покосился в сторону мальчика и заметил:

— Исключительный лентяй! Скорее, Бруно! Мне нужны мои капли!

— Иду, м'лорд! — охотно откликнулся мальчик и зацепил саквояжем даму, которая шла к соседнему купе. Та ахнула, испуганно оглядела платье на предмет прорех и обиженно заметила:

— Следите за своим помощником, милорд! Это платье от самого Шельбетта! Я отдала три тысячи крон не за то, чтобы его рвали!

Художник приподнял аккуратную шляпу, обнажив лысину в окружении редких рыжеватых волос, и почтительно произнес:

— Прошу прощения, миледи. Мальчик дурачок, я уж держу его при себе из уважения к его покойным родителям. Если ваша душа так же прекрасна, как ваше лицо, то вы будете к нему снисходительны.

Дама зарозовела прекрасным лицом, потом всмотрелась и кокетливо спросила:

— Ах, вы ведь Маттео Аруни? Великий живописец?

Художник снова приподнял шляпу.

— Несчастный Маттео Абуни, вы хотите сказать, — ответил он. — Я надеялся, что в этих краях меня посетит вдохновение, но увы! Кислые ягоды, такое же кислое вино... надеюсь, в столице все будет намного лучше.

— О, я тоже надеюсь! — воскликнула дама. — Его величество Эдвард организует осенний бал!

Художник махнул рукой.

— Меня более интересуют интерьеры дворца, с точки зрения живописи. Приятного путешествия, миледи! — и уже мальчику, который возился в купе: — Бруно! Невыносимый мальчишка! Где капли!

— Несу, м'лорд! Несу!

За полчаса до того, как художник и его нагруженный вещами спутник появились на перроне,

Базиль вышел из дома и протянул Оберону две серебряные пластинки, исчерченные рунами. Весь его потрясенный вид так и кричал о том, что Базиль только что совершил нечто невероятное — и уже придумал, как поставить это себе на службу.

— Вот! — сказал он. — Чтобы запустить, жмите на руны. Чтобы остановить — просто проведите по гладкой стороне.

Он едва не приплясывал от нетерпения, и Оберон его прекрасно понимал. Ему даже стало жаль артефактора. Создать такую вещь и потом не суметь ее использовать.

Еще месяц назад Оберон пристрелил бы Базиля. Никто не удивился бы его смерти — у таких людей всегда имеются доброжелатели, которые так и жаждут всадить им пулю в лоб. Но теперь все изменилось. Он и сам не понял, как Элиза сделала его другим, но этот другой человек нравился Оберону намного больше.

И он приготовил для Базиля кое-что приятнее пули.

Оберон подбросил артефакт на ладони, представил того, о ком рассказывала Элиза, и нажал на руны подушечкой большого пальца. По голове мазнуло прохладным ветром, пахнущим машинным маслом и пылью, Оберона слегка качнуло, и он вдруг увидел себя со стороны: мальчика лет двенадцати в поношенном костюме подмастерья. Длинные темные волосы были заплетены в косу, широкий рот улыбался от уха до уха, а глаза блестели, обдумывая очередную каверзу.

Элиза ойкнула, рассмеялась, зажала рот ладонями.

— Да! — воскликнула она. — Это Бруно! Просто идеально!

Базиль даже присел на скамеечку. Некоторое время он смотрел на Оберона и не видел его, и торжествующая улыбка на его губах была безумной. Затем Базиль расхохотался и воскликнул:

— Ну и ну! Вот так схема! Работает, чтоб меня черти драли!

Элиза осторожно нажала на руны, и вокруг нее на мгновение стусился серебристый туман. Когда он рассеялся, Оберон увидел перед собой почтенного джентльмена, который маскирует лысину, зачесывая на нее рыжеватые волосы, и носит дорогой костюм даже в глуши. Джентльмен убрал артефакт в карман и уверенным, чуть хриплым голосом произнес:

— Бруно, несносный мальчишка! Что ты стоишь? Где мои капли?

Базиль даже глаза потер и выдал фразу, которая высоко оценила новые артефакты — правда, исключительно нецензурно. Оберон усмехнулся и потянулся к их саквоягам, которые сейчас приняли вид сумок и тубусов.

— А у меня тут для вас кой-чего есть, дяденька, — заметил он, щелкнул замком и вытащил из саквояжа круглый шарик из бейнского мрамора, окутанный заклинаниями. Шарик подпрыгнул на его ладони, метнулся в сторону Базиля и ударил его в лоб.

Базиль качнулся и какое-то время оторопело смотрел на Оберона, словно никак не мог понять, что с ним происходит. Оберон мог бы ему объяснить, что этот шарик полностью стирает воспоминания обо всем, что случилось в этот день, но, разумеется, не стал. Вскоре взгляд Базиля прояснился, и он нахмурился и гневно воскликнул:

— Вы кто такие?

«Отлично! — обрадовался Оберон. — Он нас не узнает!»

— С вами все в порядке, сударь? — церемонно осведомилась Элиза. Базиль одарил ее мрачным взглядом и ответил:

— Было, пока вы не приперлись. Чего надо?

Элиза важно вскинула голову. Оберон едва не рассмеялся — настолько чванливым и заносчивым выглядел великий художник.

— Мы испугались за вас, — ответила Элиза. — Вы сидели здесь в обмороке, а теперь еще и хамите нам. Бруно, негодный мальчишка, что ты стоишь? Бери вещи, идем!

— Иду, м'лорд! — воскликнул Оберон и сгреб в охапку сумки и тубусы. — Сей секунд, м'лорд!

И Элиза с видом обиженной добродетели пошла к калитке, бросив через плечо:

— Вот и помогай после этого людям! Не делай добра, не наткнешься на брань!

— Валите! — напутствовал их Базиль и, со стоном поднявшись со скамьи и держась за голову, поплелся к дому. Когда Оберон и Элиза вышли со двора и побрели в сторону станции, то Оберон позволил себе рассмеяться.

В купе он снова набросил защитный полог — мало ли, на всякий случай, и Элиза, устало откинувшись на спинку дивана, призналась:

— Я ужасно по этому соскучилась. По всем этим светским разговорам, пустякам. По ценам на платья, балам...

Оберон понимающе кивнул. Посмотрел на себя и увидел, собственно, привычного себя, Оберона Ренара, охотника на порождения тьмы — а в зеркале на двери купе по-прежнему отражался юный Бруно.

— У тебя прекрасно получилось, — одобрительно произнес он. — Этот Маттео Аруни действительно такой?

Элиза улыбнулась.

— Да, он очень неприятный тип. Отец как-то заказал у него мой портрет, и я обрадовалась, когда все закончилось. И он так гонял этого мальчика, Бруно...

— Я не обижаюсь! — махнул рукой Оберон. — Этот Бруно действительно дурачок или просто делает вид?

— Делает вид, — ответила Элиза. — На самом деле он замечательный.

Какое-то время они ехали молча. За окнами клубилась тьма — осенние вечера всегда такие, непроглядные и тоскливые, и хорошо, если есть надежда на тепло очага.

— Художников действительно пускают во дворец рисовать, — сказал Оберон. — Мы пройдем... а там уже дело техники. Хотя намного проще было бы нарядиться служанкой.

Элиза усмехнулась.

— С моим собственным лицом я далеко не пройду.

— Ты так и не рассказала, что собираешься делать с Эдвардом, — произнес Оберон после нескольких минут молчания.

Элиза кивнула. Сквозь тяжелый дух модных мужских духов на миг пробился ее настоящий запах — словно лисица махнула хвостом по сырой после дождя траве.

— Я и не расскажу, — ответила она. — Потому что это только мое дело, Оберон. Но ты просто будь рядом, хорошо? Просто будь.

Оберон улыбнулся. Кивнул.

— Буду, — сказал он и подумал, что хотел услышать именно это.

Художников допускали в парадные залы дворца по предварительной записи, но для великого Маттео Аруни и помощника было сделано исключение. Когда они поднимались по парадной лестнице мимо молчаливых стражей, похожих на ярких кукол в своих парадных алых камзолах и высоких меховых шапках, то сопровождавший, мужчина средних лет с подчеркнуто угодливым выражением лица, поинтересовался:

— Вы так быстро вернулись с юга, господин Аруни? Нам говорили, что вы там пробудете до зимы.

Элиза вздохнула, выразительно завела глаза к высокому потолку.

— Да, я собирался там встречать новый год. Но эта проклятая боль в суставах меня просто доконала. Так что пришлось вернуться к родным берегам! Как это было у Суфина, помните: «... родные крыши мне чужих дворцов милее»... — и Элиза помахала рукой в воздухе так, как это делал Аруни в те времена, когда писал ее портрет.

Она подумала, что привычки живописца могли измениться. Он мог, например, стать озлобленным и угрюмым. Впрочем, что теперь об этом думать, другого способа проникнуть во дворец и пройти дальше порога у них пока не было.

Сопровождавший понимающе покачал головой.

— Что ж, мы рады, что вы вернулись! Без ваших картин Большая энциклопедия королевской архитектуры была бы неполной, — он обернулся к Оберону, который тащил мольберт, холст на подрамнике и сумку с красками и кистями, и осведомился: — Ну а ты, негодный мальчишка? По-прежнему изводишь своего господина?

— Никак нет! — ответил Оберон с тем лихим и придурковатым видом, который так любят всякие шишки на ровном месте. — Я стараюсь, м'лорд, накажи меня Господь, если не стараюсь!

Сопровождавший расхохотался.

— Никаких перемен к лучшему! — воскликнул он, и перед ними распахнулись двери большого коронационного зала.

Утром Оберон спросил, готова ли Элиза к тому, что ей придется рисовать. Когда он поставил мольберт с холстом, то Элиза вспомнила, как в детстве ее учили живописи — привозили в парк, к прудам и лебедям, и на какое-то время Элиза так глубоко погружалась в движения кисти и тот мир, который послушно отражался на ее холсте, что забывала, кто она и где находится. Была лишь кисть и рука, которая ею водила.

Учительница говорила, что таковы все восторженные девочки, которые любят красоту. Потом, глядя на свои детские рисунки, Элиза прекрасно понимала, что это была мазня. Куда ей до великого Аруни!

Но она хотя бы знает, с чего можно начать.

Некоторое время Элиза делала набросок — большие окна, что выходили в сад, давали достаточно света. Она не торопилась. Тронный зал торжественно дремал, и его колонны из серебристого мрамора казались часовыми на посту. Оберон посмотрел в окно, бесшумно прошел по залу, заглянул в приоткрытую дверь и кивнул каким-то своим мыслям. Где-то далеко пробили часы, и Оберон вдруг настороженно повел головой, словно услышал что-то подозрительное.

— Не двигаться! — по залу раскатился уверенный мужской голос. — Только шевельнитесь и в вас будут стрелять.

Значит, их разоблачили. Должно быть, великий Аруни успел оставить о себе неприятную память и вряд ли заявился бы во дворец вот так, внаглую. Элиза осторожно опустила кисть на подставку, и двери в зал распахнулись, пропуская вооруженную охрану. В ту же минуту Элиза увидела, что из тайных окошек почти у потолка на них с Обероном смотрят ружейные дула.

Что ж, надо было хотя бы попробовать. Вот и Оберон пропадет вместе с ней, и маленькая лисичка...

В зал вошел человек, которого до этого Элиза видела только в газетах и в волшебном зеркале. Вблизи Эдвард, ее двоюродный брат, выглядел не таким спокойным и холеным, как на снимках. Волнение смыло с короля лоск, и из-за облика уверенного венценосца вдруг выступил мальчик, который пошел на преступление, чтобы отвоевать свою игрушку.

— Я лично выгнал Аруни из дворца, — медленно проговорил Эдвард. Элиза смотрела на него, не в силах отвести взгляда. Вот он, человек, который приказал убить ее отца, который охотился на нее, как на дикого зверя. — Он не отважился бы заявиться сюда.

Элиза понимающе кивнула. Оберон выступил так, чтобы закрыть ее собой, и со стороны это, должно быть, выглядело наивно и жалко.

— Здравствуй, Элиза, — произнес Эдвард. — Прими свой обычный вид... раз уж так.

Элиза усмехнулась.

— Для начала пусть твои люди опустят ружья, — сказала она. — Или мы обсудим при свидетелях, как именно был убит мой отец? И почему ты и твоя мать заняли чужое место?

Едва заметного движения головы Эдварда было достаточно, чтобы охрана опустила ружья и бесшумно покинула зал. Элиза посмотрела на Оберона, он кивнул, и они вынули свои пластинки артефактов. Глаза Эдварда нетерпеливо сверкнули.

Обратное превращение отдалось легкой болью в затылке. Должно быть, Эдвард ожидал, что Элиза не устоит на ногах, но она устояла.

— Почему ты не приказал стрелять? — небрежно поинтересовалась она. Вот он, внук Арнота, из тех, кто искалечил три поколения ее семьи — Элиза сама удивилась тому, насколько спокойно вдруг сделалось на душе.

Эдвард не будет стрелять. Теперь он будет говорить и слушать.

— Бумаги, — коротко ответил он. — Раз ты заявила сюда, значит, точно знаешь, где завещание моего деда. Оно мне нужно... — Эдвард ухмыльнулся и добавил: — На всякий случай.

Разумно. Можно убить Элизу прямо сейчас, но если она успела кому-то передать документы деда, то скоро придется ждать в гости самозванку, и не одну.

— Я его тебе отдам, — твердо сказала Элиза. Эдвард вопросительно поднял левую бровь: такого поворота он точно не ожидал. — Видишь ли, мне не нужен престол Сандарона.

Эдвард рассмеялся, словно Элиза сказала невероятную глупость. Он и представить себе не мог, как кто-то в здравом уме способен отказаться от короны.

И он, и его мать убивали за нее. А Элиза вдруг приходит и говорит, что ей не нужен престол Сандарона.

— А что же тебе нужно, милая кузина? — ласково осведомился Эдвард, и Элиза заметила, как напряглось и потяжелело лицо Оберона.

— Правда, — ответила Элиза, понимая, что сейчас Эдвард скажет все, и от этого понимания ее бросало то в жар, то в холод. — Как умер мой отец?

Эдвард усмехнулся.

— Он сказал, что если меня не остановит мое благоразумие, то это сделают его штыки. Я разрешил ему уйти, а мой личный зельевар отправил ему посланнице с Рукой мертвеца и вшитым в нее приказом. Дальше он все сделал сам.

Значит, Рука мертвеца. «Будет делать то, что приказано, даже если ему приказать прыгнуть с крыши», — зазвучал в ушах Элизы голос Анри.

— Так я и думала, — сказала она глухим неживым голосом. Зал вдруг наполнило осенним ветром с далеких гор, пахнущим снегом и смертью, и Оберон шагнул в сторону так, словно им руководила чужая воля.

Лицо Эдварда сделалось бледным, как восковая маска. Он почувствовал то, что сейчас входило в зал по воле Элизы, то, что она принесла с собой из академии. Элиза обошла ненужный уже мольберт, приблизилась к королю и, мягко опустив руки ему на плечи, негромко сказала:

— Я отрекаюсь от власти, Эдвард. За себя и свое потомство. Ты хочешь править — так будь хорошим королем. Я даю нерушимую клятву святого Лаврентия, что не буду мешать тебе.

На мгновение Элиза испугалась, что у нее ничего не получится. Но когда она сказала о нерушимой клятве, то вокруг ее рук поплыли золотые искры, окутывая ее и Эдварда. Силы, которые Элиза призвала на помощь, услышали ее. Растрепанная книга заклинаний, найденная Элизой в малой лаборатории, не соврала.

— Ты безумна, — едва слышно произнес Эдвард.

— Может быть, — ответила Элиза. — Но мне не нужна власть. Надеюсь, клятва тебя в этом убедила.

Эдвард ухмыльнулся. Элизе почудилось, что золотое облако слепило их в единое целое.

— Передумаешь — и она тебя убьет, — проронил Эдвард и добавил, словно выплюнул: — И твое потомство тоже.

— Я знаю! — рассмеялась Элиза, и золотое облако стало растекаться по залу. Ее клятву услышали и подтвердили те силы, которые стояли выше любой магии. Она улыбнулась и, опустив руки, отошла от Эдварда. Второй ее подарок он уже получил. — Я знаю и не передумаю.

— Дура, — процедил Эдвард. Краем глаза Элиза заметила, как Оберон смотрит на них — спокойный и в то же время готовый сорваться в любую минуту, как стрела с тетивы, он стоял так, словно готов был броситься на короля, если тот вдруг совершит глупость. — Ты могла бы стать королевой.

— Могла бы, — кивнула Элиза. — А стану матерью, женой... Это мне нравится намного больше. Мне только не нравится то, что твоя мать наградила меня оборотничеством. Я возвращаю этот подарок тебе, кузен, он мне не нужен.

Щедрая щепоть, о которой Анри рассказывал в первую их встречу, была едва заметной серебристой пылью; делая вид, что рисует, Элиза нанесла ее на ладони. Маленький ларчик с пылью стоял в лаборатории — однажды, разбирая вещи, Элиза направила на него лупу, и ларчик вспыхнул зеленым.

Тогда она поняла, как должна закончить историю с Эдвардом.

Эдварда качнуло. Какое-то время он стоял, вслушиваясь в себя, а затем нервными движениями принялся смахивать невидимую пыль с рукавов и плеч там, где до него дотронулась Элиза. Рой серебристых мошек окутал короля и с веселым звоном разлетелся во все стороны. Эдвард несколько раз тряхнул головой, словно пытался проснуться, его лицо исказилось мучительной судорогой.

— Щедрая щепоть? — уточнил Оберон. — Ваше величество, вас можно поздравить с оборотничеством?

Он запустил руку в волосы и расхохотался на весь дворец. Эдвард перевел на него потемневший взгляд, и Элиза испугалась, что он бросится. Не бросился — лишь стоял и смотрел, и его била дрожь.

На пол за его спиной упала тень — лисья, темная, осенняя.

— Оборотничество, которое вам дали с Щедрой щепотью, невозможно передать кому-то еще, — наставительным тоном заметил Оберон. — Примите совет специалиста, прямо сегодня вшейте ограничительную нить. До полнолуния еще далеко, но лучше не мешкать.

Движение руки Эдварда было молниеносным — Элиза взлетела в воздух, задыхаясь и пытаясь разжать пальцы, впившиеся в ее горло. Чужая ненависть, захлестнувшая ее, была настолько глубокой, что Элиза почти потеряла сознание. На несколько мгновений она перестала понимать, что происходит, и опомнилась, увидев, что Оберон закрывает ее собой, а Эдвард отшатнулся в сторону, с шипением и проклятиями баюкая отбитую руку. По шее и правой щеке короля расплзались темные разводы, словно кто-то плеснул в него чернилами.

«Господи Боже...» — только и смогла подумать Элиза.

— А вот это напрасно, — незнакомым свирепым тоном произнес Оберон. — Вы теперь связаны с моей женой. Попытайтесь убить ее — и Щедрая щепоть убьет вас. Наймете кого-то — умрете той же смертью. Отойдите лучше подальше... и позовите уже лейб-медика! Он вам нужен!

Эдвард застонал и почти без сознания осел на паркет. Оберон оглянулся на Элизу и спросил уже мягче:

— Это все? Мы можем идти?

— Да, — кивнула Элиза. — Только заберу кое-что.

Они вернулись в академию за час до того, как туда нагрянула большая правительственная инспекция. Стоя в комнате отдыха при своем деканате, Оберон смотрел в окно и думал о том, что никогда не видел такого количества чинуш в официальных красных плащах. Они высыпали во двор замка, словно снегири, слетевшие с веток — или это кто-то взял и разбросал грозди рябины.

Все было таким же, привычным, даже немного скучным — студенты, расписание занятий, желтые папки с отчетами по факультету, запах мела в аудиториях — и все было совсем другим.

— Она красивая, правда? — спросила Элиза. Оберон отвернулся от окна и посмотрел на раскрытый сейф: там на бархатной подушечке лежала бриллиантовая диадема королевы Раймунды — та, которую должна была носить Анна. Элиза смотрела на нее спокойно и отстраненно, словно бесценная корона была просто пригоршней камней на берегу реки.

Оберон знал этот взгляд, он так смотрел на свои трофеи — когти и клыки чудовищ. Смотрел, вспоминал, как добыл их, и радовался, что победил.

И Элиза победила. Сокрушила порождение тьмы — а кто сказал, что Эдвард был хорошим человеком? — и обезопасила себя. Хорошая победа. Красивая. И трофей достойный.

— Красивая, — произнес Оберон вслух. — Пророчество сбылось.

Элиза улыбнулась. Строгая задумчивость покинула ее — перед Обероном была веселая и беззаботная девушка, которая сделала очень важное дело и теперь могла отдыхать. Пайпер, который так и светился от невыразимого счастья от того, что хозяйка не бросила его и вернулась, сейчас пританцовывал возле ее ног.

Эдвард получил свое. Элиза вернула ему то, чем Раймунда наградила ее семью — пусть теперь живет с этим, пусть передает своим детям. Захочет ли он вообще заводить детей в таком случае...

— И сбылось только сейчас, — заметила Элиза. — Я вернулась на север и забрала корону, которую у

меня отняли.

Оберон подошел, обнял ее, по-прежнему до конца не веря, что все закончилось хорошо, и спросил:

— Ты уверена, что не пожалеешь об этом?

Он не увидел улыбку Элизы — просто почувствовал, что она улыбается.

— Нет, — ответила она. — Это было бы глупо, становиться королевой.

Оберон рассмеялся — он и в самом деле удивился. Все девушки хотят быть принцессами и королевами, а Элиза не хочет. До сих пор не хочет.

— Почему?

Элиза вздохнула. Отстранилась от него и ответила:

— Знаешь, отец всегда учил меня думать, а потом делать. Вот я и подумала, что за мной нет тех сил, которые меня поддержат. Да, на алмазы можно купить и наемников, и народную любовь, но если не знать, что с этим делать... Меня бы уничтожили, и очень скоро. А потом началась бы война. Нет уж, пусть Эдвард сидит на своем месте.

Оберон кивнул. Покидая дворец, Элиза не попросила — распорядилась, чтобы Эдвард вернул ее отцу доброе имя. Когда они приехали на север, то в вокзальном киоске красовался свежий выпуск газеты со статьей о том, что дело генерала Леклер вернулось на доследование, и уже установлено, что он не покончил с собой, а был убит.

— И что же теперь? — спросила Элиза, вглядываясь в статью так, словно могла увидеть за ней отца — еще живого. Оберон неопределенно пожал плечами.

— Не думаю, что Эдвард теперь захочет как-то тебя обидеть, — ответил он. — Найдут какого-нибудь молодца из военных, которому так и так светит отдых за решеткой, и повесят на него это дело. В любом случае твой отец оправдан. Он не гуляка, который проиграл чужие деньги и пустил пулю в лоб.

Элиза кивнула, соглашаясь.

— Все кончилось, — негромко сказала она, и Оберон улыбнулся — на этот раз потому, что у него на душе было спокойно и светло.

— Все только начинается, — произнес он. — Ты, я, наша лисичка.

Элиза закрыла дверь сейфа, и корона утонула во мраке. Оберон понимающе кивнул и предложил:

— Пойдем на улицу. Я уже вижу Акиму, он собирается устроить экскурсию нашим гостям.

Ректор не выглядел ни испуганным, ни взволнованным. Толпа важных гостей не напугала его; Оберон видел, что Акима пребывает в самом умиротворенном расположении духа. Да, приехали чиновники из министерства магии и образования, потому что Базиль был прав: шила с медвежьей ногой не утаить в кисете. Оберону даже стало интересно, что Акима решил им показать.

Они с Элизой спустились во двор как раз в тот момент, когда Акима негромко кашлянул, привлекая к себе внимание, и заговорил так, как говорил со студентами в первый день учебного года: ровным уверенным тоном человека, которому нечего скрывать.

— Уважаемые коллеги, дорогие студенты, сегодня у нас в гостях представители двух министерств, магии и образования, — студенты дружно похлопали в ладоши, и важные чинуши посмотрели на них с таким кислым видом, словно несколько дней ели только барварийские лимоны. — Они приехали сюда, желая осмотреть недавний провал, который образовался на территории академии. Кто-то, — Акима позволил себе маленькую, но очень выразительную усмешку, — сообщил, что это не провал, а настоящие алмазные копи!

Студенты и преподаватели дружно расхохотались. Аверна белозубо улыбнулась и отчетливо произнесла:

— А я никак не выйду в свой лекторий новую доску! Теперь-то заживем!

Анри, который стоял рядом с ней, обернулся к Элизе и Оберону и с искренним волнением спросил:

— Как съездили?

Оберон прикрыл глаза и кивнул.

— Все хорошо, — ответил он. — Элиза продолжает работу по разбору малой лаборатории.

Принц Жоан, который от любопытства почти приплясывал на месте, изменился в лице, словно Элиза и Оберон на пару совершили что-то невозможно глупое.

— Безумие! — выдохнул он. Анри понимающе улыбнулся и сказал:

— Верное решение. Жоан, вы уже закончили отработку?

Принц скорчил гримасу и скрылся в толпе студентов.

— Академия ничего не скрывает! — продолжал Акима. — Я приглашаю наших гостей и всех вас заглянуть в провал и попробовать найти там те алмазы, которые так всех заинтересовали.

Министерские гости, похожие на взъерошенных красных птиц, дружно двинулись за Акимой по дорожке, убегавшей к горам в обход замка. Часть студентов и преподавателей потянулась за ними, остальные пошли в академию. Накрытые столы со вторым завтраком привлекали их намного больше. Элиза шла, держа Оберона за руку, и он подумал, что мог бы так идти с ней вечно — под мягким светом осеннего солнца, облетающей рыжей листвой, бледным зонтиком неба.

Это было то же чувство сбывшегося счастья, которое накрыло его в поезде.

— Они такие важные, — с улыбкой заметила Элиза. Кто-то из министерских обернулся в их сторону, нахмурился, и Элиза помахала ему рукой. Чиновник отвернулся и прибавил шага так, словно она чем-то швырнула в него, не попала и собиралась повторить.

Подойдя к провалу, Акима встал так, чтобы не заслонять вид всем заинтересованным, и, указав туда, где, по мнению гостей, скрывались алмазы, произнес:

— Что ж, вот провал. Приглашаю любого из вас заглянуть и лично сделать выводы.

Какое-то время было тихо, затем один из чиновников, немолодой и плешивый господин с внешностью знатного борца с зеленым змием, прошел к провалу, склонился над ним и замер, вглядываясь во тьму. Несколько минут он стоял неподвижно, а потом вдруг плюхнулся на живот, свесился вниз и заскреб пальцами по камням.

— Вот! — прокричал он. — Вот он!

По толпе пронесся шум. Плешивый поднялся, не обращая внимания на то, что его алая мантия перепачкана в грязи, и продемонстрировал всем сверкающий камень размером с фалангу большого пальца. Элиза ахнула, но Оберон заметил, что Акима и все остальные обитатели академии остались абсолютно невозмутимыми.

— Вот! — проорал плешивый. Его глаза наполнило лихорадочным блеском. — Алмаз! То, что они хотели скрыть и присвоить!

Казалось, у провала разлилось шумное красное море — чиновники заговорили все сразу. Плешивый вдруг вздрогнул всем телом, и по его пальцам, воздетым с камнем к небу, заструилась вода.

— Вот... — повторил он, глядя на свою руку совершенно безумным взглядом. Оберон даже испугался, что бедолага сейчас умрет от разрыва сердца. — Вот...

Акима понимающе кивнул.

— Зарвенийская обманка, — сказал он. — В земле действительно похожа на алмаз. Но когда к ней прикасаются солнечные лучи, она растекается лужей. Спросите любого профессионального геолога, он вам расскажет о ней. Ее магический след, который отмечают артефакты, в самом деле похож на алмазный. Она попортила нервы многим разработчикам!

Снова стало тихо, а потом тишина звонко разлетелась на осколки — студенты расхохотались и, довольные видом сконфуженных чиновничьих физиономий, подались в сторону замка. «Идеальный выход! — подумал Оберон. — Акима все-таки умница: нафаршировал провал обманками, укутал настоящие камни заклинаниями и посрамил чинуш. И вывел академию из-под удара».

— У нас очень хороший ректор, — заметил Оберон, когда они с Элизой вошли в ворота замка. Элиза улыбнулась, Оберон обнял ее за плечи и спросил: — Что теперь собираешься делать?

— Разбирать малую лабораторию, — рассмеялась Элиза. — А потом пообедать с тобой в саду, погода хорошая. А совсем потом... — она задумалась, глядя в небо, и снова рассмеялась: — Растить нашу лисичку. Жить.

— Отличный выбор! Полностью его поддерживаю, — Оберон улыбнулся в ответ и подумал: вот рядом с ним ее величество Элиза, королева Сандарона, владычица Заокраинных земель, защитница веры.

Его любимая.

Его жена.

Тьма в зеркалах, которая преследовала его много лет, замолчала. Ей уже не о чем было говорить.